

ISSN 1815-3186

БиблиОсфера

БС

журнал по библиотековедению,
библиографоведению,
книговедению
и информатике

№ 3, 2013

Учреждение Российской академии наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения РАН

БИБЛИОСФЕРА

Научный журнал

№ 3 Июль – сентябрь 2013

Издается с января 2005 г.

Выходит четыре раза в год

Главный редактор

Б. С. Елепов, д-р техн. наук, профессор, ГПНТБ СО РАН

Научно-редакционный совет

О. Л. Лаврик, д-р пед. наук, профессор, ГПНТБ СО РАН
(зам. гл. редактора),

В. Н. Алексеев, канд. филол. наук, доцент, ГПНТБ СО РАН,

О. Н. Бахтина, д-р филол. наук, ТГУ,

Ц. П. Ванчикова, д-р ист. наук, Ин-т монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН,

С. Н. Васильев, академик, Ин-т проблем управления
им. В. А. Трапезникова,

Н. И. Гендина, д-р пед. наук, профессор, КемГУКИ,

М. Я. Дворкина, д-р пед. наук, профессор, РГБ,

Н. Е. Калёнов, д-р техн. наук, БЕН РАН,

В. С. Крейденко, д-р пед. наук, профессор, СПбГУКИ,

С. Н. Лютов, д-р ист. наук, профессор, ГПНТБ СО РАН,

Ю. П. Мелентьева, д-р пед. наук, профессор, НЦ исследований
истории книжной культуры при НПО «Издательство “Наука”»
РАН,

И. С. Пилко, д-р пед. наук, профессор, КемГУКИ,

А. Л. Посадсков, д-р ист. наук, ГПНТБ СО РАН,

Р. А. Трофимова, д-р социол. наук, профессор, АлтГАКИ,

А. М. Федотов, д-р физ-мат. наук, чл.-кор. РАН, ИВТ СО РАН,

В. В. Шайдуров, чл.-кор. РАН, ИВМ СО РАН

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-21712 от 17 августа 2005 г.
Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия

© Учреждение Российской академии наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения РАН (ГПНТБ СО РАН), 2011

СОДЕРЖАНИЕ**БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ**

Личные библиотеки известных деятелей
Сибири и Дальнего Востока (конец XVIII –
середина XX в.)

Е. Б. Артемьева

3

Библиотечная история Харбина

А. А. Хисамутдинов

11

Первые библиотеки Тамбовского края

О. В. Медведева

18

Организация библиотечного обслуживания
в Тамбовской губернии в 1920-е гг.

И. В. Ураева

23

МЕТОДОЛОГИЯ НИР

Методологические проблемы анализа
научных теорий

В. П. Котенко

29

Теории библиотековедения в структуре
социально-гуманитарных наук
и информационных технологий

Е. Е. Елькина

39

КНИГОВЕДЕНИЕ

Польская историческая книга как феномен
интеллектуальной культуры эпохи
Возрождения

Д. В. Карнауков

49

ИНФОРМАТИКА

О возрасте актуальной информации
в биологии, науках об окружающей среде
и экологии

Ю. В. Мохначева, Т. Н. Харыбина

59

Индексы цитирования как инструмент
оценки научной деятельности
и формирования репертуара научных
информационных ресурсов

*Н. Ю. Берёзкина, О. Н. Сикорская,
Г. С. Хренова*

62

CONTENTS**LIBRARY SCIENCE**

Private libraries of famous persons in Siberia
and the Far East (end XVIII – middle XX
centuries)

E. B. Artemyeva

Library history of Harbin

A. A. Khisamutdinov

The first libraries of the Tambov edge

O. V. Medvedeva

Organization of library services in the Tambov
province in 1920-s

I. V. Uraeva

METODOLOGY OF RESEARCH WORK

Methodological problems of the scientific
theories analyses

V. P. Kotenko

Theories of library science in the structure
of the social science, humanities and
information technologies

E. E. Elkina

BIBLIOLOGY

Polish historical book as a phenomenon
of intellectual culture of the Renaissance

D. V. Karnaukhov

INFORMATICS

On the age of actual information in biology,
environmental sciences and ecology

Yu. V. Mokhnacheva, T. N. Kharybina

Citation indexes as an instrument for evaluating
the results of scientific research and forming
the list of scientific information resources

*N. Yu. Beryozkina, O. N. Sikorskaya,
G. S. Khrenova*

ДИСКУССИИ		DISCUSSIONS
«Голландская болезнь» российской библиографии <i>В. П. Леонов</i>	67	«Dutch disease» of Russian bibliography <i>V. P. Leonov</i>
РЕЦЕНЗИИ		REVIEWS
Монография, которую необходимо прочитать всем библиографоведам <i>В. С. Крейденко</i>	71	The monograph to be read by all bibliographers <i>V. S. Krejdenko</i>
Русский ученый об американском библиотековедении <i>Ю. Н. Столяров</i>	72	A Russian scholar on American librarianship <i>Y. N. Stoljarov</i>
Библиотеки Сибири и Дальнего Востока: диалог во времени <i>Е. Н. Орлова</i>	76	Libraries of Siberia and the Far East: dialogue across the time <i>E. N. Orlova</i>
ВЫШЛИ В СВЕТ	66	NEW BOOKS
ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ	78	IN PRINT
Информация для авторов	79	Information for authors

УДК 027.1(091)(571)
ББК 78.347.95

ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ ИЗВЕСТНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (КОНЕЦ XVIII – СЕРЕДИНА XX В.)

© Е. Б. Артемьева, 2013

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15*

Представлены сведения о личных библиотеках известных деятелей Сибири и Дальнего Востока, по роду своей деятельности не имеющих прямого отношения к книге.

Ключевые слова: личная библиотека, наука, культура, регион, Сибирь, Дальний Восток.

The article provides information on the private libraries of famous persons in Siberia and the Far East, who were not directly related to books by the nature of their activities.

Key words: a private library, science, culture, region, Siberia, the Far East.

На всем протяжении письменной истории человечества существовали личные библиотеки, их развитие – важная и интересная часть культурной эволюции страны. По прошествии времени сохранившиеся личные собрания становятся источниками, к которым обращаются за информацией, возникшей в результате их историко-культурного бытования. Изучение личных библиотек имеет междисциплинарный характер: в разные годы к ним обращались педагоги и историки, культурологи и филологи, библиотекосведы и книговеды.

В контексте библиотекосведения и книговедения общетеоретические вопросы, связанные с феноменом личной библиотеки, рассматривали П. Н. Берков, А. А. Гречихин, Б. Е. Казанков и В. А. Петрицкий, Л. М. Соскин, Ю. Н. Столяров, В. И. Терёшин, А. Я. Черняк, О. С. Чубарьян, В. В. Масевич, Ю. П. Мелентьева, О. Н. Ильина, Н. А. Шавыркина и др.

Изучают историю личных библиотек и на региональном уровне – А. А. Бровина и Л. П. Рошеская (Европейский Север России), Н. А. Мудрова и Е. П. Пирогова (Урал), О. В. Захарова (Мордовский край). Разрозненные сведения о личных библиотеках известных деятелей Сибирско-Дальневосточного региона можно почерпнуть в публикациях исследователей региональной книжной культуры, однако мы считаем целесообразным обобщить эти материалы.

Комплексное представление опыта становления личных библиотек деятелей Сибири и Дальнего Востока, по нашему мнению, важно для обеспече-

ния преемственности и сохранения научного знания, укрепления статуса регионального библиотекосведения. Мы акцентируем внимание на личных библиотеках известных людей, для которых деятельность, связанная с книгой (книгоиздание, книгораспространение, работа в библиотеках), не являлась основным занятием.

Известно, что долгое время Сибирь была местом проживания только автохтонного населения, в конце XVI в. эту территорию начали осваивать русские. Царское правительство, понимая значимость распространения православия среди коренных народов и первых русских поселенцев, в 1620 г. учредило здесь Сибирскую епархию (впоследствии – Сибирская и Тобольская), из которой в 1727 г. выделилась Иркутская; в 1834 г. – Томская. В 1840 г. была учреждена Камчатская епархия, разделенная в 1898 г. на Благовещенскую и Владивостокскую. Создание Енисейской епархии датируется 1861 г., Якутской – 1869 г., Забайкальской – 1894 г. [1, с. 1395–1418].

Обитатели вплоть до конца XVIII в. являлись главными просветительскими центрами Сибири – при них открывались духовные школы, семинарии, обеспечивающие грамотными кадрами гражданские и церковные учреждения края; местные епископы, будучи самыми образованными людьми среди населения, по долгу своей деятельности вносили посильный вклад в культурное развитие региона. Как правило, они имели богатые личные собрания книг.

По мнению исследователей, выделяются пять библиотек, принадлежавших крупным сибирским

иерархам: архиепископу Тобольскому Варлааму (Петрову) (1729–1802 гг.), архиепископу Иркутскому Михаилу (Бурдукову) (1770–1830 гг.), архиепископу Тобольскому и Сибирскому Афанасию (Протопопову) (1783–1842 гг.), Томскому епископу Агапиту (Вознесенскому) (1793–1854 гг.), Иркутскому епископу Вениамину (Багрянскому) (1742–1814 гг.) [2]. Эти библиотеки являлись необходимым элементом социальной культуры общества, поскольку выполняли важнейшие историко-культурные функции: культовую, мемориальную, кумулятивную, образовательную, воспитательную, просветительскую, миссионерскую. Впоследствии они составили основу библиотек духовных училищ и семинарий.

В XIX в. шло активное хозяйственное освоение территории. Создавались промышленные предприятия, учреждения науки, культуры и образования, велось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали; наблюдалась активная массовая крестьянская миграция в Сибирь (переселенческая революция).

Известные деятели этого времени также обладали значительными личными коллекциями литературы. В частности, большими собраниями книг располагали владельцы промышленных предприятий, купцы.

В Красноярске самой крупной и широко известной не только в России была библиотека промышленника, винозаводчика Г. В. Юдина (1840–1912 гг.). По свидетельству современников, в его домашней библиотеке было более 100 тыс. книжных томов и 6 тыс. архивов частных лиц и учреждений. Она была чрезвычайно богата редкими изданиями.

В библиотеке Г. В. Юдина не пропущено ни одного сколько-нибудь важного сочинения по русской истории от В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина до М. П. Погодина, С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова и В. О. Ключевского, также собраны уникальные издания и рукописи прошлых веков, почти все отечественные журналы XVIII и XIX столетий. С наибольшей тщательностью Г. В. Юдин коллекционировал материалы о Сибири: труды по истории, археологии, этнографии, комплекты сибирских газет; местные издания – работы статистических комитетов и научных обществ, памятные книжки и календари, библиографические труды и т. д.

В начале 1900-х, в силу семейных обстоятельств, Г. В. Юдин решил продать свою библиотеку и отправил несколько объявлений для опубликования в зарубежных газетах. В частности, в «Вашингтон пост» была указана цена библиотеки – 250 тыс. руб., что значительно ниже реальной. Через Публичную библиотеку в Петербурге Г. В. Юдин обращался непосредственно к Николаю II с предложением купить его библиотеку государству всего за 150 тыс. руб., но получил отказ.

В результате безуспешных попыток продать библиотеку в России Г. В. Юдин в 1907 г. продал свое собрание – около 81 тыс. томов вместе с карточным каталогом – за 100 тыс. руб. Библиотеке Конгресса США, в которой оно стало основой Славянского отдела [3–5].

Вторая собранная библиотека Г. В. Юдина, значительно меньше первой, поступила в 1920 г. в Енисейское книгохранилище, созданное в Красноярске при музее Приенисейского края «для целей науки и библиографии». Сначала книгохранилище находилось в ведении городского отдела по народному образованию, в дальнейшем – стало самостоятельным. Сюда свозились фонды библиотек, брошенных владельцами, книги из упраздненных при советской власти учреждений, а также национализированные частные собрания [6].

В книгохранилище, при поступлении библиотеки Юдина, сразу была начата работа по регистрации и каталогизации книг, предприняты меры к сохранению библиотеки в целом виде как ценного библиофильского собрания. В 1921 г. библиотека была признана национальной. Однако не просуществовав и двух лет, книгохранилище было закрыто; Юдинские книги вместе с десятками тысяч других изданий стали фондами музея Приенисейского края. В законсервированном виде они долго лежали в подвалах музея, а в 1935 г. были переданы Красноярской краевой библиотеке, где хранятся и в настоящее время (сейчас это Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края). Юдинское собрание насчитывает около 10 тыс. единиц хранения, в том числе свыше 8 тыс. томов книг, свыше 100 из которых на французском, немецком, английском, латинском, польском, сербскохорватском и других языках, и 1640 периодических изданий XVIII – начала XX в. Оно универсально по своему содержанию и включает литературу по всем отраслям знания с преобладанием материалов гуманитарного цикла. Собрание богато рукописями, изданиями гражданской печати XVIII в., запрещенной и нелегальной литературой, прижизненными изданиями произведений русских классиков, книгами с автографами и экслибрисами выдающихся общественных деятелей и др. По своему статусу Юдинское собрание является книжным памятником-коллекцией федерального значения [7–9].

Часть городского населения сибирской провинции составляли купцы, которые также имели личные библиотеки. В регионе, отдаленном от центра страны, со слабым развитием торговых путей, купцам принадлежал приоритет в развитии книжной культуры.

В частности, В. Н. Баснин (1788–1876 гг.) – потомственный купец, занимавшийся оптовой чайной и меховой торговлей, городской голова Ир-

кутска с 1850 по 1852 г., почетный гражданин города, член Русского географического общества (РГО), библиофил, собрал уникальную библиотеку. Он являлся одним из учредителей городской публичной библиотеки Иркутска, жертвовал свои книги библиотекам училищ, семинарий. Так известно, что значительный вклад от него поступил в библиотеку Якутского уездного училища: уезжая из Иркутска в Москву в 1858 г., свою личную библиотеку, включающую издания различной тематики, в том числе богатую коллекцию «Сибирика» – книги по истории Сибири, среди которых многие уже тогда считались библиографической редкостью, он подарил Иркутской духовной семинарии. Поскольку духовная семинария располагалась не в центре города, библиотека сохранилась во время пожара 1879 г., уничтожившего все крупные библиотеки Иркутска.

В 1920 г. библиотека В. Н. Баснина поступила в библиотеку Иркутского государственного университета [10; 11, с. 13; 12]. Это книжное собрание универсального характера, которое формировалось несколькими поколениями купеческой семьи, состоит из 1235 названий книг и 185 комплектов журналов. Библиотека включает старопечатные книги богословского и церковно-исторического содержания; большую часть коллекции составляют российские издания XVIII – первой половины XIX в.: исторические сочинения, литературные альманахи, пособия по практическому применению экономических знаний, необходимых в коммерческой деятельности, книги по естествознанию [13].

Лучшей библиотекой в Нерчинске – культурном центре Забайкалья – располагал купец М. А. Зензинов (1805–1873 гг.). Он являлся членом различных обществ, в числе которых Вольное экономическое и Императорское Русское географическое общество. В круг научных интересов купца входили проблемы истории края, а также народного творчества и литературы.

М. А. Зензинов собрал научную библиотеку, основу которой составили книги, приобретенные у декабристов – И. И. Горбачевского, Д. И. Заваляшина, М. А. Бестужева. В его собрании были книги по биологии, медицине, истории; баллады и сказки на тунгусском языке, русские свадебные и «простонародные» песни, «сведения о названиях мест по Нерчинскому округу». После смерти М. А. Зензинова часть книг попала к его племяннику – купцу М. Д. Бутину [14; 15, с. 36–38].

М. Д. Бутин (1836–1907 гг.) – предприниматель, общественный деятель, меценат. После окончания окружного училища вместе с братом учредил Нерчинское золотопромышленное товарищество и торговый дом «Братья М. Д. и Н. Д. Бутины». Впоследствии М. Д. Бутин приобрел крупнейший в Восточной Сибири Ново-Александровский винокурен-

ный завод. В 1870 г. организовал торговую экспедицию в Китай (г. Тяньцзинь), за материалы экспедиции был награжден серебряной медалью РГО.

М. Д. Бутин жертвовал большие средства на создание в Нерчинске учреждений культуры и образования: Софийского женского училища, музыкальной школы, отделения Русского музыкального общества, типографии, городской библиотеки и публичного музея. Финансировал деятельность Приамурского и Восточно-Сибирского отделений РГО. В его особняке в Нерчинске, наряду с собранием живописи, нумизматической коллекцией, минералогическим кабинетом, имелась очень ценная библиотека с сочинениями на четырех языках – около 30 тыс. томов. В нее входила беллетристика, книги по искусству, сочинения по юридическим, политическим и торгово-промышленным вопросам, местные издания (Иркутска, Кяхты, Нерчинска, Читы, Хабаровска, Благовещенска). По завещанию купца библиотека (4500 названий, более 20 тыс. томов) перешла Нерчинскому реальному училищу. Часть книг попала в Иркутск, Красноярск, Петербург [15, с. 38; 16; 17].

В Верхнеудинске (Улан-Удэ) значительными библиотеками обладали купцы А. М. Курбатов, Г. М. Шевелёв, П. Т. Трунёв, Д. А. Меншиков; в Кяхте – И. М. Немчинов, М. Г. Сахаров, М. М. Коквин, Г. М. Осокин [18, с. 96]. Наиболее известной была библиотека Старцевых.

Д. Д. Старцев – купец, в доме которого воспитывался сын отбывавшего в Селенгинске ссылку декабриста Н. А. Бестужева – А. Д. Старцев. А. Д. Старцев (1838–1900 гг.) впоследствии также стал известным купцом и промышленником. Работая в Китае (г. Тяньцзинь), начиная с 1861 г., А. Д. Старцев собрал уникальную библиотеку: редчайшие древние книги и рукописи по востоковедению (А. Д. Старцев хорошо знал бурятский, монгольский, китайский и несколько европейских языков).

Имеются разные сведения о судьбе этой библиотеки. Одни исследователи указывали, что библиотека погибла во время Боксерского восстания в Китае¹ [18, с. 96; 19], другие отмечали, что книжные раритеты уцелели и их удалось вывезти на о. Путятина (в заливе Петра Великого Японского

¹ Боксерское восстание в Китае (1900 г.). В конце XIX в. в Китае возникло массовое движение против иностранцев (европейцев, американцев, а также японцев), которое было инспирировано тайными обществами, называвшимися И-хэ-цюань («Кулак справедливости и гармонии»), Да-дао-хуй («Общество большого ножа») и Да-цюань-хуй («Общество большого кулака»). Из-за слова «кулак» англичане стали называть этих деятелей «боксерами», и это наименование распространилось в Западном мире. Идеология «боксеров» имела мистически-религиозный характер. Приверженцы сект «кулака» и «ножа» верили, что в результате магических заклинаний они обретали сверхъестественные способности, в том числе неуязвимость от холодного и огнестрельного оружия.

моря, в 50 км от Владивостока). В годы гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке родственники А. Д. Старцева, не найдя на Родине покупателей, способных заплатить достойную цену за уникальную библиотеку, продали ее за границу. Куда именно и кому – до сих пор является тайной [20].

Заметим, что в конце XIX в. А. Д. Старцев переехал на российский Дальний Восток, многое сделал для развития науки и культуры в регионе. В частности, являясь почетным членом Восточно-Сибирского отдела РГО, он пожертвовал свой дом в г. Кяхта для размещения в нем краеведческого музея, существовавшего при Троицкосавско-Кяхтинском отделении РГО; финансировал деятельность общества изучения Амурского края, выделял средства на строительство музеев во Владивостоке и Хабаровске [21].

Часть личной библиотеки А. Д. Старцева все же уцелела. Она поступила в 1930-е гг. в хранилище Дальневосточной краевой библиотеки (сейчас это Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ, Хабаровск) из Дальневосточного краевого научно-исследовательского института (Владивосток). Как считают специалисты, это книги из дома, где проживала семья Старцевых. Библиотека включает 775 единиц, из которых 191 книга на русском, 584 – на иностранных языках, их хронологические границы: конец XV – начало XX в. Большинство книг из личной библиотеки посвящены востоковедению и имеют владельческие признаки: «А. Д. Старцев», «А. Д. С.». В этом собрании есть книги, принадлежавшие сыну А. Д. Старцева (Николаю) с владельческими признаками «Н. Старцев», «Н. С.», «Библиотека Н. А. Старцева». Как свидетельствуют исследователи, у сына была обширная библиотека современной на то время литературы, как художественной, так публицистической и научной; собирал он и редкие книги, по большей части иностранные: в его коллекции имелись инкунабулы, палеотипы, довольно полно была представлена продукция типографии Эльзевиров [21–23].

Общественности известна личная библиотека Н. И. Гродекова (1843–1913 гг.) – Приамурского генерал-губернатора. Он являлся председателем Совета Приамурского отдела РГО, содействовал открытию естественно-исторического музея (Хабаровского краевого музея), носящего сейчас его имя, много сил и времени отдал созданию первой публичной библиотеки края. В разные периоды своего существования библиотека именовалась как: библиотека Приамурского отдела РГО, Николаевская публичная библиотека (1894 г.), библиотека при Хабаровском областном музее (1921 г.), Дальневосточная краевая научная библиотека (1931 г.), Хабаровская краевая универсальная научная библио-

отека (1981 г.), сейчас это уже упоминавшаяся нами ДВГНБ. Несколько книг из своей коллекции Н. И. Гродеков сам подарил этой библиотеке, собираясь уезжать с Дальнего Востока в Санкт-Петербург: на обложках или титульных листах карандашом помечено «Гродеков Н. И.» и стоит дата – 10 сентября 1902 г. Впоследствии своим завещанием он пожертвовал Хабаровску все свои этнографические коллекции и богатейшую личную библиотеку. Коллекция книг Н. И. Гродекова в ДВГНБ насчитывает около 1,5 тыс. книг, если учитывать книги и альбомы, которые были завещаны библиотеке Гродековского музея.

Н. И. Гродеков содействовал и открытию Восточного института в 1899 г. во Владивостоке, принимал активное участие в пополнении фондов библиотеки вуза [24–26].

Свои личные библиотеки имели многие ученые, что закономерно. Так, известна личная библиотека Г. Н. Потанина (1835–1920 гг.), внесшего значительный вклад в развитие науки и культуры Сибири: это издания научных и культурно-просветительских обществ, с которыми ученый активно сотрудничал или членом которых являлся – труды Императорского Русского географического общества, его отделов и подразделов, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, Императорской академии наук. По тематике – это литература по этнографии, географии, статистике, истории Сибири и стран Дальнего Востока, Китая и Монголии, изданная как в европейской части, так и в Сибири. Сибирские издания составляли 13% от общего объема библиотеки.

Поскольку Г. Н. Потанин работал в Институте исследования Сибири (создан в 1919 г. в Томске), перед которым ставилась задача научно-практического изучения природы, населения в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического развития, часть фонда его личной библиотеки посвящена именно этим аспектам [27].

В 1920 г. библиотека из этого института, вместе с архивом Г. Н. Потанина, насчитывавшая примерно около 5 тыс. томов, поступила в фонды библиотеки Томского государственного университета, где с 1993 г. ведется ее восстановление. Отличительная особенность книг: рядом с шифром библиотеки Института исследования Сибири имеется помета чернилами «Пт.» [28].

Ценные фонды по различным отраслям знания собраны фольклористом и этнографом, лингвистом, краеведом Алтая С. И. Гуляевым (1805–1888 гг.), который много сделал для открытия библиотек для населения. Именно он создал первую частную общедоступную публичную библиотеку и читальню

в Барнауле в 1862 г., высказывал идеи о создании специальных библиотек, соединении библиотеки с музеем. Кроме того, он состоял кандидатом в члены Общества попечения о начальном образовании, выступал за открытие гимназии в Барнауле, университета в Сибири [29–32]. Его личная библиотека – одно из самых крупных книжных собраний Сибири второй половины XIX в. Исследователи, занимавшиеся реконструкцией библиотеки С. И. Гуляева, считают, что в нее можно включить 1129 экземпляров книг и периодических изданий согласно описи, составленной его сыном в 1918 г. при продаже библиотеки Каракорумской земской управе в Горно-Алтайск. В опись включена естественно-научная, техническая и экономическая литература, книги по точным наукам, литература гуманитарного профиля (история, этнография, фольклор, языкознание) и художественная литература. Самым многочисленным был раздел гуманитарный. Ряд книг в настоящее время хранится в фондах Государственного краеведческого музея Республики Алтай [30, 33, 34].

Исследователи представили обществу сведения о личной библиотеке еще одного гражданина Алтая – А. А. Лесневского (1866–1920 гг.), инженера, городского головы Барнаула с 1913 по 1916 г. Он был активным членом, секретарем и библиотечкарем «Общества любителей исследования Алтая». В отчете о деятельности этого общества за 1900 г. особо отмечен его вклад в работу по приведению в порядок библиотеки: А. А. Лесневским был составлен «каталог всех книг, каковых оказалось 1158» [35]. В его личной коллекции имелся ряд экземпляров «Алтайского сборника», издававшегося названным обществом, а также книги, освещавшие деятельность Общества попечения о начальном образовании.

В Барнауле известна деятельность еще одной общественной организации – отдела Русского общества городов-садов, целью которого являлась пропаганда улучшения жилищных условий и полная реформа градостроительства; где тоже работал А. А. Лесневский. В частности, он принимал участие в создании генерального плана Новониколаевска, проектировал его главную магистраль – Красный проспект [36]. В связи с этой деятельностью в его личной библиотеке хранились сборники проектов деревянных домов со сметами, справочными таблицами и практическими указаниями. Являясь представителем «Общества любителей драматического искусства», он собирал книги по искусству, произведения русских и зарубежных драматургов [37]. Личную коллекцию А. А. Лесневского сейчас можно найти в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке [38].

Носителями и создателями культуры в обществе были и представители интеллигенции – учи-

теля, врачи, юристы. Многие из личных книжных собраний собирались не одним поколением. В Забайкалье известна библиотека высокообразованного медика, библиофила, знатока музыки М. В. Танского – библиотеку эту начал собирать еще его отец, акцизный чиновник.

Будучи врачом, М. В. Танский (1869–1962 гг.) также преподавал в Верхнеудинском реальном училище и женской гимназии, являлся судебным экспертом. Е. А. Танская, его супруга, преподавала в приходском и реальном училищах; в 1930-е активно принимала участие в ликвидации неграмотности. Основную часть этой библиотеки составляли книги по медицине; справочная и художественная литература. Часть коллекции (967 экз.) в настоящее время хранится в этнографическом музее народов Забайкалья [18, с. 97–98; 39; 40].

Библиотека красноярского юриста И. А. Ицына (1867 г. р.) считалась одной из лучших в России того времени. С 1893 г. И. А. Ицын был помощником секретаря Красноярского окружного суда, титулярным советником, затем до 1936 г. – младшим нотариусом суда. Его библиотека по юриспруденции насчитывала около 20 тыс. книг. И. А. Ицын подарил свою библиотеку городу, заложив основание современных краевой научной и городской библиотек. Часть его книг и сейчас можно увидеть в фондах библиотек, в том числе и в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края, научной библиотеке Красноярского государственного педагогического университета им. Астафьева – все они имеют экслибрис «Иосиф Абрамович Ицын» [41–44].

Известна библиотека И. Т. Савенкова (1846–1914 гг.) – преподавателя Красноярской гимназии, директора учительской семинарии, педагога-новатора, который исключительно высоко оценивал роль библиотек в просвещении народных масс, изучал читательские интересы населения. Он выписывал книги из Москвы и Петербурга. Увлекался театром, учредил в Красноярске «Общество любителей драматического искусства». В 1868 г. основал шахматный кружок. Библиотека И. Т. Савенкова по шахматам содержала такие редкие издания, которых не имели даже самые значительные государственные библиотеки. Впоследствии, с 1907 по 1911 г., его деятельность была связана с Минусинским краеведческим музеем, в котором он работал в должности заведующего и проводил археологические исследования на территории Хакасии, в связи с чем в его личной библиотеке появились книги соответствующей тематики [41, 42, 44, 45].

Личная библиотека красноярца В. А. Сипкина (1878 г. р.) была известна не только в городе, но и за его пределами. Сначала он работал учителем ремесленного училища, бухгалтером, впоследствии стал режиссером и детским драматургом. Им написано

более 60 детских пьес. В 1915 г. в фонде библиотеки В. А. Сипкина было более 1200 названий, в том числе 250 детских пьес. В библиотеке были представлены произведения русских и зарубежных драматургов, книги о театре и актерах. После революции 1917 г. библиотека В. А. Сипкина продолжала расти, и к концу 1926 г. в ней насчитывалось уже более 4 тыс. пьес. Представители «Общества любителей драматического искусства» брали на время под денежный залог различные драматические произведения из его библиотеки для постановки спектаклей.

Части коллекций И. Т. Савенкова и В. А. Сипкина хранятся в настоящее время в библиотеках краевого архива, краеведческого музея, педагогического университета Красноярск [41, 42, 44].

В среде библиофилов Владивостока хорошо известна библиотека деятелей народного просвещения – М. Я. и М. В. Сибирцевых. При их поддержке действовало культурно-просветительное Общество народных чтений, в 1906 г. организовано Общество помощи учащимся для оказания материальной и моральной поддержки детям из малоимущих слоев населения. В 1913 г. М. В. Сибирцева решила открыть собственное учебное заведение с гимназической программой для всех детей без сословных ограничений – Владивостокскую частную мужскую прогимназию. Библиотека Сибирцевых состояла в основном из произведений классиков русской литературы [46–48].

Как правило, владельцы личных собраний предоставляли свои книги для чтения друзьям, знакомым, сослуживцам, заезжим путешественникам и таким образом способствовали духовному развитию общества. В сибирской глубинке личные библиотеки играли особую роль, поскольку являлись важнейшей базой образования и центрами просвещения.

Представление личных библиотек, создаваемых и сохраняемых нашими предками, значительно обогащает историю, в том числе и библиотечного дела. Воссоздание картины бытования личных библиотек позволяет лучше понять процессы развития общества; сведения о коллекциях известных деятелей служат материалом для изучения научных и социокультурных коммуникаций в различные исторические эпохи, трансляции культуры, преемственности в ее развитии.

Обращение к вопросам бытования личных библиотек плодотворно и сейчас – при изучении генезиса тех или иных культурных явлений, описании культурных образов эпохи, определении факторов, которые стимулируют творческие проявления человека и способствуют появлению новых культурных ценностей.

Сказанное тем более актуально, что в настоящее время происходит возвращение к прошлому,

складывается новая концепция развития культуры, в которой центральное место занимают такие приоритетные направления, как общечеловеческие ценности и созидательная роль личности. Это требует выработки новых духовных и нравственных ориентиров для общества и заставляет оглянуться на историческое прошлое культуры и, в частности, на библиотеки, которые являлись и являются важнейшими хранилищами духовного наследия человечества [подробно см., напр., 49–51].

Личная библиотека и в дальнейшем будет иметь право на существование, приобретая новые качества и свойства, отражая социокультурные процессы развития общества.

Литература

1. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителя : сб. сведений, касающихся преимущественно практ. деятельности отеч. духовенства : репринт. воспроизвед. изд. 1913 г. – М., 1993. – 1772 с.
2. *Чернышова Н. К.* Библиотеки сибирского духовенства: источниковедческие аспекты изучения // *Рубежи книжной культуры: общественная роль книги и чтения в Сибири и на Дальнем Востоке. XIX – начало XXI в.* – Новосибирск, 2010. – С. 14–24.
3. *Половникова И.* Сибирский библиофил и заводчик Юдин. – СПб., 2002. – С. 52–63.
4. *Половникова И. А.* Геннадий Васильевич Юдин: жизнь, библиотека. – М. : Тип. «Новости», 2010. – 454 с.
5. Юдин Геннадий Васильевич // *Биографический словарь.* – 2000. – URL: dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/14612 (дата обращения: 04.04.2012).
6. *Шиндина А. Б.* Енисейское центральное книгохранилище (1920–1921) // *Памятники истории и культуры Красноярского края.* – Красноярск, 1992. – Вып. 2. – С. 227–238.
7. *Почапская Н. В.* Геннадий Васильевич Юдин // *Г. В. Юдин и традиции библиофильства в Сибири : Первые Юдин. чтения : материалы науч. конф.* – Красноярск, 1992. – Доп. вып. – С. 37–41.
8. *Шиндина А.* Юдинское собрание ГУНБ Красноярского края: 65 лет хранения, изучения и использования // *III Юдинские чтения «Проблемы доступности и сохранности библиотечных фондов. История и современность»*, посвящ. 160-летию со дня рождения Г. В. Юдина (окт. 2000 г.). – Красноярск, 2001. – С. 3–13.
9. Краеведение. Геннадий Васильевич Юдин. Юдинское собрание в ГУНБ Красноярского края // *Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края: офиц. сайт.* – URL: http://www.kraslib.ru/index.html?page=13&page_m=1&id_peopl=1&id_str=5&id_tip=3 (дата обращения: 04.03.2013).
10. *Боннер А. Г.* Коллекция книг В. Н. Баснина в научной библиотеке Иркутского университета // *Из истории книги, библиотечного дела, библиографии Сибири.* – Новосибирск, 1969. – С. 146–154.
11. *Полищук Ф. М.* История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII века – февраль 1917 года). – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. – 168 с.

12. Бойчук Л. Л. «И тянет в Иркутск, а держит Москва»: московская жизнь второй половины XIX века по письмам купца, коллекционера, мецената Василия Николаевича Баснина (1799–1876) // Моск. журн. История гос-ва Российского. – 2011. – № 8. – С. 54–66; 2011. – № 9. – С. 46–59.
13. Фонды, коллекции // Научная библиотека Иркутского государственного университета : офиц. сайт. – URL: <http://library.isu.ru/ru/fonds/collections.html> (дата обращения: 02.03.2013).
14. Суркова Н. А. Михаил Андреевич Зензинов – краевед, естествоиспытатель Забайкалья (20–70 годы XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2003. – 23 с.
15. Полищук Ф. М. Библиотеки Забайкалья во второй половине XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск, 1993. – С. 36–60.
16. Барышников М. Н. Деловой мир России : ист.-биограф. справ. – СПб., 1998. – С. 81–82.
17. Бутин Михаил Дмитриевич : биограф. указ. // ХРОНОС. Всемирная история в Интернете. Русская национальная философия в трудах ее создателей. – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/butin_md.html (дата обращения: 04.04.2012).
18. Бадлаева Т. В. История светских библиотек в Забайкалье (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). – Улан-Удэ, 2008. – 192 с.
19. Борсоев Б. Библиотека селенгинского купца А. Старцева // Diletant: Я знаю, что я ничего не знаю. – URL: <http://www.diletant.ru/blogs/2494/825/> (дата обращения: 05.02.2013).
20. Шолох Е. Путятин был островом-сказкой // Конкурент. – 2006. – № 10. – С. 30.
21. Воронаева А. В. Книги о Китае в фонде редких и ценных книг изданий ДВГНБ // Книжные памятники Дальневосточной государственной научной библиотеки. – Хабаровск, 2004. – С. 179–182.
22. Книжные памятники Хабаровского края. Региональный свод книжных памятников. Коллекции. Коллекция семьи Старцевых // Дальневосточная государственная научная библиотека : офиц. сайт. – URL: <http://www.fessl.ru/books/collection/svodreestr/all-collect/starcev/> (дата обращения: 08.02.2013).
23. Русские издания гражданской печати XVIII века в хранилищах Хабаровского края : каталог / Дальневост. гос. науч. б-ка, Краевой науч.-исслед. Центр книжных памятников. – Хабаровск, 2010. – 137 с.
24. Киртиченко Т. В. Библиотека Приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова // Книжные памятники Дальневосточной государственной научной библиотеки. – Хабаровск, 2004. – С. 256–261.
25. Киртиченко Т. В. Коллекция книг Н. И. Гродекова в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки // Книжные памятники Дальневосточной государственной научной библиотеки. – Хабаровск, 2004. – С. 253–256.
26. Нарыжная С. М. Николай Иванович Гродеков – генерал-губернатор Приамурского края, просветитель и меценат // Гродековские чтения : тез. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 1996. – Ч. 1. – С. 5–8.
27. Васенькин Н. В. К вопросу о восстановлении библиотеки Григория Николаевича Потанина // Восьмые Макушинские чтения : материалы конф. (Красноярск, 13–15 мая 2009 г.). – Новосибирск, 2009. – С. 145–149.
28. Фонд рукописей и книжных памятников : справочник-путеводитель. П. Фонд книжных собраний (мемориальных библиотек). Библиотека Г. Н. Потанина // Томский государственный университет. Научная библиотека: офиц. сайт. – URL: http://www.lib.tsu.ru/index_main.php?id=865 (дата обращения: 07.02.2013).
29. Бородин П. А. С. И. Гуляев: жизнь и деятельность. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1960. – 110 с.
30. Троцкий Ю. Л. Личная библиотека С. И. Гуляева (проблемы реконструкции) // Русская книга в дореволюционной Сибири: книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. – Новосибирск, 1984. – С. 82–91.
31. Фомина А. А. Истоки библиотечной истории Алтая // История библиотек дореволюционной России. – СПб., 1994. – С. 31–32.
32. Гуляев Степан Иванович // Известные люди Барнаула и Алтайского края. – URL: http://www.barnaul-altai.ru/info/barnaul/people/gulyaev_s.php (дата обращения: 04.04.2012).
33. Гуляев С. И. : биобиблиогр. указ. / Алт. краев. универс. науч. б-ка ; сост. Е. В. Павлушкина, Е. А. Чельева. – Барнаул, 2006. – 40 с. – (Алтайские краеведы).
34. С. И. Гуляев // Электронные ресурсы Алтая. Краеведческий портал Алтайской краевой универсальной научной библиотеки. – URL: <http://altlib.ru/kraevedcheskie-resursy/seriya-altajskie-kraevedy/110.html> (дата обращения: 08.02.2013).
35. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1900 год. – Барнаул, 1901. – С. 4.
36. Степанская Т. М. Служили Отечеству на Алтае. – Барнаул, 1998. – С. 41.
37. Воробьева Н. В. Личная библиотека межевого инженера Александра Адольфовича Лесневского // Восьмые Макушинские чтения : материалы конф. (Красноярск, 13–15 мая 2009 г.). – Новосибирск, 2009. – С. 149–152.
38. Отдел редкой книги АКУНБ // Алтайская краевая универсальная научная библиотека : офиц. сайт. – URL: <http://www.akunb.altlib.ru/otdel-redkix-knig.html> (дата обращения: 08.02.2013).
39. Книжные памятники Бурятии. Региональный свод книжных памятников. Книжные памятники-коллекции. Коллекция М. В. и Е. А. Танских. – URL: <http://94.25.12.182/kp/rkpK.htm> (дата обращения: 09.02.2013).
40. Паликова Т. В. М. В. Танский – бытописатель Забайкальских городов // Освоение Сибири в панораме столетий : опыт, стратегия, проблемы : материалы науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2009. – С. 139–145.
41. Бердников Л. П. Кланяйтесь залам библиотечным : крат. очерки истории библ. дела и кн. торговли в Енисейской губернии (1838–1916). – Красноярск, 1995. – С. 121–129.
42. Бердников Л. П. Из истории личных и ведомственных библиотек, а также библиотек различных обществ // Народная энциклопедия «Мой Красноярск»: Культура. Библиотеки. История библиотек Красноярска: сайт. – URL: <http://region.krasu.ru/node/304> (дата обращения: 04.03.2013).
43. Дом И. А. Ицына // Красное место. – URL: <http://www.krasplace.ru/dom-icyna> (дата обращения: 05.04.2012).
44. Вдовин А. С., Хорина В. В., Баймухаметова В. П. История формирования фонда научной библиотеки

- КГПУ им. В. П. Астафьева // История науки, образования и культуры в Сибири : сб. материалов II Всерос. науч. конф. Красноярск, 23–24 окт. 2007 г. – Красноярск, 2008. – С. 353–360.
45. *Крогиус Н.* К истории шахмат в Сибири // Сиб. огни. – 1961. – № 5. – С. 179–184.
46. Архив Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева. – Владивосток, 2013.
47. *Беляев Б. Л.* Семья Сибирцевых : краткий биографический очерк. – Владивосток : Примор. кн. из-во, 1954. – 83 с.
48. *Нарыжная С. М.* Распространение книги и чтение в годы гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1917–1922) // Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. – Новосибирск, 1987. – С. 102.
49. *Ильина О. Н.* Личная библиотека как гипертекст культуры // Библиофил: люди, рукописи, книги. – СПб., 2004. – Вып. 1. – С. 8–15.
50. *Шавыркина Н. А.* Личная библиотека как социально-культурное явление : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2000. – 44 с.
51. *Захарова О. В.* Личная библиотека в культурном пространстве российской провинции: от XIX к XXI в. (на материале Мордовского края) : автореф. дис. ... канд. культурологии. – Саранск, 2009. – 19 с.

Материал поступил в редакцию 20.05.2013 г.

Сведения об авторе: *Артемяева Елена Борисовна* – кандидат педагогических наук, заведующий отделом научно-исследовательской и методической работы, тел.: (383) 266-83-76, e-mail: artem@spsl.nsc.ru

УДК 021(091)(510-21)
ББК 78.33(5Кит-2Хар)

БИБЛИОТЕЧНАЯ ИСТОРИЯ ХАРБИНА

© А. А. Хисамутдинов, 2013

*Дальневосточный федеральный университет
690041, г. Владивосток, ул. Полетаева, 49*

Рассмотрена история библиотечного дела в Харбине, тесно связанная со строительством Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии. Анализируются фонды и работа различных библиотек: железнодорожных, общественных, частных. Особое внимание уделено составлению библиографических указателей.

Ключевые слова: библиотечное дело, русские, Харбин, Китайская восточная железная дорога, библиография.

The article presents the history of library activities in Harbin which were closely connected with the railway construction in Manchuria. The author analyzes book funds and activity of various types of libraries: those that belonged to the Railway Administration, public organizations, private persons, etc. Special attention is paid to the bibliographic indexes.

Key words: libraries, the Russians, Harbin, Chinese Eastern Railroad, bibliography.

Среди интересных страниц истории русского Харбина имеется немало таких, которые связаны с библиотечным делом, и они не забыты отечественными исследователями. Некоторые сведения об истории харбинских библиотек имеются, в частности, в монографиях А. И. Букреева и Т. В. Кузнецовой [5, 11, 12], а также в кандидатской диссертации Г. Б. Киселёвой [11]. Несомненное достоинство этих и других работ, освещавших темы русского книгоиздания и книгораспространения в Китае – тщательный анализ российских архивов и библиотек. К сожалению, авторы в основном ограничиваются литературой и источниками, которые имеются в России или находятся под рукой исследователей, поэтому приходится констатировать: деятельность русских библиотек за рубежом освещена недостаточно полно.

Основными источниками для настоящей статьи послужили богатейшие коллекции библиотеки им. Гамильтона (Hamilton Library) Гавайского университета (Гонолулу, США) и Музея русской культуры в Сан-Франциско. Использовались также собрания и каталоги других американских библиотек, в которых по книжным штампам и экслибрисам выявлены книги, ранее находившиеся в русских библиотеках Харбина.

Первые библиотеки в Маньчжурии появились одновременно со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Культурных учреждений в Харбине тогда не имелось, и самая первая библиотека-читальня стала местом общения об-

разованных людей. В начале 1902 г., в самый горячий период постройки КВЖД, на основе небольшой читальни в Новом городе Харбина была открыта библиотека Железнодорожного собрания [4]. Она стала первым культурно-просветительским центром для русских рабочих и служащих, живущих вдалеке от родной культуры.

Библиотека распространяла книги по всем отделениям дороги и выполняла роль методического центра для всех русских библиотек в Маньчжурии. Именно ее специалисты издали первые пособия по библиотечковедению [3]. К сожалению, руководителям КВЖД в то время было не до библиотеки, и условия ее работы были не лучшими, хотя собственные книжные собрания имели даже отдельные подразделения дороги, например, Главная бухгалтерия КВЖД, выпустившая в 1910 г. свой каталог, насчитывающий 65 с. Заметим, что каталоги библиотечных собраний в Харбине того времени выходили регулярно [33, с. 106].

В начале 1920-х небольшие книжные фонды имелись в библиотеке харбинского отделения Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), которая находилась при Японском обществе по адресу ул. Мостовая, д. 30, заведующий И. Кирису.

В 1925 г. на базе библиотеки Харбинского железнодорожного собрания была образована Центральная библиотека КВЖД, объединившая книжные собрания некоторых служб Управления дороги. 3 октября 1925 г. состоялось торжественное открытие здания, построенного специально для

библиотеки на углу Садовой и Главной улиц. По словам современников, оно отличалось особыми удобствами.

Первым заведующим Центральной библиотекой КВЖД стал 41-летний Николай Николаевич Трифонов, получивший отличное образование: он окончил Цюрихский университет и защитил докторскую диссертацию по философии. В 1920 г. с волной беженцев Н. Н. Трифонов попал во Владивосток, где работал профессором на кафедре философии Государственного дальневосточного университета, а после окончания Гражданской войны уехал в Харбин, заняв должность заместителя декана юридического факультета. С 1926 г. он читал курсы научной организации труда и организации предприятия. По своим политическим взглядам Трифонов примыкал к «сменовеховцам».

Коллектив библиотеки КВЖД (сидит Н. Н. Трифонов).
Из коллекции Музея русской культуры
в Сан-Франциско (США). Публикуется впервые

Благодаря тому что управление железной дороги не скупилось на средства для приобретения книг, библиотека КВЖД имела богатые фонды и считалась самой крупной не только в городе, но и на всем Дальнем Востоке. Пользовались библиотекой бесплатно, она работала с восьми часов утра до шести вечера, кроме праздников. Были созданы вагоны-библиотеки, которые обслуживали рабочих на линии.

Помимо центральной библиотеки КВЖД в Харбине работали Библиотека-читальня служащих и рабочих типографии КВЖД (Харбин Старый, ул. Штабная, д. 99) и Общество библиотеки-читальни мастеровых, рабочих и служащих Харбинских главных мастерских КВЖД (угол Диагональной и Биржевой улиц, д. 455) [4]. Хорошие библиотеки имелись также во всех железнодорожных школах и коммерческих училищах КВЖД.

В 1930 г. Н. Н. Трифонов был уволен «за минованием надобности» и репатриировался в СССР [9].

На родине он преподавал в Томском индустриальном институте, пока 28 октября 1937 г. не был арестован Томским горотделом НКВД СССР по обвинению в участии в «к[онтр]-р[еволюционной] кадетско-монархической повстанческой организации». По решению Тройки УНКВД Новосибирской области от 9 ноября 1937 г. Н. Н. Трифонов расстреляли [16].

Вероятно, что после ухода Трифопова с поста директора, библиотекой недолго руководил участник Гражданской войны Платон Аркадьевич Казаков (1896–1966, Сидней). После окончания юридического факультета он стал заведовать библиотекой Харбинского политехнического института [6], затем руководил библиотекой русского сектора исследовательского отдела представительства Министрства иностранных дел в Маньчжу-дого [32, с. 34]. После 1945 г. П. А. Казаков преподавал русский язык в Пекине, пока не эмигрировал в Австралию [7].

Первым научным книжным собранием Харбина стала библиотека Общества русских ориенталистов (ОРО). Общество обменивалось литературой с десятками российских и иностранных организаций и было включено в список учреждений, которым высылались все издания Государственной думы Российской империи. К 1 января 1911 г. библиотека ОРО насчитывала 371 книгу [1, с. 419]. Харбинские востоковеды утвердили «Правила пользования библиотекой» и «Обязанности библиотекаря» [1, с. 420–421].

Во время Первой мировой и Гражданской войны деятельность ОРО не могла удовлетворить интересы приезжавших в Харбин исследователей. «Мне казалось непонятным, – писал известный сибиряк-краевед И. И. Серебренников, – почему это научное общество за одиннадцать лет своего существования не смогло обзавестись научной библиотекой, этим необходимым условием всякой научной деятельности. Неужели, думал я, КВЖД не могла бы помочь ученому Обществу? В таком богатом городе, как Харбин, Общество русских ориенталистов было, очевидно, на положении пасынка» [23, с. 54].

23 марта 1935 г., после передачи КВЖД японцам, статус библиотеки ОРО изменился: она стала справочным отделом ЮМЖД. В то время ее фонды насчитывали около 100 тыс. книг, размещенных на полках по библиотечной десятичной системе. Большинство книг было на русском языке. Новый директор библиотеки, японец М. Тагучи отмечал: «Библиотека, находящаяся в Харбине в соответствии с ее положением, имеет особую задачу. Она должна светить в библиотечном мире, как солнце. Она должна быть крупнейшим хранилищем не только книг по железнодорожным вопросам и другим отраслям знания, но и книг по Северной Азии» [22, с. 2].

Сразу же был составлен каталог, в который вошли 5 тыс. книг (разделы: Материалы о Харбине, Сибирь, Маньчжурия, Монголия и Азия). «В настоящее время, – отмечалось в каталоге, – когда на востоке межгосударственные отношения стали несколько напряженными, книги эти имеют неисчислимую ценность и как материал для всестороннего изучения различных вопросов, и также как пособие для разного рода справок. Вполне сознавая важность библиотеки для края, все без исключения служащие библиотеки прилагают усилия к приведению ее в порядок. Особенное внимание было обращено на книги по вопросам Маньчжурии, Монголии, Сибири и других восточно-азиатских стран» [22, с. 3].

Большое количество библиотек в Харбине создали общественные организации: Коммерческое собрание (ул. Коммерческая, д. 7), Христианский Союз молодых людей (ул. Садовая, д. 62; 64), Общество домовладельцев (ул. Китайская, д. 1), Общество спортсменов (ул. Биржевая) и др. Беженский комитет, например, организовал библиотеку «Знание». Свою библиотеку-читальню «Ималдаг» имело Еврейское общество (ул. Конная, д. 29; ул. Аптекарская, д. 11). В ряде эмигрантских общественных организаций существовали небольшие библиотеки, но ими могло пользоваться лишь ограниченное число читателей.

Обширной библиотекой располагало Грузинское общество. Эту библиотеку открыла грузинская колония еще в 1906 г., и ей пользовались многие жители Харбина. Грузинская библиотека-читальня находилась по двум адресам: в здании Гостиничного Двора по ул. Мостовой и в доме № 59 по ул. Заводской. В течение 27 лет этой библиотекой заведовал Н. Л. Джишкариани (1886? – январь 1933, Харбин), который жил в Харбине с 1925 г. и нередко работал без зарплаты. В день 25-летия библиотеки Н. Л. Джишкариани передал ей все свои сбережения [17, с. 4].

Собственные библиотеки существовали также у украинцев, евреев, армян.

В 1926 г. в Харбине открылась городская публичная библиотека (угол ул. Нагорной и пр. Сюя). Ее фонд состоял преимущественно из книг на русском языке, которые распределялись по нескольким отделам: русская и переводная беллетристика, детская литература, социальные и точные науки, языкознание, история литературы и др. Существовали также Общественная международная библиотека (ул. Новоторговая, д. 43), Епархиальная библиотека (ул. Офицерская, д. 8, Дом Иверской церкви) и др.

Хотя подавляющее большинство россиян-эмигрантов не могли уделить чтению много времени, чтение было популярно в этой среде. Не случайно библиотеки имелись при многих книжных магази-

нах, торгующих литературой на русском языке. В частности, Библиотеки литературных новинок работали при книжных магазинах «Заря» (ул. Китайская, д. 114) и «Родная речь» (Новый город, Сунгарийский пр., д. 27).

Много хороших библиотек в Харбине, открытых для общего пользования, принадлежало частным лицам. Самым популярным книжным собранием владел Дмитрий Николаевич Бодиско (1865? – 1935, Харбин). Он происходил из дворян Тверской губернии и во время Гражданской войны эмигрировал в Иокогаму, где открыл библиотеку. Затем Д. Н. Бодиско переехал в Маньчжурию и продолжил дело. Стал он и председателем правления Коммерческого училища. На его книгах ставился штамп: «Новая общедоступная библиотека Д. Н. Бодиско. Харбин». Она была открыта в июне 1923 г. на ул. Конной, д. 16, и на ул. Пекарской, д. 47, и имела более 8 тыс. томов [31]. Библиотека Бодиско просуществовала до 1935 г., 17 декабря 1935 г. ее владелец был насмерть сбит грузовым автомобилем с пьяным шофером [24, с. 69].

Крупным книжным собранием владел врач Константин Николаевич Огильви (26 октября 1875, Уфа – 28 марта 1952, Сан-Франциско). Он окончил Иркутскую гимназию, учился на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1896–1899), затем перевелся на медицинский факультет Киевского университета. В Харбине К. Н. Огильви работал врачом и нередко выступал со статьями в периодической печати и сборниках [13].

Жителей района Модягоу обслуживала библиотека Э. Р. Щелкуновой (ул. Церковная, д. 34) и библиотека Е. С. Молостовой (ул. Гоголевская, д. 5), а на Пристани многие брали книги в библиотеке новинок Разоренова. Петр Димитриевич Ваганов, владелец книжного магазина «Русский букинист» в Харбине (ул. Диагональная, д. 39), ставил на свои книги следующие штампы: «Русская библиотека П. Д. Ваганова. Харбин. Китай» и «Храните книгу! Книга – Ваш друг».

Владельцам библиотек в Маньчжурии приходилось непросто. Абонентская плата за пользование книгами едва покрывала расходы по их содержанию, а никакой материальной помощи со стороны они не получали. Тем не менее находились люди, выбиравшие библиотечное дело в качестве источника средств к существованию (чаще дополнительного). Выходцы из России обращались за книгами в библиотеку литературных новинок С. П. Руднева (ул. Саманная, д. 5), к А. Ф. Афонской (ул. Гоголевская, д. 35), И. П. Токмаковой (ул. Артиллерийская, д. 60) и др.

Ценной коллекцией книг располагало Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК), собиравшее под своим крылом энтузиастов изучения

Маньчжурии из нескольких общественных организаций Харбина. Это отразилось на фондах библиотеки, в основу которой легли собрания ОРО и Маньчжурского сельскохозяйственного общества. «Книжный состав библиотеки ОИМК, – писал А. А. Рачковский, – значительно пополнился присоединением библиотек Общества ориенталистов и Маньчжурского сельскохозяйственного общества. В связи с основанием в Харбине Центральной библиотеки КВЖД, имеющей большие материальные возможности и специальное здание, наша библиотека во избежание параллелизма в работе и ради сохранения небольших своих средств была реорганизована. Весь книжный фонд библиотеки был пересмотрен, в ней оставлены следующие издания: а) книги и брошюры о Маньчжурии и соседних областях, б) справочные, классические и фундаментальные научные сочинения по тем отраслям знания, в направлении которых по преимуществу развивается деятельность ОИМК, в) словари, энциклопедические и языков, г) обменные издания ученых учреждений и обществ, краеведческих организаций и т. д., д) научные периодические издания» [21, с. 5]. В основном библиотека ОИМК пополнялась за счет обмена научной литературой с СССР и другими странами.

В 1924 г. по инициативе библиографа М. С. Тюнина ОИМК основало при своем музее отдел местной печати, для которого выделили большую комнату. Приступив к работе в июле 1924 г., М. С. Тюнин стал собирать коллекцию местных изданий. От имени ОИМК он обратился к владельцам типографий и в редакции всех харбинских газет и журналов с просьбой прислать их издания. «Помимо книг, газет, журналов, – писал Тюнин, – в отделе собираются и хранятся и другие предметы тиснения, выпущенные в пределах Маньчжурии как из-под печатного станка, так и с литографического камня. Собираются, по возможности, все опубликованные распоряжения властей, обязательные постановления, объявления учреждений, географические карты и отдельные чертежи, рисунки, портреты, коллекционируются афиши спектаклей, концертов, программ их, афиши и объявления кинематографов, всевозможные торговые объявления и, наконец, более мелкие теснения в виде пригласительных писем, билетов, меню обедов, летучек и т. д. Собираются печатные произведения на всех языках, но поступают в отдел издания более на русском языке» [26, с. 71].

Управление КВЖД с энтузиазмом откликнулось на просьбу М. С. Тюнина и передало музею не только текущие издания, но и все печатные издания прошлых лет, включая карты. Была также получена коллекция издательств «ОЗО» и «Заря». Русско-китайский политехнический институт и другие учебные заведения Харбина передали в отдел

Книгохранилище библиотеки КВЖД.
Из коллекции Музея русской культуры
в Сан-Франциско (США). Публикуется впервые

местной печати свои учебники и пособия. Немало редкостей поступило от местных коллекционеров-краеведов. «Дни книги», проведенные в начале мая 1925 г., позволили значительно увеличить коллекцию. После этого М. С. Тюнин приступил к составлению первой библиографии. К 1927 г. библиотека ОИМК насчитывала 7 тыс. томов, а отдел местной печати собрал около 12 тыс. книг, журналов, брошюр и прочей малотиражной литературы.

Испытывая большой недостаток в местных библиографических справочниках, ОИМК решило приступить к составлению «Библиографии Маньчжурии», стараясь при этом охватить следующее: «а) регистрационную библиографию продукции местной печати; б) специальную библиографию по отдельным вопросам, интересующим Общество» [29, с. 1].

К 1934 г. в библиотеке находилось 12 733 книги, а отдел местной печати располагал свыше 19 тыс. экз. книг, брошюр, журналов, газет и прочей печатной продукции, изданной в Маньчжурии [15, с. 187]. После выхода в свет первого библиографического указателя М. С. Тюнин продолжил составление библиографии местной печати, завершив к 1936 г. второй этап работы и выпустив новый, более профессиональный справочник. Он дополнил предыдущую работу, в нем стало полнее библиографическое описание, содержались необходимые аннотации, был расширен справочный аппарат.

Составление нового справочника проходило в более сложных условиях, так как ОИМК упразднили, и Тюнин вел работу уже в библиотеке КВЖД. «Регистрация же изданий для настоящего, второго выпуска, – отмечал он, – была сопряжена с некоторыми, а иногда и с большими затруднениями. А причина – отсутствие в городе за ряд последних лет книгохранилища местной печати, где можно было бы найти все без исключения периодические издания Харбина. Приходилось для со-

бирания сведений бывать во многих учреждениях и у отдельных лиц, чтобы найти тот или другой журнал или газету, и поиски эти производить возможно часто, так как в противном случае можно было рисковать совершенно не найти того или другого произведения местной печати» [30, с. IV].

Одновременно с составлением библиографии М. С. Тюнин публиковал статьи о редких изданиях. В частности, он написал о харбинском журнале «Досуги Заамурцев» (выходил с января 1905 по 1911 г.), не только рассказав о целях и задачах этого издания, но и раскрыв многие аспекты деятельности редакции. «На популярность журнала “Досуги Заамурцев” обратила свое внимание местная организация социалистов-революционеров и попыталась использовать его название для своих целей. Организация успела выпустить несколько номеров своего органа (подпольного, конечно) под таким же названием – “Досуги Заамурцев”. Легальный, настоящий журнал “Досуги Заамурцев” боролся со своим подпольным тезкой, и местные власти быстро его ликвидировали» [27, с. 43].

В дальнейшем М. С. Тюнин составил библиографический указатель изданий, выпущенных разными конфессиями Харбина за четыре года: с 1 января 1936 по 31 декабря 1939 г. Библиограф проанализировал издания православной церкви, католической епархии византийско-славянского обряда, протестантской церкви (издательство «Посох»), общин духовных христиан-молокан, адвентистов 7-го дня, христиан евангельской веры (пятидесятников), старообрядческой и лютеранской церквей. Он подробно рассказал о периодических изданиях и отдельных книгах, привел сведения о тиражах и издателях [25]. Тюнин принимал участие в организации выставок и лекций. Он не только составил подробную хронику всех событий, посвященных столетию со дня смерти А. С. Пушкина, но и дал подробную библиографию изданий и отдельных статей, увидевших свет в те дни [28].

После закрытия ОИМК его книжные и музейные коллекции передали в Харбинский музей. Газета «Гун-бао» писала: «К этому периоду относится один из самых печальных инцидентов – продажа как ненужной бумаги всех дуплетов и части основных книг библиотеки и всего запаса ценнейших изданий Общества ориенталистов. Сюда же попали большая часть основных книг и комплектов старых газет и журналов, пожертвованных в ОИМК в устроенные им дни книги» [20]. Этот факт нашел подтверждение и в воспоминаниях бывшего деятеля ОИМК А. С. Лукашкина, который утверждал, что все книжное собрание отдела местной печати было продано китайцами как макулатура [14].

Свои библиотеки имели и более мелкие научные объединения, а также все учебные заведения

Харбина: Русско-Китайский (Харбинский) политехнический и педагогический институт, юридический факультет и др. Конечно, их фонды не удовлетворяли профессоров и студентов. Профессор юридического факультета Н. П. Автономов писал: «И, конечно, никакие пожертвования, никакие вечера и диспуты, устраиваемые факультетом для создания библиотечного фонда, никакие скромные ассигнования на пополнение библиотеки, которые мы видим в смете факультета в его лучшие годы, никакой обмен с другими высшими учебными заведениями не могли надлежащим образом разрешить этого больного вопроса, и, по существу, он остался не разрешенным» [2, с. 79].

Тем не менее библиотека юридического факультета, первым библиотекарем которой был доцент Н. И. Петров, насчитывала свыше 4 тыс. книг. После закрытия факультета книги попали в различные учебные заведения. Неплохое собрание технической литературы имелось в политехническом институте. Довольно обширную библиотеку собрал Кружок востоковедения при восточном факультете Института Святого Владимира. Небольшую библиотечку имела секция молодых археологов, натуралистов и этнографов Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), в основу которой легли книги, пожертвованные известным ученым В. Я. Толмачевым при отъезде в Шанхай.

После создания в 1934 г. в Харбине БРЭМ библиотека была открыта и при этой организации. Она насчитывала около 60 тыс. книг и имела два отделения – Пристанское и Модягоуское. Ежедневно библиотеку посещали около 500 человек. Читатели вносили небольшую плату за пользование книгами, что было закреплено в правилах библиотеки. Ею руководил В. Н. Феоктистов (1906, Харбин – после 1945), инженер по образованию.

В. Н. Феоктистов подготовил и издал «Дополнение к каталогу беллетристики библиотеки Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи», в котором книги были перечислены в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Отдельными списками, также в алфавитном порядке, помещались данные об иностранной переводной и русской классической литературе, изданной в России после 1917 г., книгах советских авторов, детских книгах, неполные каталоги книг по философии и психологии, религии, политике, военному делу, критике и словесности.

После прихода в Харбин советских войск положение с библиотеками коренным образом изменилось. Если раньше нельзя было прочесть книг, изданных в СССР, то теперь повсеместно уничтожались книги, написанные русскими эмигрантами. Изъятие из библиотек идеологической литературы случалось и раньше. В середине 1920-х гг., например, только один цензор Я. И. Аракин изъяс

из библиотеки КВЖД более 2 тыс. экз. коммунистической литературы. Огромные книжные потери случались и при возвращении людей в СССР. Советские власти предупреждали репатриантов о запрете ввозить «вредные для СССР в политическом и экономическом отношении документы, печатные произведения, клише, фотографические снимки, киноленты, рукописи, чертежи и рисунки» [8, с. 26]. Это требование оказалось очень живучим: оно действовало вплоть до распада Советского Союза. Рассказывают, что полотно железной дороги, ведущей из Китая в Россию, было усеяно книгами.

В библиотеке Советского клуба на видном месте появились портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина. «В самое последнее время, – писал житель Харбина, – издан строжайший приказ об обязательной сдаче всей “фашистской” литературы, причем к фашистам причислены такие авторы, как Алданов, Сирин и пр. Из библиотек изъяты “Современные записки” и мн. др. В Хайларе расстреляна группа казаков только потому, что у них нашли старые номера “Дней” Керенского. Этих объявили “агентами Керенского”» [18].

В. Н. Феоктистов в числе других был депортирован и, вероятно, репрессирован.

Осенью 1945 г. в Маньчжурию выехала группа архивистов для «сбора исторических архивных материалов», которые, как было известно, вывезли из России в годы Гражданской войны ушедшие за границу белые части, правительственные учреждения, торговые предприятия и частные лица. В составе группы была Вера Ивановна Чернышева, впоследствии много лет возглавлявшая архивную службу Хабаровского края. Из ее воспоминаний об этой поездке известно, что найти исторические документы, вывезенные из России, группе не удалось. Оказалось, они были скуплены и вывезены в другие страны еще в 1920-е гг. Архивистам достались документы, отложившиеся за годы проживания русских в Маньчжурии, но далеко не в полном объеме.

В. И. Чернышева вспоминала: «Мы прибыли в Харбин через месяц после капитуляции правительства Маньчжоу-Го. Двор, где размещалась японская военная миссия, был покрыт сплошным слоем пепла. А документы БРЭМ хранились здесь» [19, с. 7]. Тем не менее архивистам удалось собрать и вывезти около 3-х т документов, книг, газет, журналов.

Документы и печатные издания, вывезенные из Харбина, хранятся теперь в Государственном архиве Хабаровского края. Многие годы они были недоступны исследователям, но в 1992–1993 гг. документы и печатные издания Харбинской русской эмиграции передали с секретного хранения на общее, печатные издания поступили в научно-справочную библиотеку архива. Теперь здесь хра-

нятся и остатки книжного собрания БРЭМа. Фонд печатных изданий состоит из 224 газетных сшивов (13 наименований), 232 экз. журналов, бюллетеней, сборников, календарей (62 наименования), 402 экз. книг (244 наименования).

Исход русских эмигрантов из стран Дальнего Востока не только окончательно поставил точку на русском книгоиздании и журналистике, но и стал началом массового уничтожения русского печатного слова на Дальнем Востоке. Совсем небольшая часть изданий была вывезена из Китая сотрудниками Министерства иностранных дел или Министерства государственной безопасности. Репатриантов из Харбина и Шанхая сразу же предупреждали, что нельзя вывозить литературу, изданную в зарубежье. Ограничения в перевозке книг касались и тех эмигрантов, которые с Дальнего Востока отправлялись в другие страны. Этот поток также проверялся китайской таможней, и эмигрантская литература изымалась. Поэтому эмигрантские издания попадали в СССР лишь в единичных случаях. В основном это была научная и частично религиозная литература.

Литература

1. Автономов Н. Общество русских ориенталистов: Ист. очерк // Вестн. Азии. – Харбин, 1926. – № 53. – С. 410–420.
2. Автономов Н. П. Библиотека // Право и культура: сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак-та в г. Харбине. – Харбин, 1938. – С. 72–81.
3. Берлин Д. В. Краткая инструкция по библиотечной технике. Применительно к библиотеке Харбинского коммерческого собрания. – Харбин : Изд-во КВЖД, 1923. – 82 с.
4. Библиотека-читальня служащих и рабочих типографии КВЖД : кат. книг. – Харбин : Б-ка-читальня служащих и рабочих типографии КВЖД, 1924. – XXXVI. – 224 с.
5. Букреев А. И. Книга «восточной ветви» русской эмиграции: вторая половина XX в. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. Т. В. Кузнецова. – Хабаровск : Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. – 208 с.
6. В. Р. О библиотеке института и ее создателе П. А. Казакове // Политехник. – 1973. – № 5. – С. 9–10.
7. Валич В. Кончина П. А. Казакова : (некролог) // Единение. – Австралия, 1966. – 13 мая.
8. Доброхотов Н. М. Спутник коммерсанта : ежегод. экон., ж.-д., администрат. и обществ. справ. по Сев. Маньчжурии и по г. Харбину. 1926–1927 гг. : Вып. 1. – Харбин : Изд-во Н. М. Доброхотова, 1926. – 226 с.
9. История Юридического факультета в Харбине. Профессора и питомцы закрывшегося факультета рассеяны по всему свету // Новая заря. – Сан-Франциско, 1938. – 17 марта.
10. Киселёва Г. Б. Русская библиотечная и библиографическая деятельность в Харбине, 1897–1935 гг. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – URL: <http://www.dissercat.com/content/>

- rusetskaya-bibliotekhnaya-i-bibliograficheskaya-deyatelnost-v-kharbine-1897-1935-gg#ixzz2FSLAnvUa (дата обращения: 15.09.2012).
11. Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1949) // Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; отв. ред. А. И. Букреев. – Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. – 256 с.
12. Кузнецова Т. В. Русские библиотеки Харбина // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 1–3 июня 1998 г.). – Хабаровск, 1998. – С. 239–244.
13. Лукашкин А. Памяти д-ра К. Н. Огильви: (некролог) // Рус. жизнь. – Сан-Франциско, 1952. – 23 мая.
14. Лукашкин А. С. Воспоминания: рукопись // Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция А. С. Лукашкина.
15. Лукашкин А. С. Музей Северной Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. – Харбин, 1934. – № 1. – С. 186–190.
16. Макаров В. Г. Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД. – URL: <http://www.ihist.ru/projects/sohist/papers/vf/2004/7/136-157.pdf> (дата обращения: 15.09.2012).
17. Новости // Харбин. время. – 1933. – 17 янв. – С. 4.
18. Новости Харбина // Новая заря. – Сан-Франциско, 1946. – 3 авг.
19. Печатные издания Харбинской Россики: аннот. библиогр. указ. печат. изд., вывезенных хабаров. архивистами из Харбина в 1945 г. / сост. Н. А. Соловьева; коммент. А. А. Хисамутдинова. – Хабаровск, 2001. – 225 с.
20. Положение О-ва изучения Маньчжурского края. Общественное и научное достояние гибнет // Гун-бао. – Харбин, 1932. – 29 мая.
21. Рачковский А. А. Шесть лет // Изв. О-ва изучения Маньчжурского края. – Харбин, 1927. – № 7. – С. 5.
22. Предисловие редактора // Каталог книг Азиатского отдела Харбинской библиотеки Ю.М.Ж.Д. – Харбин, 1938. – С. 1–5.
23. Серебренников И. И. Мои воспоминания. В 2 т. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). – Тяньцзинь: Наше знание, 1940. – 229 с.
24. Скорбная страница Харбина за год: (некролог) // Всеобщий календарь на 1935 г. – Харбин: Зигзаги, [1934?]. – 298 с.
25. Тюнин М. С. Духовно-нравственные издания г. Харбина: библиогр. очерк // Хлеб Небесный. – Харбин, 1940. – № 10. – С. 42–48; № 11. – С. 35–40.
26. Тюнин М. С. Отдел местной печати (обзор деятельности) // Изв. О-ва изучения Маньчжурского края. – Харбин, 1928. – № 7. – С. 71–72.
27. Тюнин М. С. Первый журнал в Харбине // Харбинская старина. – Харбин: Изд-во О-ва старожилов г. Харбина и Сев. Маньчжурии, 1936. – С. 42–45.
28. Тюнин М. С. Пушкинские дни в Харбине // День Русской культуры. – Харбин, 1937. – 10 июня. – С. 27–29.
29. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. – Харбин: Изд-во ОИМК, 1927. – 129 с.
30. Указатель периодической печати г. Харбина, выходившей на русском и других европейских языках: изд., вышедшие с 1 янв. 1927 г. по 31 дек. 1935 г. – Харбин, 1936. – IV, 144 с.
31. Чаров И. Альбом Харбина. Город и его окрестности. – Харбин: Типолитограф. «Коммерч. Пресс», [1930].
32. Шляев Е. П. Дом с каменными львами у ворот. (Воспоминания о службе в Представительстве Мининдел Маньчжудиг в Харбине) // Россияне в Азии. – Торонто, 1997. – № 4. – С. 222–240.
33. Bakich O. Harbin Russian Imprints: Bibliography as history, 1898–1961: materials for a definitive bibliogr. – New York; Paris: Norman Ross Publ. Inc., 2002. – 584 p.
34. Diao Shaohua. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Revue des Etudes slaves. – Paris, 2001. – N 73/2-3. – P. 402–412.

Материал поступил в редакцию 16.11.2012 г.

Автор приносит благодарность русскому библиографу библиотеки Гавайского университета Патриции Полански (Гонолулу) и сотруднику Музея русской культуры в Сан-Франциско Иву Франклену за возможность использовать в настоящем очерке материалы, хранящиеся в зарубежных коллекциях.

Сведения об авторе: Хисамутдинов Амир Александрович – доктор исторических наук, профессор,
тел.: (423) 271-0159, e-mail: khisamut@yahoo.com

УДК 021(091)(470.326)
ББК 78.33(2Рос-4Там)

ПЕРВЫЕ БИБЛИОТЕКИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

© О. В. Медведева, 2013

*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
392012, г. Тамбов, ул. Советская, 6*

Рассматриваются основные виды библиотек, существовавшие в Тамбовском крае в XVIII – первой половине XIX в.: православные (монастырские и храмовые библиотеки), общедоступные и личные библиотеки, библиотеки учебных заведений и др. Дается многоаспектный анализ для каждого вида библиотек: рассмотрены материальная база, состав фондов, контингент читателей, штат, условия и формы обслуживания.

Ключевые слова: история библиотечного дела, Тамбовская губерния, российская провинция.

The main types of libraries in Tambov province in the XVIII – the first half of the XIX century are considered: public and private libraries, libraries of educational institutions, orthodox libraries and others. Multiaspect analysis of their activities is given: material resources, structure of funds, readers, staff, service conditions and forms.

Key words: history of library activities, the Tambov province, the Russian province.

Когда появились первые библиотеки на Тамбовщине? Что они из себя представляли? В чем особенности начального этапа истории развития библиотечного дела Тамбовского края по сравнению с другими российскими регионами? Ответы на эти вопросы удалось найти в фондах Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А. С. Пушкина и Государственного архива Тамбовской области.

Монастырские и храмовые библиотеки

Приступая к исследованию истории библиотечного дела в Тамбовском крае, мы предположили, что нижней хронологической границей станет конец XVIII в., время возникновения губернии, поскольку главным образом именно в этот период появляются первые библиотеки в российской провинции. Однако вскоре обнаружили косвенные доказательства существования библиотек на Тамбовщине на более раннем этапе.

Так, в статье П. Дьяконова о Цнинском Троицком монастыре (первая половина XVII в.) приводятся сведения о том, что многие книги поступили в монастырь вкладом от отца Нифонта: «...напрестольное Евангелие в бархатных крышках с медными, вызолоченными изображениями евангелистов; требники и разные богослужебные книги в новых хороших переплетах». Далее указывается, что в 10 монастырских кельях жило 22 труженика: «Их жизнь мирно и тихо текла в стенах монастыря

за чтением священного писания и исполнением церковных богослужений» [15, с. 9].

Библиотеки возникали практически во всех монастырях, складываясь первоначально из книг, которыми располагали первые поселенцы-монахи. Разумеется, запасы книг были невелики, о чем, в частности, свидетельствуют дошедшие до нас списки (реестры) книг, составлявшиеся в случае ревизий, при смене местных властей и библиотекарей, в целях хозяйственного учета и обычно включавшиеся в общие описи монастырского имущества. По подсчетам специалистов, до конца XVII в. в средней монастырской библиотеке насчитывалось не более 100–350 книг.

О размерах библиотек тамбовских монастырей XVII столетия сведений, к сожалению, не сохранилось. Однако дошедшие до нас описи XVIII в. незначительны и по объему, и по содержанию. Например, опись Шацкого Черниева монастыря, относящаяся к 1742 г., отражает 22 названия богослужебных книг и книг для назидательного чтения. Немногим отличается и фонд Тамбовского Вознесенского женского монастыря, насчитывавший в 1764 г. 18 книг. Еще более удручающую картину о монастырских библиотеках дают описи Успенской Проломской и Вышенской пύстынь, включающие в 1764 г. соответственно 8 и 10 названий книг (табл. 1).

Довольно значительной в сравнении с приведенными выше была библиотека Козловского Троицкого монастыря. По сохранившимся книжным

Т а б л и ц а 1

Объем фондов монастырских и храмовых библиотек (1706–1849 гг.)

№ п/п	Название монастыря/церкви	Год составления описи	Количество названий (экз.)
1	Шацкий Черниев монастырь	1742	22 (56)
2	Тамбовский Казанский монастырь	1760-е	27 (71)
3	Тамбовский Вознесенский женский монастырь	1764	18 (37)
4	Успенская Проломская пустынь	1764	8 (9)
5	Вышенская пустынь	1764	10 (12)
6	Козловский Троицкий монастырь	1706	49 (92)
		1776	63 (103)
		1849	201 (281)
7	Церковь с. Татаново Тамбовского уезда	1783	9 (11)
8	Церковь с. Шибряю Борисоглебского округа	1803	65 (66)
9	Дмитриевская церковь с. Троекурова Лебедянской округи	1811	45*
10	Церковь с. Золотовки Кирсановского уезда	1815	16 (17)
11	Богоявленская церковь с. Новобогоявленского Козловской округи	1833	26*
12	Покровская церковь с. Гавриловки Козловского уезда	1835	16*

* О количестве экземпляров сведений нет.

описям можно проследить динамику роста фонда библиотеки Козловского Троицкого монастыря, который в 1706 г. насчитывал 49 названий (92 экз.) книг, в 1776 г. – 63 (103 экз.), а в 1849 г. включал уже 201 название (281 экз.) (табл. 1).

Отдельно стоит сказать о другом широко известном монастыре – Саровской пустыни. Библиотека Саровской пустыни начала формироваться еще при первом ее строителе иеромонахе Иоанне, который, равно как и его преемник Ефрем, уделял библиотеке большое внимание. Серьезное отношение к библиотеке и прочная материальная база способствовали постоянному умножению библиотечного фонда. Библиотека Саровской пустыни являлась лучшей и в количественном, и в качественном отношении в Тамбовской епархии.

Одновременно с монастырскими библиотеками складываются самостоятельные храмовые библиотеки, по объему и составу, несомненно, уступавшие первым. Учеными подсчитано, что в среднем на храм приходилось от 14 до 40 книг [17, с. 20]. Это вполне закономерно: поскольку монастыри изначально создавались как центры миссионерской деятельности среди местного населения, они снабжались большим количеством литературы, рассчитанной на всю территорию. Кроме того, монастыри нередко располагали собственными средствами, на

которые могли приобретать литературу дополнительно.

В фондах библиотек преобладали богослужебные, богословские и церковно-исторические произведения. Светскую литературу представляли единичные названия, обычно поступающие в библиотеки случайно, в результате пожертвований. Библиотеки монастырей и храмов были направлены на удовлетворение служебных и личных потребностей священнослужителей, монахов, в меньшей степени – мирян. Обязанности библиотекаря возлагались на одного из монахов. Интересно, что до наших дней дошли «Тетради регистрации выдачи из библиотеки монахам книг для чтения» Козловского Троицкого монастыря, относящиеся к 1840–1850 гг. и построенные по определенной схеме [9–14]:

Дата	Название книг и кому выданы	Отметка о возвращении
------	-----------------------------	-----------------------

Таким образом, зарождение библиотечного дела на Тамбовщине, как и в стране в целом, связано с деятельностью учреждений православной церкви – оплота христианской религии. Библиотеки данного вида имели главными функциями мемориальную, кумулятивную и не обеспечивали организацию

общественного использования книг. Тем не менее именно монастырские библиотеки являются первыми библиотеками Тамбовского края, возникшими уже в XVII в., и именно им значительно долгое время принадлежала роль основных культурных и книжных центров.

Библиотеки учебных заведений

Период конца XVIII – первой половины XIX в. в истории России ознаменован реформами в области просвещения, образования и печати, направленными на расширение сети учебных заведений, рост книгопечатания и книжной торговли, формирование светской культуры. Именно в это время в Тамбовской губернии получают распространение библиотеки учебных заведений.

Первыми по времени основания школьными библиотеками являются: библиотека духовной семинарии (начала складываться в 1780 г.), библиотеки при Тамбовском главном и Козловском уездном училищах (соответственно 1786 и 1787 гг.). В 1811–1836 гг. появляются библиотеки при всех остальных светских уездных училищах. Позднее складываются библиотеки духовных училищ, а также светских приходских – в Козлове, Темникове, Кадоме, Спасске, Шацке и Моршанске. Сохранились сведения о библиотеке Александринского института благородных девиц, начавшей формироваться через несколько лет после его открытия. К 1844 г. относится первая информация о нескольких библиотеках при сельских училищах государственных крестьян.

Объемы фондов школьных библиотек непосредственно зависели от выделяемых на их содержание государственных ассигнований, размеры которых определялись статусом учебного заведения. В середине XIX в. библиотека гимназии, осуществлявшая руководство библиотеками всех светских училищ, получала от государственного казначейства сумму в 214 руб. 25 коп. На содержание семинарской библиотеки отпускалось ежегодно 114 руб. 20 коп. Минимальную сумму получали библиотеки уездных училищ – 42 руб. 85 коп., а приходские училища не финансировались государством и содержались за счет городских дум и благотворителей.

Неудивительно, что наиболее богатыми фондами обладали библиотеки средних учебных заведений: семинарии и гимназии. Каталог первой из них уже в 1808 г. отражал 935 книг. Фонд гимназической библиотеки ежегодно пополнялся в среднем 50 книгами и составлял, к примеру, в 1817 г. 378 названий, в 1827 г. – 443, в 1857 г. – 1413 названий (4057 экз.). В то же самое время библиотеки уездных училищ были практически в три раза меньше, а библиотеки приходских училищ даже

в 1856 г. насчитывали от двух книг в Темникове до 68 – в Кадоме [3, 6, 18].

Состав фондов библиотек учебных заведений определялся учебными программами. В семинарской библиотеке в силу специфики задач обучения наиболее укомплектованными были отделы теологии и философии. Немалую долю в фонде занимала также историческая и филологическая литература, особенно выделялись книги по риторике, необходимые для подготовки будущих проповедников. В светских учебных заведениях в отношении качественного состава библиотечных фондов преобладали книги по истории и словесности, а также по богословию, философии, географии, математике. Библиотеки и светских, и духовных учебных заведений выписывали большое количество периодических изданий: «Северную пчелу», «Библиотеку для чтения», «Современник», «Северный архив», «Христианское чтение», «Московский телеграф» и др.

Немаловажно то, что библиотеки учебных заведений (за исключением духовной семинарии) обслуживали исключительно преподавателей, лишь с 1840 г. право пользования библиотеками получили и учащиеся. Практиковалась выдача книг посторонним лицам, однако она была ограничена в целях сохранности фондов. Обязанности библиотекаря возлагались на одного из учителей, который занимался и оформлением заказов на книги и периодические издания, и ведением каталогов, и обслуживанием читателей.

Итак, в конце XVIII – первой половине XIX в. на Тамбовщине формируются библиотеки светских и духовных учебных заведений, состоявшие преимущественно из учебной литературы, потребность в которой была вызвана задачами учебного процесса. Однако, предназначенные для обслуживания преподавателей и учащихся, библиотеки учебных заведений не решали проблемы организации общественного использования книг.

Общедоступные библиотеки

Новым явлением для культурной жизни Тамбовщины конца XVIII в. стало открытие в 1788 г. в Тамбове коммерческой библиотеки при книжной лавке вольной типографии А. М. Нилова, просуществовавшей до 1798 г., когда типографию продали губернскому правлению. Библиотека была ориентирована на получение прибыли за счет удовлетворения запросов читателей. Поэтому ее фонд состоял преимущественно из пользовавшейся популярностью беллетристики: оригинальных произведений Г. Р. Державина, П. Захарьина, М. Сонцова, а также книг, переведенных местными дворянами.

Единственной в своем роде в Тамбовской губернии стала библиотека Липецких минеральных

вод, организованная вскоре после открытия курорта в 1804 г. Она содержала небольшое количество книг и журналов, присланных по приказу министра внутренних дел князя Куракина, в основном исторического и естественно-научного характера. Книги из библиотеки Липецких минеральных вод выдавались всем «приезжим на воды больным» в целях «с пользою и приятностью проводить время» [4].

Однако самым знаменательным событием местной истории библиотечного дела и культуры в целом явилось открытие для публики 6 декабря 1833 г. Тамбовской публичной библиотеки. В ряду других губернских библиотек она была создана по инициативе президента Вольного экономического общества Н. С. Мордвинова. К сожалению, финансовые трудности и политические ограничения конца 1840-х гг. привели к временному закрытию публичной библиотеки в 1858 г.

Тем не менее первые несколько лет ее работы остались блестящей страницей в истории провинциального библиотечного дела. Тамбовская публичная библиотека за счет привлечения дополнительных средств путем создания акционерной компании стала обладательницей максимального среди провинциальных библиотек страны фонда (рис. 1). Если большинство российских публичных библиотек располагали фондами, не превышающими 2–3 тыс. экз., то объем фонда Тамбовской библиотеки в 1835 г. составлял 10 348 экз., в 1845 г. – 12 682, а в 1855 г. достиг 13 047 экз. Особенно быстро фонд Тамбовской публичной библиотеки рос в первые годы после ее открытия. Так, в период с 1835 по 1840 г. фонд ежегодно пополнялся в среднем на 412 томов [1].

Созданная в целях «содействия народному просвещению», Тамбовская библиотека обладала прекрасно подобранным фондом, более половины которого составляла художественная литература, включавшая произведения блестящих представителей русской и мировой литературы; 15% занимали книги по истории, географии и путешествиям; 20,6% – периодические издания, остальная часть фонда приходилась на литературу по юридическим наукам, философии, педагогике, физике и математике [16].

Формально она была открыта для любого человека, но чтение книг здесь стоило внушительной суммы (30 руб. в год за получение книг на дом и 15 руб. – за чтение в читальном зале). По этой причине более 80% ее подписчиков составляли дворяне, офицеры, духовенство и чиновники. Количество подписчиков в 1835 г. достигло 61 человека, но с 1837 г. оно неуклонно снижается, уже в 1838 г. составив 48, а в 1849 – всего 16 человек. Продемонстрировать ситуацию могут данные о доходах, полученных с платы за чтение (рис. 1) [4].

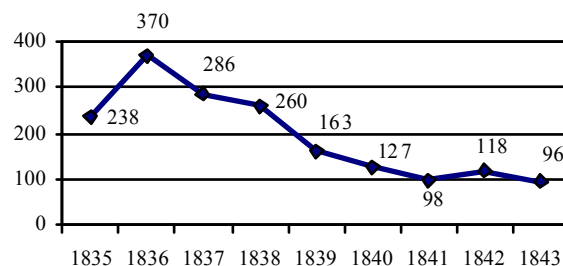

Рис. 1. Доходы от платы за чтение в Тамбовской публичной библиотеке в 1835–1843 гг.

Состав посетителей бесплатного читального зала Тамбовской библиотеки (раз в неделю и в праздничные дни) был гораздо более демократичным и включал учащихся, ремесленников, разночинцев и крестьян. Стоит отметить, что по числу выдаваемых книг библиотека занимала 1-е место среди других губернских библиотек в 1830-е гг., когда ее ежегодная книговыдача насчитывала от 2500 до 4300 экз. [2].

Обслуживание читателей осуществлялось в удобном помещении специально построенного для библиотеки к 1845 г. здания (рис. 2), а ориентироваться в фонде помогал систематический каталог, изданный в 1836 г. и переизданный с дополнениями шестью годами позже.

В целом, в первой половине XIX в. Тамбовская библиотека являлась единственным публичным постоянно действующим учреждением культуры Тамбовской губернии и практически единственным местом, где можно было получить необходимые для чтения книги.

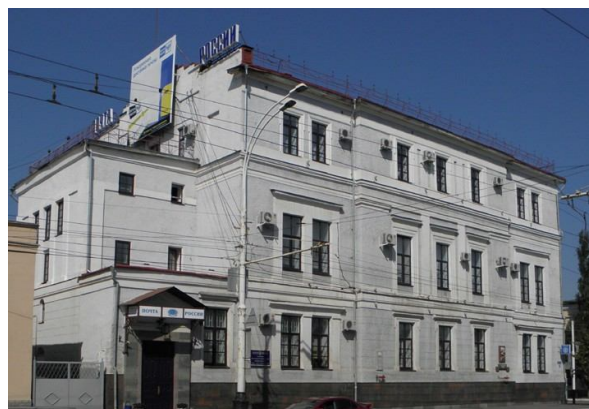

Рис. 2. Здание Тамбовской публичной библиотеки

Личные библиотеки

Несколько слов необходимо сказать и о личных библиотеках, начало формирования которых относится ко второй половине XVIII столетия. Они находили своих владельцев преимущественно в среде дворян, являвшихся, в отличие от основной массы населения, носителями особой, светской по своему

существо, субкультуры. Освобожденные Екатериной II от обязательного несения службы, они нередко проводили в своих усадьбах большую часть жизни, создавая там прекрасные библиотеки.

В рассматриваемый период в Тамбовской губернии формировались усадебные библиотеки Муравьевых, Ниловых, Никифоровых, Вышеславцевых, Рахманиновых, Воронцовых, Загряжских, Протасовых, Бенкендорфов, Голицыных и др. Собственные книжные собрания имели многие духовные лица: епископ Феофил, назначенный на тамбовскую кафедру в 1788 г., игумен Козловского Троицкого монастыря Варлаам, а также рядовые монахи, отдельные (грамотные) представители городского сословия и крестьянства, обзаводившиеся библиотеками из единичных книг, переписанных самостоятельно либо приобретенных на ярмарках.

Создание домашних книжных собраний стало важным показателем роста потребностей в чтении.

Заключение

Таким образом, на протяжении XVIII – первой половины XIX в. в Тамбовской губернии шел процесс становления и развития библиотек ограниченного пользования, преимущественно являвшихся непосредственной составной частью монастырей, церквей, учебных заведений. Однако, несмотря на то, что библиотеки были закрыты для большей части населения, очевидны рост их доступности и ориентация не только на сохранение и пополнение фондов, но и на удовлетворение профессиональных, образовательных, просветительских потребностей читателей.

На протяжении рассмотренного периода библиотеки становились доступнее грамотным представителям разных социальных слоев, что представляло безусловную ценность прежде всего для тех жителей губернии, которые не имели возможности создавать свои личные библиотеки, и увеличивало читательскую аудиторию.

Уже в конце XVIII – первой половине XIX в. доступ к библиотекам получают преподаватели и учащиеся учебных заведений, а с открытием Тамбовской публичной библиотеки – жители губернского центра независимо от их социального положения, сословной и профессиональной принадлежности.

В силу сдержанного характера процесса расширения библиотек, обусловленного, с одной стороны, политикой государства, а с другой – низкими темпами роста грамотности населения, зарождающееся библиотечное дело не могло оказать влияния на развитие культуры в Тамбовской губернии в целом, однако сыграло свою роль в развитии культуры в губернском и уездных городах.

Литература

1. *Абрамов К. И.* Городские публичные библиотеки России: история их становления: (1830 – начало 1860-х гг.). – М. : Пашков дом, 2001. – 128 с.
2. *Абрамов К. И.* Читатели публичных библиотек России в первой половине XIX в. // Библиотековедение. – 2001. – № 1. – С. 60–68.
3. ГАТО. Ф.105. Оп. 52. Д. 4.
4. ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 42.
6. ГАТО. Ф. 186. Оп. 14. Д. 134.
7. ГАТО. Ф. 186. Оп. 14. Д. 134.
8. ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 187.
9. ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 487.
10. ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 491.
11. ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 511.
12. ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 520.
13. ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 534.
14. ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 536.
15. *Дьяконов П.* Упраздненный монастырь // Тамб. епарх. ведомости. – 1893. – № 1. – С. 7–13.
16. Каталог Тамбовской публичной библиотеки. – М., 1842. – 476 с.
17. *Фунтикова С. П.* Православные библиотеки: прошлое и настоящее : учеб. пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – М. : Профиздат, 2002. – 254 с.
18. *Холодный Г. М.* Историческая записка о Тамбовской гимназии, 1786–1888. – Тамбов, 1886. – 328 с.

Материал поступил в редакцию 26.12.2012 г.

Сведения об авторе: *Медведева Ольга Владимировна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов, тел.: (4752) 71-22-01 (доб. 4204), e-mail: movlad2009@yandex.ru

УДК 021(091) (470.326)
ББК 78.33 (2Рос-4Там)

ОРГАНИЗАЦИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГГ.

© И. В. Ураева, 2013

*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
392012, г. Тамбов, ул. Советская, 6*

Представлена характеристика организации библиотечного обслуживания в Тамбовской губернии в 1920-е гг. Отмечены основные направления работы библиотек в обслуживании пользователей. Дано представление о реорганизации системы библиотечного обслуживания.

Ключевые слова: библиотечное обслуживание, Тамбовская губерния, направления работы.

The article describes the organization of library services in the Tambov province in 1920-s. Highlighted are the key directions of library services and. The conception of the reorganization of library service system is presented.

Key words: library services, the Tambov province, activities directions.

Реорганизация обслуживания читателей началась с первых месяцев установления советской власти и шла в тяжелых материальных условиях, когда не хватало помещений, оборудования, освещения, отопления.

На основе резолюции VIII съезда РКП(б) «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне», библиотечным работникам необходимо было реорганизовать всю методику библиотечной работы с читателями, разработать новые формы массовой и индивидуальной пропаганды литературы.

Следует отметить стремление местных органов народного образования сделать пропаганду книги в библиотеках систематической и целенаправленной. Особенно четко это проявилось в документах, изданных в Тамбовской губернии после I Всероссийского съезда по внешкольному образованию (1918 г.). Как известно, съезд указал на необходимость связать работу внешкольных учреждений, в том числе и библиотек, с политикой партии и правительства. В резолюции съезда указывалось, что в библиотеках должна вестись социально-политическая и социально-экономическая работа. В различных инструкциях, постановлениях и резолюциях совещаний, конференций, съездов органы внешкольного образования Тамбовской губернии стремились довести решения Всероссийского съезда до низовых работников, применить их к местным условиям [1, с. 89, 90–91].

Показательна в этом отношении резолюция съезда работников по внешкольному образованию

Иноковского района (Кирсановский уезд, сент. 1919 г.), в которой указывается на необходимость планового и систематического ведения дела внешкольного образования, рекомендуются основные формы массовой пропаганды книги, обозначена конечная цель любого проводимого в библиотеке мероприятия. Несомненно, что этот документ на первых порах выполнял роль инструкции по организации работы с читателями [8, л. 73].

Формы обслуживания читателей

В работе библиотек по обслуживанию читателей можно выделить несколько направлений. Прежде всего, работа библиотекарей была направлена на пропаганду библиотек среди населения.

Предпринимались попытки привлечь в библиотеки малограмотных и неграмотных людей. Так, Моршанский уездный отдел народного образования разослал в библиотеки инструкцию «Как читать газеты» и вменил в обязанность громкие «чтения газет по библиотекам (не менее 2-х раз в неделю)» [20, л. 6].

В библиотеках получили распространение такие мероприятия, как инсценировки, рассказывания, шествия книг на сцене, устные рецензии, вечера книги, пение библиотечных частушек, громкие чтения газет и книг, конкурсы, плакаты. При библиотеках создавались читательские кружки, общества друзей книги [11, л. 5; 30, с. 5–8].

С целью пропаганды библиотек среди населения у зданий библиотек и на улицах размещались

объявления, «приглашающие жителей посетить библиотеку, прочитать новые газеты и журналы, познакомиться с новой литературой» [19, л. 82].

В августе 1919 г. во многих волостях Шацкого уезда состоялся День советской пропаганды, одной из целей которого было разъяснение крестьянам значения внешкольного образования. В этот день в крупных селах состоялись лекции о международной обстановке, завоеваниях Октября, значении книги и библиотеки.

Среди других форм пропаганды библиотеки особый интерес представляет листовка, изданная в Тамбове от имени уездных отделов народного образования. В листовке нашли отражение прогрессивные идеи о роли библиотеки и библиотекаря в обществе. Читальня воспринималась как тихое место, где пользователи могли ощутить психологический комфорт.

В сельской местности открытие новых библиотек превращалось в настоящий праздник с различными культурно-просветительными мероприятиями. Так, «на торжественном открытии Казачьинской сельской библиотеки Шацкого уезда Тамбовской губернии в октябре 1919 г. слушались доклады о значении книги и библиотеки, а хор любителей исполнил «Интернационал» и русские народные песни. Открытие библиотеки привлекло много крестьянской молодежи» [1, с. 83].

Для пропаганды библиотек и книг среди населения устраивались дни библиотеки, дни книги, недели книги, вечера книги, в которых принимали участие и читатели, и различные общественные организации.

Шацкий уездный отдел народного образования (УОНО) в отчете за октябрь 1919 г. отмечает, что «центральная уездная библиотека с каждым днем все шире развивает свою деятельность, бывают дни, когда производится до 300 выдач и штат работников <...> не справляется с делом» [9, л. 184]. Только в январе 1920 г. библиотеки Лебедянского уезда привлекли, в том числе свыше 2500 читателей: Борисоглебская библиотека – свыше 380, Троекуровская библиотека на взрослом отделении – 142, на детском отделении – 124, Больше-Избищенская библиотека – 144, Шовская – 142, Слободская – 101 читателя.

Усманскую центральную уездную библиотеку только за один сентябрь 1920 г. посетило (вместе с детским отделением) 2881 человек, которым было выдано 3114 экз. книг; в течение месяца записалось 38 новых читателей [11, л. 5; 12, л. 27].

Главную роль в обслуживании жителей губернского центра книгами играла Центральная губернская библиотека. Сопоставление отчетов библиотеки за январь и декабрь 1920 г. говорит о росте популярности библиотеки в городе: количество читателей в указанный период выросло с 2911 до

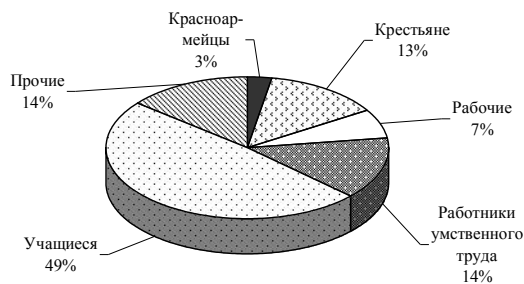
5602 человек, в том числе взрослых – с 1745 до 3575, детей – с 1166 до 2027 человек [10, л. 83, 343].

В среднем на одну библиотеку губернии к концу 1920 г. приходилось 465 читателей. Сопоставляя эту цифру с соответствующими данными по другим губерниям, можно утверждать, что процесс привлечения читателей в библиотеки на Тамбовщине в этот период протекал гораздо активнее, чем в других, в том числе и в соседних с ней губерниях РСФСР. Так, на одну библиотеку в Курской губернии приходилось в среднем 128 читателей, в Рязанской – 136, Пензенской – 207 [1, с. 116].

Количество читателей центральных библиотек (по данным на 1922 г.) [4, л. 10]:

Наименование библиотеки	Количество читателей
Тамбовская центральная библиотека (ЦУБ)	2 025
Борисоглебская ЦУБ	995
Елатомская ЦУБ	1 271
Кирсановская ЦУБ	585
Козловская ЦУБ	1 823
Лебедянская ЦУБ	483
Липецкая ЦУБ	308
Моршанская ЦУБ с двумя читальнями (детским и школьным отделением)	2 638
Спасская ЦУБ	548
Темниковская ЦУБ	1 750
Тамбовская ЦУБ	673
Усманская ЦУБ	312
Шацкая ЦУБ	336
<i>Итого</i>	<i>13 747</i>

В целом по библиотекам губернии среди читателей преобладали учащиеся, которые составляли 48,8% всех пользователей; на долю занимающихся умственным трудом приходилось 14,4, крестьян – 13,2%. Самые немногочисленные группы читателей составляли рабочие – 6,7 и красноармейцы – 2,9% (рисунк) [5, л. 5].

Пользователи библиотек по профессиональной принадлежности

В настоящее время по сохранившимся отчетам мы можем установить, что читателей дифференцировали по их социально-классовой принадлежности, а не по читательским запросам и интересам.

Введение оплаты за пользование литературой

Невыносимые, нередко критические материальные условия существования библиотек в начале 1920-х гг. привели к тому, что во многих из них была введена плата за пользование книгами, залоги и штрафы, что впоследствии негативно отразилось на посещаемости библиотек: количество читателей резко сократилось. Например, Инжавинскую волостную библиотеку Кирсановского уезда в ноябре 1922 г. посещало 1600 человек, а в декабре – уже 69 [13, л. 2; 16, л. 29, 17, л. 61].

Большинство библиотек разрабатывали свои правила пользования литературой и вывешивали их для общего ознакомления на видном месте.

В 1922 г. Борисоглебский уездный исполнительный комитет (УИК) принял постановление «Об упорядочении дела с пользованием книг из библиотеки». За задержку литературы устанавливался штраф от 20 до 60 руб. Также президиум Борисоглебского исполкома утвердил постановление «О мерах борьбы с расхищением книг» [14, л. 63].

Планы работы большинства библиотек включали в себя пункт о необходимости проведения агитации «за скорейшее возвращение невозвращенных к сроку книг», а также рассылки повесток для сбора задержанных книг (библиотека Партпрофклуба им. Ильича) [17, л. 41].

В 1923 г. на заседании коллегии Народного комиссариата по просвещению РСФСР (Наркомпрос) принял постановление, в котором предписывалось «не допустить введение платности в общественных библиотеках». В соответствии с данным постановлением, Главный политико-просветительный комитет Республики (Главполитпросвет) предложил политпросветам не допускать в библиотеках «взимания платности, залогов и штрафов с читателей и отменить, где таковые практикуются». Соответствующие решения были приняты и в Тамбовской губернии. Так, Темниковский уездный съезд по просвещению отметил, что «все стеснительные правила уничтожены. Отменено поручительство, залог, плата за право пользования книгами и газетами» [6, л. 56].

Эти мероприятия возродили читательский интерес населения. За период с 1 июля 1924 по 1 июля 1925 г. по Тамбовской губернии число посещений волостных библиотек возросло более чем в два раза и составило 265 тыс. человек [2, с. 31].

В целях сохранения фондов рекомендовалось вывешивать в библиотеках и вне их стен «черные доски для занесения читателей, варварски относя-

щихся к имуществу библиотек», с указанием их фамилий, профессий и места работы. Было принято решение публиковать в газетах фамилии читателей, задерживающих книги, размещать в библиотеках витрины «вредителей книг» и организовывать общественные агитационные суды над «злостными читателями» [7, л. 2]. Так, в 1928 г. в окне Центральной губернской библиотеки вывеси-ли список (54 человека) задерживающих книги от 1927 г. с надписью «Давно пора вернуть!» [15, л. 5-об].

Направления работы библиотек в обслуживании читателей

В обслуживании пользователей на первый план выдвигалось идеологическое направление. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, решения органов советской власти, документы партийных съездов и конференций, доклады и речи видных деятелей партии и правительства, идеологическая, социально-экономическая, революционно-историческая и тому подобная литература занимала главное место в работе библиотекарей. Революционные праздники и памятные даты отмечались выставками, обзорами, громкими читками [29, с. 9]. К примеру, в марте 1922 г. в читальне Тамбовской объединенной партийно-советской школы I и II ступени были подготовлены следующие выставки: «История Русской революции и РКП», «Народники», «Группа освобождения труда», «1905 год», «Парижская коммуна» и др. [13, л. 25]

Политико-просветительная работа занимала центральное место даже в деятельности детских библиотек, которые организовывали беседы, чтения, детские спектакли, игры на политическую тематику (например, детские библиотеки Козловского, Моршанского, Тамбовского уездов). В Детской библиотеке г. Моршанска советские праздники и годовщины были отмечены докладами детей и литературными вечерами, «дети участвовали в украшении здания внутри и снаружи» [16, л. 29].

Примером идеологической деятельности библиотек служит их участие в подготовке к выборам Советов депутатов трудящихся разных уровней, а именно проведение пропагандистской и разъяснительной работы среди населения.

В ходе выборных кампаний, которые в 1920-е гг. проходили регулярно, библиотекари применяли такие формы, как обзоры и выставки соответствующей литературы, беседы и громкие чтения отдельным группам населения (женщинам, молодежи, рабочим и др.), книгоношество по квартирам и домам. Выпускались стенгазеты, вывешивались плакаты, отражающие работу городских и сельских Советов [26, с. 20].

Мероприятия, посвященные памяти В. И. Ленина (дата смерти 21 января 1924 г.), библиотеки, как и все государственные учреждения, проводили в обязательном порядке. В рамках кампании устраивались выставки брошюр и статей Ленина, на плакатах помещались его высказывания [27, с. 80–81]. Так, в 1924 г. в Центральной губернской библиотеке состоялись экскурсии «ленинцев» из школ политграмоты, во время которых библиотекари выступили с докладами и организовали обсуждение книг, необходимых для изучения ленинизма [17, л. 71]. В 1925 г. в библиотеках железной дороги, Рабочего факультета (Рабфака), Советских работников (Совработников), завода «Ревтруд» («Революционный труд»), были подготовлены плакаты «Ленин и крестьянство», «Ленин и комсомолец», «Жизнь и деятельность Ленина», организованы книжные выставки, составлены рекомендательные списки, лозунги. Первая Районная библиотека в годовщину смерти Ленина выпустила стенгазету [18, л. 42].

Напряженная международная обстановка требовала укрепления обороноспособности нашей страны, пропаганды военных знаний. В библиотеках организовывали «военные уголки», включающие литературу и рекомендательные списки книг о Красной Армии и обороне СССР, справочные пособия, иллюстративный материал а также проводили различные мероприятия. К примеру, в 1924 г. в библиотеке Клуба работников просвещения были проведены мероприятия, посвященные годовщине Красной Армии. За неделю до назначенной даты работники библиотеки и члены клуба составили лозунги, подготовили плакаты с изображением красноармейца, организовали книжные выставки с литературой о Красной Армии. На некоторые издания были составлены аннотации [21, л. 7].

Другим важнейшим направлением деятельности библиотек в 1920-е гг. стала их помощь развитию промышленности и сельского хозяйства. Производственная пропаганда начала распространяться в годы восстановления народного хозяйства. Библиотеки занимались разъяснением основ научной организации производства, пропагандой агротехнических знаний.

Еще одно направление работы библиотек – проведение мероприятий по ликвидации неграмотности (ликбезов). Созданное в 1923 г. Добровольное общество борьбы с неграмотностью в своей деятельности плотно взаимодействовало с библиотеками. Совместная работа библиотек и ликбезов сыграла значительную роль в обучении неграмотных. Библиотеки организовывали в школах ликбеза передвижные библиотеки (передвижки), книгоношество, проводили громкие чтения, беседы о книгах, устраивали экскурсии в библиотеки, развивали культуру чтения и т. д. [26, с. 20]. Книжный голод

библиотечные работники старались удовлетворить, используя и старый, и новый библиотечный фонд.

В условиях того времени исключительное значение имела организация самообразования. В 1925 и в 1927 г. прошли 1-е и 2-е Всесоюзное совещания по самообразованию, на которых были приняты важные решения о вовлечении в самообразовательную работу населения, об оказании помощи клубами, библиотеками, избами-читальнями и другими политпросветучреждениями.

Большое значение в рамках ликбеза имел культпоход – массовая кампания, прошедшая под лозунгом «Все за грамотность!» (1928 г.). Руководство Наркомпроса РСФСР и Главполитпросвета посчитало важным развить из культпохода библиотечный поход.

В октябре 1927 г. Главполитпросвет провел конференцию, посвященную работе с беллетристикой, являющуюся «важным средством приобщения народа к ценностям культуры» [29, с. 18]. Во всех выступлениях подчеркивались недостатки использования беллетристики в работе с читателями. Были обсуждены доклады: о работе с беллетристикой в городской библиотеке, работе с отдельными видами художественной литературы, о принципах составления типового ядра беллетристики и др.

Способствуя культурному развитию читателей, повышая уровень их общеобразовательных знаний, библиотекари пропагандировали лучшие художественные произведения советских писателей. В библиотеках организовывались кружки, члены которых проводили литературные вечера, диспуты, беседы и другие мероприятия. Так, в 1928 г. в Центральной губернской библиотеке к литературному вечеру, посвященному А. Серафимовичу, подготовили: книжную выставку лучших его произведений, критико-биографическую литературу, портрет автора, плакат с изображением лучших произведений А. Серафимовича с заголовком «Прочти эти книги», доски-плакаты «Что пишут наши читатели о Серафимовиче» [24, л. 4].

Значимое место в обслуживании читателей занимала антирелигиозная пропаганда. М. Н. Глазков отмечал, что после 1917 г. в организации советского библиотечного дела можно выделить принципы: партийности, централизации и др. «Но помимо них неуклонно проводился в жизнь “принцип воинствующего богоборчества”» [25, с. 13–14].

В библиотеках устраивали обзоры книг на антирелигиозные темы, беседы и лекции о происхождении религии, различных церковных праздниках. Так, в Центральной губернской библиотеке в декабре 1924 г. были организованы антирелигиозные выставки «Враги религии», «Церковь и государство» [19, л. 8]. В Липецкой центральной уездной библиотеке создали «уголок безбожника».

Работа среди женщин особенно оживлялась в марте, в предверии Международного дня работниц. Так, в проведении этого праздника в библиотеке Клуба работников просвещения (1924 г.) приняли участие работники библиотеки и члены клуба. Они занимались составлением лозунгов, подготовкой выставки, представляющей 25 книг о женском движении [21, л. 7]. В библиотеках организовывали «уголки женщин» (библиотека Клуба работников просвещения, библиотека РКСМ), содержащие книги по уходу за ребенком, о работе дошкольных учреждений и др.

Библиотеки обращали особое внимание на работу с беспризорными. На книжных выставках помещалась литература, рассказывающая о методах борьбы с алкоголизмом, хулиганством. В октябре 1928 г. Жердевский районный исполнительный комитет (РИК) объявил «поход на неграмотность, на пьянство, на дикий быт в районе». Были поставлены следующие цели: выделить литературу для малограмотных, организовать книгоношество, в каждой избе-читальне устроить «уголок трезвости», вечера самодеятельности, «чтобы дать разумное развитие молодежи» [28, с. 3].

Директивный стиль руководства вынуждал библиотекарей действовать в соответствии с предлагаемыми формами отчетности. В настоящее время можно только сомневаться в реалистичности и эффективности проведенных мероприятий, поскольку проконтролировать данный процесс не представляется возможным.

Немаловажное место в работе многих библиотек губернии занимала справочная деятельность. В 1924 г. в Центральной губернской библиотеке был организован справочный стол. С 1925 г. в библиотеке справочная работа начала проводиться по двум направлениям. Прежде всего, обслуживание читателей осуществлялось через почтовый ящик и так называемые вопросно-ответные книги на абонементе и в читальне. Большинство справок носило библиографический характер. По правовым вопросам помощь библиотеке оказывало справочное бюро газеты «Тамбовская правда».

В читальне библиотеки на столы раскладывали тетради – «пожелания читателя», куда поступали от них вопросы по различным темам. С января по март 1928 г. было записано 178 вопросов и 142 ответа. Остальные 36 вопросов носили узкотематический характер и ответ на них был зафиксирован на доске вопросов и ответов. Аналогичная работа велась в Липецкой ЦУБ и Партийной библиотеке [23, л. 15].

Работа кружков

Многих читателей привлекало функционирование в библиотеках различных кружков. Еще в 1918 г.

внешкольным подотделом УОНО были разработаны и разосланы по волостным отделам планы работы культпросветкружков. В этот период в губернии организовали около 100 кружков.

В Детской библиотеке г. Тамбова действовали кружки: литературный, переплетный, художественный, кружок докладчиков. Под руководством библиотекаря дети изготавливали плакаты, составляли лозунги, рекомендательные списки и т. д.

В Детской библиотеке г. Моршанска, по данным на 1923 г., работали следующие кружки: охраны книг, драматический, литературный. При этом «развернуть работу литературного кружка мешает недостаток в работниках, плохое освещение и отсутствие топлива» [24, л. 32].

В 1925 г. в политическом кружке детского отделения Центральной губернской библиотеки прошли мероприятия, посвященные революционным праздникам. Было прочитано девять докладов: «Ленин и дети», «1 Мая», «День рождения Карла Маркса», «Организация юных пионеров», «Детское движение в Германии», «Международное юношеское движение», «История Октябрьской революции», «9 января», «Годовщина смерти Ленина». На членов художественного кружка Центральной губернской библиотеки возлагалась обязанность подготовить иллюстрации к революционным кампаниям [22, л. 5].

В Партийной библиотеке 21 февраля 1926 г. был организован кружок «Друзья книги», состоящий из 14 человек. Для более глубокого изучения библиотечного дела членам кружка зачитывались методические статьи из журналов «Красный библиотекарь», «Помощь самообразованию», «Коммунистическое просвещение» и др., после чего проводились совместные обсуждения вопросов, затронутых в изданиях.

Кружок «Друзей книги» в Центральной детской библиотеке г. Тамбова делился на три группы (по 10 человек). Первая группа работала в читальне и занималась организацией дежурств, подготовкой иллюстраций к прочитанным книгам, участвовала в громких читках, рассказываниях. Задачи второй группы были связаны с изучением периодических изданий, в основном газет; свою еженедельную проработку члены группы вывешивали на доску в уголок «Юных друзей газеты». Третья группа помогала при выдаче книг, занималась сбором задержанных изданий, организовывала книжные выставки. Собрания членов кружка проходили один раз в месяц.

В 1928 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя», в котором подчеркивалось, что «книга должна стать орудием мобилизации масс вокруг основных политических и хозяйственных задач, в первую очередь – индустриализации страны

и рационализации промышленности, повышения урожайности сельского хозяйства и его социалистической перестройки» [3, с. 42].

В целом 1920-е гг. – период становления политической и пропагандистской работы библиотек с массовым читателем. Библиотечная пропаганда книги тесно связывалась с агитационно-пропагандистской работой партийных организаций, проведением политических, народно-хозяйственных и других кампаний, празднованием революционных годовщин и других памятных дат. Большую помощь работники библиотеки оказывали читателям в ликвидации неграмотности и малограмотности, самообразовательном чтении. Широко пропагандировалась антирелигиозная, научно-популярная, производственная и сельскохозяйственная литература. Обслуживание читателей проходило в условиях усиливающейся идеологизации деятельности библиотек. Вся работа была направлена на решение задач, выдвинутых партийными постановлениями.

Литература

1. *Абрамов К. И.* Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. 1917–1920. – М. : Книга, 1974. – 264 с.
2. *Безгин В. Б.* Социокультурная среда деревни периода НЭПа // Человек. Культура. Общество : тез. докл. к межвуз. науч. конф., окт. 1992 г. – Тамбов, 1992. – С. 30–32.
3. Библиотечное дело в СССР : сб. ст. – М., 1957. – 389 с.
4. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 15. Д. 342.
5. ГАРФ. Ф. А-2313. Оп. 5. Д. 78.
6. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 122.
7. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 131.
8. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 136.
9. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 138.
10. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 278.
11. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 288.
12. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 294.
13. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 779.
14. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 780.
15. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 974.
16. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 975.
17. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 976.
18. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 1127.
19. ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 1128.
20. ГАТО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 1567.
21. ГАТО. Ф. Р-1475. Оп. 1. Д. 9.
22. ГАТО. Ф. Р-1475. Оп. 1. Д. 17.
23. ГАТО. Ф. Р-1475. Оп. 1. Д. 19.
24. ГАТО. Ф. Р-1475. Оп. 1. Д. 35.
25. *Глазков М. Н.* Богоборчество в библиотечной практике (1917–1925 гг.) // Библиотека в контексте истории : тез. докл. и сообщ. второй науч. конф., Москва, 21–23 окт. 1997 г. – М., 1997. – С. 13–14.
26. *Глазков М. Н.* Массовые библиотеки Советской России в 1925–1929 гг. : лекция. – М. : МГУК, 1999. – 34 с.
27. *Глазков М. Н.* От лозунга к практике // Библиотека. – 2000. – № 6. – С. 80–81.
28. Жердевская центральная библиотека: 70 лет. 1932–2002 гг. / сост. текста Т. В. Куксова ; отв. за вып. Н. А. Комбарова. – Жердевка, 2002. – 12 с.
29. *Шапошиников А. Е.* Место и роль массовых библиотек в решении задач социалистического строительства // Библиотечное дело в период НЭПа (1921–1929 гг.). – М., 1991. – Ч. 1. – С. 6–47.
30. *Шевченко Л. А.* Возрождение культуры провинции – возрождение России // Возрождение культурных традиций Центрального Черноземья (региональный аспект). – Тамбов, 2000. – Вып. 3. – С. 5–8.

Материал поступил в редакцию 22.01.2013 г.

Сведения об авторе: *Ураева Ирина Викторовна* – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры библиотечно-информационных ресурсов академии культуры и искусств, тел.: (4752) 71-90-52 (доб. 4204), e-mail: uraevairinavic_1608@mail.ru

УДК 001.5:001.82
ББК 72.5+87.255.14

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

© В. П. Котенко, 2013

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5*

Рассматриваются методологические проблемы научной теории. Анализируется понятие научной теории. Раскрываются принципы классификации научных теорий: интерналистских, экстерналистских и системных.

Ключевые слова: научная теория, методологические проблемы научных теорий, интерналистская научная теория, экстерналистская научная теория, системная (конвергентная) научная теория.

The methodological problems of scientific theory are considered. The notion of a scientific theory is analyzed. The principles of classification of scientific theories including internalist, externalist and system theories are revealed.

Key words: a scientific theory, a methodological problem: a scientific theory, an internalist scientific theory, an externalist scientific theory, a system (convergence) scientific theory.

Понятие «научная теория»

Теория – наиболее организованная форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности. Понятие «теории» по традиции ассоциируется с именем создателя и парадигмой как некоторым объективированным в научном сообществе способом научного познания. Примерами теории являются классическая механика Ньютона, корпускулярная теория света, волновая теория света, эволюционная теория Дарвина и т. д. [1, с. 182].

Теория дает систематическое представление о некотором объекте теоретизации, это обобщенный в сознании опыт людей, стройная логическая система, выступающая как совокупность научных законов, категорий, принципов и концепций.

Теория имеет чрезвычайно широкий спектр значений – от обыденного употребления до философского обобщения в теории познания. В «Философской энциклопедии» выделяют широкий и узкий смысл теории:

- *широкий смысл* – форма деятельности общественно развитого человека, направленная на получение знания о природе и социальной действительности и вместе с практикой образующая совокупную деятельность общества (синоним общественного сознания в наиболее развитых формах его организации);
- *узкий смысл* – форма достоверного научного знания о некоторой совокупности объектов,

представляющая собой систему взаимосвязанных утверждений и доказательств и содержащая методы объяснения и предсказания явлений данной предметной области [2, с. 205–207].

В истории термин «теория» долгое время употреблялся только в широком смысле.

Проблема познавательной ценности теории рассматривалась в русле различных концепций теории познания (Мах, Джеймс, Пирсон, Пуанкаре, Дюгем и др.), в которых большой круг вопросов связан с анализом логической структуры теории.

И. Д. Андреевым теория определяется как строго организованная система знаний, каждый элемент которой органически связан с другими элементами данной системы и непосредственно следует из них. Теория возникает тогда, когда содержит знания о причине исследуемых предметов, об их закономерностях [3].

Теория включает в себя необходимые средства и методы как для объяснения, так и для предсказания тех или других явлений действительности, которые «подвластны» данной научной теории.

Теория существенным образом отличается от эмпирического знания: достоверностью содержащегося в ней научного «продукта»; обобщенным описанием исследуемых в ней явлений; формулированием в ее рамках общих законов, которые раскрывают содержание и объясняют определенный круг явлений и процессов, как уже существующих, так и новых явлений/процессов, еще не наступивших. Главным образом, теория отличается от

эмпирического знания тем, что путем логических выводов и доказательств формирует многие исходные утверждения, необходимые для формирования новых, более широких по значению и содержанию знаний.

Научная теория отличается от других форм знания потенциальной возможностью переходить от одного определения к другому без непосредственного обращения к чувственному опыту. В этом – самый важный источник познавательной силы теории.

Смена теорий (научная революция) происходит тогда, когда новая альтернативная система допущений становится признанной в сообществе ученых. Элементы старой теории продолжают существовать в корпусе научного знания в качестве альтернативного, либо периферийного компонента.

Далеко не всякие теории принадлежат области научного знания. Теория может рассматриваться как концептуальная интерпретация связи, фиксируемой эмпирически. Но и эмпирия существенным образом зависит от используемых исследователем концептуализаций. Часто теории не формулируются в ясных и отчетливых терминах, избегают доказательности, работают на интуитивном уровне.

Научная теория отличается от самостоятельных теорий строгостью и доказательностью суждений. Эталоны теории заданы математикой, которая познает мир непосредственно в его сущности, формулируя теоремы.

Определение теории основано на понятиях «гипотеза» и «выводимость». Теория – это совокупность гипотетических конструктов, связанных отношениями выводимости. Базовые элементы теории могут не требовать прямой эмпирической проверки, но вытекающие из них гипотезы должны предполагать возможность опровержения. Теория структурирована по уровням обобщения и устойчивости гипотез. Концептуальное ядро теории наиболее устойчиво, а периферия теории, соприкасающаяся с наблюдаемыми событиями, достаточно изменчива. Пространство теории обладает различной плотностью: на периферии гипотезы зависят от наблюдений больше, чем в центре. Довольно слабо связанные и с базовыми концептуализациями, гипотезы периферии являют собой нечто вроде «защитного пояса» научной дисциплины. В той мере, в какой теория основана на слабых логических зависимостях, она превращается в «исследовательскую программу» (И. Лакатос) – многоуровневую форму организации знания.

Подтверждение теории заключается в опровержении конкурентных гипотез. Если же конкурентная гипотеза не отбрасывается, теория начинает терять убедительность. Одной и той же совокупности подтверждаемых гипотез может быть поставлено в соответствие сколь угодно много тео-

рий. Принцип многообразия теорий означает неизбежность вечного перехода от одной теории к другой. Здесь нет никаких логических ограничений, существуют только границы человеческого воображения.

Теория непосредственно зависит от фактов. Одни и те же факты могут быть успешно объяснены двумя и более теориями. Теории не выводятся из фактов, а согласуются с ними. Теория является системой гипотез, объединенных отношениями выводимости («инференции»). Истинность гипотезы не означает истинность теории. Истинность теории предполагает истинность выводимых из нее гипотез только в том случае, если отношения выводимости являются дедуктивными. Тогда гипотезы доказываются как теоремы. Теория, которая подтверждает сама себя, уживается только с теми гипотезами, которые сама из себя выводит. Теории, зависящие от гипотез, стремятся освободить их от жесткой «выводимости», оставляя их тем не менее в зоне своего влияния. Достичь полного подтверждения теории можно только путем независимого подтверждения каждой из гипотез-следствий. А поскольку каждую из гипотез не проверить, теории чаще всего остаются неподтвержденными.

Термин «теория» неоднозначен. Под теорией понимают человеческое познание вообще в отличие от практики, совокупность достоверных убеждений в отличие от гипотезы, а иногда просто совокупность суждений в той или иной области познания.

Понятие «научная теория» употребляется в более узком смысле. Под научной теорией понимается совокупность понятий и суждений относительно некоторой предметной области, объединенных в единую истинную, достоверную систему знания с помощью определенных логических принципов.

В содержательном, гносеологическом плане научная теория как система знания характеризуется следующими признаками (В. П. Каширин, В. Н. Карпович, М. В. Попович, В. Н. Садовский): предметность, адекватность и полнота описания объективной реальности, интерпретируемость, проверяемость, истинность и достоверность. Эти признаки можно рассматривать как определенные требования, предъявляемые к построению научной теории [4, с. 130–149].

Исходной категорией теории является «сущность». Она развернута в систему абстракций, отражающих внутренние, существенные стороны и связи объекта, выраженные такими категориями, как «закон», «необходимость», «причина» и ряд др. Эти категории, систематизированные в категории сущности, составляют моменты ее содержания.

Теория представляет собой систематизированное отражение сущности явлений. Она способна объяснить и предсказать будущее. Объяснение

и предсказание – основные функции теории, неразрывно связанные друг с другом. Они опираются на знание сущности.

Правильно объясняя современное состояние объекта, предсказывая его будущее, научная теория служит людям на практике, является руководством в их революционно-преобразующей деятельности.

Научная теория, правильно отражающая объект во всем многообразии его свойств и связей, раскрытых на основе исследования сущности объекта, – надежное руководство в практической деятельности. И в этом смысле нет ничего более практичного, чем хорошая теория.

Теория не только объясняет объект и дает возможность предвидеть тенденции его развития, предсказать его будущее, она служит человеку на практике, вооружает его в борьбе за преобразование природы и общества. Научная теория выполняет также практически-преобразующую, или социальную функцию, ярко проявляющуюся в научных или социальных революциях.

Анализ философской и науковедческой литературы, история генезиса научных теорий показывает, что существует ряд направлений (подходов) формирования научных теорий. Первый подход – интерналистский, второй – экстерналистский, третий – системный (конвергентный).

Понятие и структура интерналистской научной теории

Согласно интерналистскому подходу, научная теория – это процесс формирования системы абстрактных объектов (теоретических систем) различного уровня в рамках целостной, внутренне логически связанной и согласованной системы высказываний (знаний) о сущности процессов, являющихся предметом научной теории. Научная теория позволяет из единых начал (фактов) вывести все многообразие наблюдаемых явлений.

В советской литературе интерналистская концепция научной теории (без упоминания этого термина) рассматривается как сложный развивающийся объект, обладающий значительным числом аспектов, которые в рамках тех или иных гносеологических концепций могут рассматриваться как существенные для самого понятия теории (Ж. М. Абдильдин, А. Н. Насанбаев, Б. С. Грязнов, Л. Б. Баженов, Е. А. Мамчур, В. С. Степин, М. Э. Омеляновский, В. С. Швырев; в работах по методологии науки – Б. М. Кедров, П. В. Копнин, И. В. Кузнецов, В. С. Тюхтин, В. Н. Садовский, Т. И. Рузавин, В. С. Черняк и др.). Однако единого взгляда на структуру интерналистской концепции научной теории пока не существует.

Интерналистский вариант научной теории включает в себя семь важных компонентов (подсистем):

1. *Факты* – исходная константа в интерналистском подходе к анализу научной теории. Однако не все исследователи с этим согласны. Согласные считают, что каждая теория всегда сталкивается с двумя типами эмпирических фактов, относящихся к предметной области соответствующей теории: первый тип фактов образует зону подтверждения теории, второй – зону ее фальсификации.

Факты первого типа либо устанавливаются до создания той или иной теории и затем приводятся в соответствие с ее следствиями, либо возникают после соответствующей интерпретации следствий, выведенных из теории. Эти факты могут соответствовать логически полученным следствиям в большей или меньшей степени, но, строго говоря, в подавляющем большинстве случаев подобное соответствие не бывает полным. Поэтому постоянно возникает вопрос: должны ли мы пожертвовать теорией или некоторой частью входящих в нее гипотез на том основании, что они недостаточно согласуются с фактами, или следует признать сомнительными факты?

Факты второго типа образуют зону фальсификации и показывают те феномены, ситуации и процессы, к которым теория не применима. Фальсифицирующие факты следует считать столь же необходимым критерием эмпирической содержательности и соответствия теории данной предметной области, как и подтверждающие факты.

Фальсифицирующие факты, не укладывающиеся в рамки данной гипотезы, закона и теории в целом и даже опровергающие их, Кун называет аномальными. Однако они есть постоянный и неотъемлемый момент нормальной науки. Наличие аномальных фактов следует признать необходимым условием развития и функционирования всякой теории.

2. *Логико-лингвистическая подсистема теории* включает ряд признаков [5, с. 157]:

- отношение логического следования и определения – признак означает, что совокупность высказываний, образующая теорию, должна находиться в такой логической связи, когда каждое высказывание, особенно в дедуктивных теориях, хотя бы один раз выступало в качестве посылки или заключения вывода; а все специфические термины связаны такими отношениями определения, когда каждый из них включен в определяющую или определяемую часть, по крайней мере, одного определения.
- относительная логическая замкнутость теории – необходимое условие строгости применяемых в ней доказательств и однозначности оперирования понятиями. Логическая замкнутость существенно предопределяет скачкообразный переход одной научной теории в другую.

- логическая непротиворечивость – условие любой теории, хотя и находит не в одинаковой мере свое выражение в разных теориях. Не везде этот признак строго сформулирован. В интерналистских теориях имеются непротиворечивые фрагменты. Требование непротиворечивости служит условием формальной истинности теории. Противоречия не являются стимулом совершенствования и развития теории.

Рассматривая логику-лингвистические проблемы научной теории, необходимо отметить исторический характер их развития. К настоящему времени логика предстала как достаточно разветвленная научная дисциплина [6]. Ее важнейшими разделами являются диалектическая и формальная логика.

Формальная логика изучает формы мысли (понятия, суждения, умозаключения, доказательства) со стороны их логической структуры, т. е. отвлекается от конкретного содержания мыслей и вычленяет лишь общий способ связи частей этого содержания.

Прогресс в формальной логике начиная с XIX в. связан с формированием и развитием математической логики. Идеи ее заключались в следующем: понятия, как и высказывания, необходимо свести к некоторым основным, обозначив их соответствующими знаками или символами. Из этого небольшого числа понятий можно конструировать или выводить все остальные, представив их комбинацией этих символов.

Формальная логика сохраняет свое значение как учение о выводном знании, о законах и формах выведения одного суждения из систем других, ранее образованных. Она составляет часть научного учения о доказательстве, его формах, строении и связях суждений о нем.

Диалектическая логика – это теория движения человеческой мысли от явления к сущности, от знания абстрактного к знанию конкретному. На основе категорий, принципов и законов диалектической логики вырабатываются методологические ориентиры исследования предметов и процессов во всем их многообразии и противоречивости.

В истории науки сформировалось представление о двух противоположных системах построения научного знания – дедуктивной и индуктивной. Однако в ходе развития научного знания это резкое противопоставление индуктивных и дедуктивных наук было снято. Обнаружилось, что чисто дедуктивных и чисто индуктивных наук вообще нет. Индукция и дедукция в единстве применяются во всех без исключения науках.

3. *Язык* – неотъемлемый компонент интерналистской научной теории. Научные теории не существуют без собственного языка, от которого зависит эффективность научного мышления, про-

цесса познания, систематизация знания и коммуникация ученых. Знаковые формы языка научных теорий весьма разнообразны. Язык теорий представляет собой одно из семиотических средств, но при этом наиболее фундаментальное. В семиотике принято различать три аспекта языка: синтаксический, семантический и прагматический.

В процессе познавательной деятельности ученого по формированию теории взаимодействуют все три аспекта языка науки. Принято выделять также теоретический и эмпирический язык теории.

4. *Теоретическая схема и математический аппарат теории* – важный компонент интерналистского подхода к анализу теории. Теоретическая схема может быть охарактеризована по меньшей мере посредством двух типов высказываний: содержательными и математическими зависимостями (система координат). Нормой функционирования теории является взаимодействие применяемого в теории математического формализма и фундаментальной теоретической схемы. Воздействие математического аппарата на фундаментальную теоретическую схему приводит к тому, что ее абстрактные объекты на высших стадиях развития теории предстают в качестве своеобразных эквивалентов абстрактных объектов математики.

Набор признаков, по которым введен каждый абстрактный объект теоретической схемы, фиксируется в форме некоторого математического образа, «наполненного физическим смыслом». Часть таких образов имеет наглядные аналоги в предметном мире. Но большинство из них может не иметь подобных аналогов. Основной формой предметности, которая объединяет и закрепляет признаки аналога, является математический образ. Математическая форма позволяет выразить отношения объекта и аналога в качестве особого идеального объекта, который становится элементом теоретической схемы, представляющей в познании исследуемую реальность.

Теоретическая схема обеспечивает интерпретацию математического аппарата теории и служит своеобразным посредником между ним и экспериментально фиксируемыми свойствами и отношениями физических объектов. Теоретические схемы всегда включены в теорию как важнейший компонент ее содержания. Они образуют основание научной теории, опираясь на которое, исследователь способен получить все новые характеристики исследуемой реальности, не обращаясь к ее экспериментальному изучению. Такие характеристики можно получить в результате дедуктивного развёртывания теории.

Дедуктивное развёртывание теории осуществляется как вывод из основных постулатов и определений теории, их следствий. Методы вывода могут быть самыми различными. В процессе раз-

вертывания теории существенные признаки фиксируются в форме понятий, а их связи – в форме теоретических высказываний. Развертывание теории всегда представляет собой создание (на базе фундаментальных признаков и отношений абстрактных объектов теоретической схемы) новых абстрактных объектов, признаки и корреляции которых фиксируются в системе соответствующих высказываний.

Таким образом, фундаментальной проблемой интерналистского подхода к научной теории становится вопрос происхождения теоретических схем. На первый взгляд кажется очевидным, что источник их происхождения следует искать в обобщенном опыте, поскольку они создаются для описания уже известных данных опыта и предсказания новых результатов. Задача состоит лишь в том, чтобы раскрыть, как осуществляется это обобщение. Но именно здесь возникают основные трудности.

К теоретическим схемам возникновения теоретического знания относится та особенность, которая заключается в невозможности вывести их из опыта чисто индуктивным путем. Беглое знакомство с историей научного познания позволяет обнаружить специфику построения фундаментальных абстрактных объектов из теоретических соображений и лишь в дальнейшем получить эмпирическое обоснование. Именно на этом пути нужно искать ключ к пониманию методов построения теории.

Начать следует с анализа роли теоретических схем в рамках уже сложившихся знаний, когда последние используются для объяснения и предсказания реальных явлений. В этом процессе теоретические схемы соотносятся с изучаемой действительностью, поскольку указанный анализ позволяет выявить признаки, гарантирующие объективную ценность теоретических схем, что, в свою очередь, может послужить отправной базой для выяснения их генезиса.

Сторонники интерналистского подхода считают, что теория создается именно для того, чтобы объяснить и доказать результаты опыта, поэтому должна сопоставляться с эмпирическим материалом. Однако само по себе такое сопоставление не является простой процедурой. Она включает: предсказуемую эмпирическую зависимость, эмпирическую схему, наблюдения и приборную ситуацию.

5. *Выделение ряда логических конструкций научной теории* согласно интерналистскому подходу. При анализе научной теории основное внимание уделяется понятиям «закона» и «принципа». Об этом свидетельствуют исследования российских (В. Н. Голованов, В. С. Готт, В. Н. Карпович, И. З. Нелетов, Н. В. Овчинников, А. Л. Субботин, Р. Г. Яновский и др.) и зарубежных (Д. М. Армстронг, Р. Браун, Н. Картрайт, Ф. Дрекке, Дж. Р. Милтон, Л. Шварц и др.) авторов.

Универсальными характеристиками материального мира и его образующих объектов служат взаимосвязь и взаимообусловленность. В этом многообразии связей ученый в процессе познания выделяет два типа отношений (связей): устойчивые (повторяющиеся) и изменчивые (неповторяющиеся). Исследователь использует в научной деятельности повторяемость явлений, создает в необходимых случаях для них условия. Устойчивые связи (отношения) называют законами, или закономерностями.

Закономерность существует в совокупности определенных объектов или компонентов объектов. Между этими объектами можно обнаружить относительно устойчивые связи, которые могут иметь динамический или вероятностный характер. Динамическая закономерность есть такое устойчивое отношение между явлениями, при котором действительное состояние А некоторого объекта или множества объектов однозначно определяет действительное состояние В того же или множества других объектов и, наоборот, действительное состояние В однозначно определяет действительное состояние А.

Вероятностная закономерность есть такое устойчивое отношение между явлениями, при котором возможное состояние А некоторого объекта или многих объектов однозначно определяет возможное состояние В того же объекта или множества объектов, и наоборот. Вероятностная закономерность проявляется в форме так называемой статистической закономерности.

При анализе взаимодействия объектов необходимо помнить, что у каждого из них есть как специфические, так и сходные с другим объектом черты. Каждый объект имеет основание сходного и основание специфического. Сходные, повторяющиеся связи между явлениями в конкретных науках принято называть феноменологическими законами. Основание сходного, которое выступает моментом сущности, называют эссенциальным законом. Нефеноменологический закон – закон в полном смысле слова: «отношение сущностей или между сущностями», «закон есть прочное (остающееся) в явлениях», «закон – идентичное в явлении», «закон – спокойное отражение явлений» [7, с. 136, 138].

Представление о связях и отношениях в мире в целом принято называть детерминизмом. Детерминизм содержит ответ на вопросы: обусловлены ли явления мира в своем существовании и развитии? Имеет ли эта обусловленность регулярный, упорядоченный или произвольный характер? Другими словами, это вопросы о том, выступает ли мир в своем существовании и развитии как упорядоченный космос или неупорядоченный хаос. Детерминизм есть общее учение, признающее существование универсальной взаимосвязи и отрицающее существование каких-либо явлений и вещей

вне этой универсальной взаимосвязи. Оно предполагает также закономерности многообразных типов и видов отношений причинной детерминации, существующих в мире проблем.

Из приведенного определения детерминизма следует, что понятие «причинности» рассматривается как необходимая часть детерминизации и что последний утверждает о мире нечто большее, чем принцип причинности.

Философский детерминизм как учение о материальной регулярной обусловленности явлений не исключает существования не причинных видов обусловливания. Наиболее характерными видами не причинной детерминации являются: функциональная связь между отдельными свойствами или характеристиками объекта, связь состояний, вероятностная детерминация, детерминации структурные, целевая, телеономная детерминация.

Законы в каждой теории имеют определенные формы представления. Выделяют следующие подсистемы форм законов научной теории: логико-лингвистическую, модельно-репрезентативную, прагматико-процедурную, компьютерную подсистему связей [8]. Компьютерная форма законов занимает инновационное место в системе. Она предполагает использование методов решения с опорой на возможности ЭВМ. Последние позволяют алгоритмизировать методы решения имеющихся уравнений, заменить традиционную формулировку закона в виде системы различного ряда уравнений на формулировку соответствующего закона в виде алгоритмов нахождения приближенных решений исходной системы уравнений.

Возможности ЭВМ не ограничиваются проведением на них численных расчетов, они оказываются крайне полезными в тех случаях, когда вообще неизвестны математические зависимости, описывающие реальные процессы. В программе может содержаться такой алгоритм, который позволяет определить код процесса. Программа выступает в качестве одной из формулировок процедурной формы закона.

Получение экспериментально проверяемых следствий из закона, минуя различные их лингвистические формулировки, открывает новые перспективы использования законов не только в естественных, но и в общественных науках. Ведь в подавляющем большинстве общественных наук отсутствуют математические уравнения, связывающие регенеративные свойства изучаемых объектов, явлений и процессов. Отсутствие аналогичных уравнений в сфере социального познания длительное время оценивалось и продолжает оцениваться как существенный недостаток.

По мере вовлечения в сферу исключительно сложных объектов и в естественно-научном познании возникли сомнения в единственности такого

способа применения законов, который предполагает построение и дальнейшее решение математических уравнений, выступающих в качестве лингвистических форм законов. В современной физике в качестве особой части наряду с теоретической и экспериментальной физикой начинает формироваться так называемая вычислительная физика, для которой не являются необходимыми формулировки законов в виде уравнений и их систем.

В современной науке зарождается новый способ мышления, согласно которому научные законы представляются и используются в виде алгоритмов (совокупность процедур для определения характера поведения системы). Программа ЭВМ – это то средство, при помощи которого реализуются и применяются алгоритмы. Физические объекты и математические структуры могут быть представлены в виде чисел и символов в ЭВМ, а для манипулирования с ними в соответствии с алгоритмами можно написать программу. Выполнение программы для ЭВМ приводит к изменению чисел или символов в соответствии с научными законами, что позволяет вывести следствия этих законов. В соответствии с научными законами изменяются не столько отдельные числа и символы, сколько их системы, которые являются структурами данных, представляющими знания.

6. *Понятия.* Основное назначение теоретических понятий, входящих в научную теорию, заключается в обеспечении функционирования теории как системы замкнутых преобразований. Поэтому не все теоретические понятия поддаются эмпирической интерпретации. Лишь части подмножества теоретических понятий можно указать аналогии и параллели в области эмпирических понятий. Это породило неопозитивистскую концепцию частично интерпретированных формальных теорий, следствием которой явилось стремление элиминировать из языка науки теоретические предикаты (понятия) и заменить их эмпирическими.

7. *Комплекс критериев оценки состоятельности теорий и их проверки.* Необходимым условием практической проверки теории является, прежде всего, ее логико-методологическая оценка. Она предполагает выделение в системе уже проверенных, обоснованных, зарекомендовавших свою практическую значимость высказываний: о фактах, зависимостях эмпирического знания от мировоззрения, фиксируемого в языке, теоретического контекста; теоретической обработке чувственных данных; понимании показаний приборов, проводимых экспериментах (задаваемых вопросов с целью реализации теоретически мыслимых моделей).

Теоретическое знание проверяется, прежде всего, эмпирическими методами: наблюдением, измерением, экспериментом и представляет собой корпус истинного знания, форму практического опыта.

Процесс формирования и обоснования предпосылочного знания весьма сложен и опосредован. Кроме логической, рациональной аргументации обоснование мировоззренческих положений включает ссылку на убеждения, веру, настроения и другие формы отражения объективных процессов в общественном сознании.

Наиболее распространены в проверочном языке современной науки термины, фиксирующие результаты измерений и экспериментов. Они обладают целым рядом преимуществ: однозначностью, точностью, intersubjectивностью, оперативностью и т. п. Язык, содержащий измеряемые величины, легко соотносится как с исходной предметной областью, так и с теоретической схемой. Метрический язык сформировался благодаря использованию приборов и различных шкал отсчета.

Преимущества прибора заключаются в следующем: данные измерения точнее отражают состояние объекта; измерительные приборы сводят до минимума ошибки и искажения при репрезентации предметной области в языке описания; прибор задает строго однозначное соответствие измерительной функции и измерительного процесса, выражающегося в соподчинении эмпирических состояний объекта и определенных делений на шкале прибора; измерительные приборы лучше обнаруживают и более четко фиксируют зависимость соотношения измерительной функции прибора и измерительного процесса от определенной теории.

Кроме метрических терминов в составе проверочного знания хорошо представлены так называемые диспозиционные предикаты. Они выражают не непосредственные свойства объектов, а такие, которые проявляются при определенных взаимодействиях объектов (электропроводимость, растворимость сахара и т. п.).

В составе проверочного уровня знания широко представлены и теоретические положения, фиксирующие законы природы. Для подтверждения закона достаточно практической реализации идеального объекта. Теоретические положения нередко воспринимаются как факт.

Проблема научной состоятельности интерналистской концепции научной теории решается также на основе синтаксической правильности, семантической осмысленности и эмпирической значимости знания. В последнее время в определение научности теории вовлекаются содержательные признаки. Научность теории характеризуется: принципами причинности и законосообразности; философско-методологическими предпосылками; нормами и идеалами, определяющими практическую и общественную значимость теоретических результатов; обобщением человеческого опыта.

Важную роль в практике научного познания играют методы контроля и проверки истинности отдельных гипотез.

Наконец, в обосновании научной теории важную роль играют логический анализ, аксиоматизация, стремление к полноте, непротиворечивость и логическая согласованность. Они обеспечивают четкую, ясную, простую форму фиксации знания, организации научного знания.

Выбор между альтернативными концепциями не всегда может быть осуществлен по чисто эмпирическим основаниям. Разрабатываются внеэмпирические критерии оценки научной теории, например, критерии: новизны, простоты (внутренней и внешней, динамической), содержательных предпосылок (коперниковская революция, теория Г. А. Лоренца и Н. Бора, теория А. Эйнштейна).

Экстерналистский подход к анализу научной теории

Начиная с 1970-х гг. традиционная гипотетико-индуктивная модель, где методологической единицей исследования выступала изолированная научная теория, заменяется более широкой моделью строения научного знания, в которую входит большой круг предпосылок философского, методологического, социально-мировоззренческого характера. В философских, науковедческих и историко-научных исследованиях разрабатывается диалектический подход к науке как к системе знания и деятельности по его производству, как социальному институту и элементу культуры. Все это имеет важное значение для обсуждения проблемы научной теории. Уже в рамках неопозитивизма выявилась недостаточность сопоставления теории с фактами для проверки ее истинности. В процедуры проверки и обоснования фактически вовлекаются не только гипотезы и факты, но и разнообразные формы предпосылочного знания: предпосылочное гипотетическое и проверочное. Формируется новый экстерналистский подход к анализу научной теории.

Экстерналистский подход исходит из того, что источником развития нашего знания о мире служат практическое освоение материального мира человеком, накопленные обществом знания. Это обстоятельство давно было отмечено в философии. Теория «врожденных идей» Декарта, априорное знание Канта, материалистическая позиция относительно принципов – об их абстрагировании из природы и человеческой истории, – разнообразные формы предпосылочного знания, не вытекающего прямо из самих явлений. Внеэмпирические предпосылки определяют процесс обоснования и проверки знания. В ходе экспериментального подтверждения законов часто возникают отклонения результатов эксперимента от теоретических предсказаний.

Изучение структуры научного знания, выявление его различных составляющих, анализ логической зависимости первоначального и производного знания закономерно приводят к задаче уяснения проблем оснований науки и ее компонентов, в частности теории.

Размышления о началах познания уходят корнями в античную философию и неизменно сопровождают последующие этапы становления, развития философского анализа науки. Но наиболее глубоко и отчетливо проблема исследования оснований науки и научной теории осознается и конкретизируется в XIX–XX вв. Это в большей степени объясняется тем, что долгое время в качестве образца для исследования структуры научного знания выбирались математика и физика – науки, которые первыми пережили процесс теоретической систематизации, а позже кризис и революционную перестройку теоретических основ, включая наиболее общие мировоззренческие представления. С конца XIX столетия наука, как правило, ориентируется на естественно-научное знание, которое содержит многообразие различных видов теорий и развитой эмпирический базис.

Однако такой взгляд на научное знание в конце XIX в. стал считаться необоснованным в связи с разделением науки на науки о природе и науки об обществе и духе. Кроме того, корректная постановка вопроса об особенностях гуманитарного знания (оно включает в себя эссе, публицистику, художественную критику, художественную литературу, знание об обществе и человеке и т. п.) потребовали четкого различия понятий «социально-гуманитарное знание» и «научное социально-гуманитарное знание».

Наконец, важным аспектом анализа структуры научного знания стало понимание того, что оно не изолировано от иных сфер духовной жизни общества, культуры, а взаимодействует с ними.

Особое место в структуре научного знания занимает философия. Возникает философия науки, которая выполняет специфические функции в процессе научного познания – объясняет и описывает, что есть научная деятельность. Философия науки в наше время преодолела ранее свойственные ей иллюзии в создании универсального метода или системы методов, которые могли бы обеспечить успех исследования для всех наук во все времена. Она выявляет историческую изменчивость знания, показывает, что доминирующие установки научного сознания могут изменяться, дает ответы на вопросы: Что эти установки собой представляют? Что выступает в качестве парадигм развития науки?

Различают три уровня исследования оснований теорий науки и, соответственно, три взаимосвязанных группы проблем: внутринаучные, метанаучные и философские. Внутринаучными основа-

ниями можно назвать разделы содержательных областей науки (математики, физики, политической экономии и др.), составляющие их теоретический базис. К метанаучным основаниям относят сегодня логико-методологические приемы построения специальных наук и дисциплин. Приемы такого рода изучаются в особом цикле логико-методологических теорий и их приложений к основополагающим разделам знания.

Наконец, под философскими основаниями науки понимают совокупность предельно общих концепций, принципов, категориальных схем мироуяснения (с учетом специфики различных предметных областей), а также гносеологических и ценностных предпосылок научного познания вообще и различных его видов в частности. Включенные во внутренние процессы научного познания, эти предельные основания науки специально разрабатываются в системе философского знания.

По современным взглядам научное знание в целом и в любой области науки представляет собой огромную массу взаимодействующих между собой различных типов (форм) знаний – фактов, гипотез, законов, теорий и т. д. Все это многообразие знаний составляет целостность – научное знание, которое является основным компонентом научной реальности. Научное знание и его ядро – научные теории – не исчерпываются эмпирическим и теоретическим уровнем. Оно включает в себя и то, что принято называть основаниями научного знания.

В истории науки можно выделить три методологических направления анализа оснований: интернализм, представители которого считают, что развитие и функционирование научных идей детерминировано и управляется внутренне присущими науке закономерностями; экстернализм – исходит из того, что основаниями науки выступают внешние факторы; диалектическое (системное) направление – основано на том, что развитие и функционирование научных идей определяется как внутренними, так и внешними основаниями, закономерностями и факторами, есть сложный диалектически противоречивый процесс.

История формирования категории «основания» относится к античному миру. В античной философии сложилась и затем долго сохранялась традиция рассматривать категорию «основания» как предельно универсальный феномен, относящийся и к сфере объективного бытия, и к логико-теоретической, духовной деятельности человека.

Данная традиция была возрождена в рационализме XVII–XVIII вв., уделившем большое внимание логико-философскому изучению проблем оснований. Это нашло наиболее отчетливое выражение в законе достаточного основания как всеобщего принципа бытия и познания.

Категория «основание» относится к числу многозначных и трудно определяемых. Термин «основание» часто используется для выражения понятий «сущность», «субстрат», «главные черты содержания», «совокупность условий», «мотив» и др. Между понятиями «сущность», «содержание», «совокупность условий» и т. д., с одной стороны, и понятием «основание» – с другой, нет резких непреодолимых границ; однако первые более развитые, расчлененные и конкретные, чем понятие «основание».

Выделяют внутренние и внешние основания. Внутреннее основание – это совокупность существенных, принадлежащих той или иной вещи или системе вещей связей и отношений, которыми определяются главные особенности, свойства системы и основные черты протекания явлений.

Под внешними основаниями понимается обычно множество факторов, извне обеспечивающих ход явлений, и вообще различные обстоятельства, определяемые другими вещами и явлениями. Постепенная детализация представления о внешнем основании позволяет использовать применительно к отдельным факторам такого рода понятия «условие», «повод», «развязывающий фактор», «причина».

Под основанием понимают также субстрат, материал, в котором происходят различные события, процессы, изменения. Хотя обычно субстрат берется как внутренняя основа явлений, но вполне допустимо его рассматривать также в качестве внешней основы – по отношению к главным внутренним связям явлений. Вообще, между внутренними и внешними основаниями науки и теории нет жесткой границы. Наиболее близки внешним генетическим основаниям категории «условие» и «причина».

В настоящее время в философской литературе понятие «основание» рассматривается следующим образом: основания в системе «онтологических категорий», основание как идеальный объект, процедура сознания, установление связи между идеальными объектами [9, с. 126–133]. Указанное употребление во многом обусловлено многоплановостью проблемы основания: гносеологическим, логическим, методологическим и другими аспектами этого понятия.

Заслуживает внимания предложенное М. М. Новоселовым определение оснований науки, учитывающее неоднозначность в понимании термина: «условие», достаточное для понимания «бытия, познания, мысли, деятельности» [10, с. 467]. Различаются основания из двух групп: в одной из них основания считаются идеальными объектами; в другой – в качестве оснований предстают те или иные характеристики объективной реальности.

Формы основ научной теории как предпосылочного знания интенсивно исследуются в фило-

софской и науковедческой литературе. В 80-х гг. XX в. широко обсуждались основания науки: философские основания, картины мира, стиль мышления, концептуальные схемы, принципы, нормы и идеалы оснований теории (внутринаучные, метанаучные, философские).

Основания, отдельные компоненты науки и научных теорий были зафиксированы и описаны в терминах: «парадигма» (Т. Кун), «ядро исследовательской программы» (И. Лакатос), «идеалы естественного порядка» (С. Тулмин), «основные темы науки» (Дж. Холтон), «исследовательская традиция» (Л. Лаудан), «этос науки» (Р. Мертон), «основания науки и теории» (В. С. Степин).

Прежде всего изучается научная картина мира как исходное, базисное основание исследования экстерналистских научных теорий. Наиболее значимые сдвиги в исследовании высших форм оснований систематизации знания, структуры научной теории осуществлены в западной философии науки (Л. Лакатос, Дж. Холтон, Л. Лаудан). Правда ни в одной из них в явном виде научная картина мира не была зафиксирована.

В советской литературе 70–80-х гг. XX в. выявлен ряд компонентов и структур, которые не были проанализированы в западной философии: о месте и функциях научной картины мира в системе теоретических и эмпирических знаний. М. В. Мостепаненко показал, что каждая новая теория базируется на соответствующей ей картине мира. Она может помогать ее достраивать, расширять и может тормозить ее развитие. Теория создается до построения адекватной ей картины мира, а затем начинается построение новой картины мира (П. С. Дышлевой). Была поставлена проблема отличия картины мира от теории (по понятиям, логическим средствам, историческим судьбам, преемственности, типологии физических объектов, структуре понятий и категорий, т. е. языку). Рассмотрены место и роль научной теории в общенаучной картине мира.

В системе оснований теории чрезвычайно важное значение имеют философские и культуроведческие основания. Философским основанием явилось включение в теорию философских идей и принципов, которые затем конкретизируются в философской публицистике, нравственных доктринах, политических и религиозных учениях и т. д.

Было выявлено, что историческое развитие философии постоянно вносит мутации в культуру, формируя новые варианты и потенциально возможные линии динамики культуры. Многие выработанные философией идеи трансформируются в философские концепции, которые затем конкретизируются в философской публицистике, нравственных доктринах, политических и религиозных учениях и т. д.

Научное исследование, формирование научных теорий регулируются определенными идеалами и нормами – правилами, образцами, принципами, которые выражают идеалы и нормы, принятые в теории на определенном этапе ее исторического развития. В их системе содержатся ценностные ориентации и цели теоретической деятельности, а также общие представления о способах достижения этих целей и формирования научных теорий.

Среди идеалов и норм можно выделить два взаимосвязанных блока: собственно познавательные установки и социальные нормативы, которые фиксируют роль теории и ее ценности для общественной жизни и науки на определенном этапе исторического развития. Эти блоки соответствуют двум аспектам функционирования теории как познавательной деятельности и как социального феномена. В системе идеалов и норм выделяют следующие основные формы: идеалы и нормы объяснения и описания теорий; доказательства и обоснованности теорий; построения и организация теорий. В совокупности они образуют систему методов исследования теорий. Развитие теорий науки включает как осознанное, так и неосознанное применение методов, норм и идеалов.

Один из типов научных теорий – системная научная теория, представляющая теоретический комплекс, входящий в исследование системы компонентов интерналистской теории и экстерналистской теории как их основания. Системная научная теория является методологической основой анализа важнейших процессов информационного общества и, в частности, такого обширного проекта, как новые конвергентные теории и технологии.

Конвергентные теории и технологии – это сопряженная друг с другом система NBIKS (нано, био, инфо, когнито и социо), служащая основой исследования природы общества и человека.

Для теоретического исследования конвергентных процессов вполне релевантно применение всей системы научных интерналистских, экстерналистских и системных теорий, каждая из которых состоит из ядра и множества необходимых приложений, комбинаций компонентов (оснований) и различных потенциальных моделей.

В качестве базисного компонента в системной теории науки выступает экстерналистская теория и операции специализации, образующие теоретический комплекс. Такую теоретическую сеть можно представить как иерархическую структуру, состоящую из теорий-элементов, вершину которой занимает базисный элемент (комплексная система моделей – «конфигуранд» – В. Г. Горохов), в то время как остальные элементы подстраиваются рядом, в результате процесса специализации. В этой теоретической сети речь идет о системе компонентов (теорий/элементов), которые частично упорядочиваются через отношения специализации, а также о понятии «фрейма теорий», объединяющих целые группы теорий, построенных по единому парадигмальному образу.

Литература

1. Горский Д. П., Ивин А. А., Никифоров А. Л. Краткий словарь по логике. – М. : Просвещение, 1991. – 208 с.
2. Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 5. – М. : Энциклопедия, 1970.
3. Андреев И. Д. Научная теория и методы познания. – М., 1975. – 64 с.
4. Вишневская С. Р. Научная теория // Наукоеведение: фундаментальные и прикладные проблемы : сб. науч. тр. Сиб. ин-та наукоеведения. – Красноярск : НИИ СУВПТ, 2003. – Вып. 2 : Теория научного знания. Хрестоматия. – С. 131–150.
5. Методические основы научного познания. – М.: Высш. шк., 1972. – 272 с.
6. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. – М. : Наука, 1974. – 568 с. ; Копнин П. В. Проблемы диалектики как логики и теории познания. – М. : Наука, 1982. – 368 с. ; Логика и теория познания / под ред. О. Ф. Серебрянникова, Я. А. Слинина. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 223 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 29. – С. 136, 138.
8. Бургин М. С., Кузнецов В. И. Соотношение законов и принципов в научной теории // Филос. науки. – 1990. – № 1. – С. 44–52.
9. Материалистическая диалектика. В 6 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1981.
10. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энцикл., 1983. – 839 с.

Материал поступил в редакцию 11.02.2013 г.

Сведения об авторе: Котенко Виталий Павлович – доктор философских наук, профессор,
e-mail: filgpf@yandex.ru

УДК 02
ББК 78.30

ТЕОРИИ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© Е. Е. Елькина, 2013

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5*

Представлен критический анализ современных теорий библиотековедения, исследуется влияние социально-гуманитарных наук и информационных технологий на становление библиотековедения как развитой междисциплинарной области теоретических исследований, объединяющей теории различного уровня.

Ключевые слова: теория библиотековедения, сравнительное библиотековедение, структура гуманитарной теории, гуманитарная парадигма, принципы типологизации, информационные технологии, информационная парадигма.

The critical analysis of the modern theories in library science is given, the influence of the social sciences, the Humanities and information technologies on the library science formation as the inter-discipline brunch of scientific theories is investigated.

Key words: theory of library science, the comparative library science, the structure of a humanitarian theory, a humanitarian paradigm, principles of typology, information technologies, an information paradigm.

Инновационные процессы, изменяющие сферу библиотечного дела, имеют отношение не только к теориям библиотековедения, но и к проблеме сохранения памяти культуры.

Всемирная история развития библиотеки как хранилища книжных сокровищ отмечена эпохами, когда библиотеки определяли характер образовательной, научной и культурной политики государств, способствуя росту национального самосознания. Выдающиеся мыслители и ученые возглавляли работу научных и национальных библиотек в Европе: Г. В. Лейбниц, Г. Э. Лессинг, И. В. Гете. В России большой вклад в развитие библиотеки Академии наук внес выдающийся ученый М. В. Ломоносов, руководивший в качестве советника академической канцелярии научной и учебной деятельностью Академии [1, с. 105–145].

Многие научные открытия и технические изобретения были сделаны благодаря широкому доступу исследователей к книжным фондам общедоступных, публичных, университетских, научных, национальных библиотек, развитие которых было возведено в ранг национальной политики государства. Сложившееся в постсоветский период в силу ряда причин неподобающее отношение к библиотеке в России вызывает тревогу. Так, недостаточное финансирование социально-гуманитарных исследований, включая исследования в области тео-

рии библиотековедения, не могут не сказаться на качестве результатов исследований.

1. Анализ методологических проблем современных теорий библиотековедения

Развитие теории библиотековедения имеет свои особенности в разных регионах мира. Нас интересует развитие теории библиотековедения в России. Ее современное состояние определяется, во-первых, тенденциями в развитии социально-гуманитарных наук; во-вторых, информатизацией библиотечного обслуживания, меняющий предмет библиотековедения и содержание библиотечной деятельности; в третьих, социальными факторами, важнейшее из которых – государственная политика в отношении библиотеки как социального института.

Среди исследователей отсутствует единство в определении понятия «библиотековедения», его структуры, объекта и предмета. До конца 80-х гг. XX в. среди отечественных исследователей преобладал взгляд на библиотековедение как на дисциплинарную область социальных наук: «Советское библиотековедение – это общественная наука, разрабатывающая теоретические основы общественного пользования произведениями печати и другими документами. Основной теоретической задачей библиотековедения является исследование

закономерностей библиотечного дела как области идеологической, культурно-просветительной и научно-информационной деятельности, обеспечивающей удовлетворение потребностей населения в произведениях печати и других документов посредством библиотек» [2, с. 31].

В 1990-е, как отмечает А. Н. Ванеев, в России переосмысливаются предмет и задачи библиотековедения, происходит понимание того, «что библиотековедение по своей сути – не общественная, а гуманитарная наука, что соответствует гуманистической миссии библиотеки» [3, с. 183].

С позиций науковедческого подхода библиотековедение определяется как «системно-структурированная совокупность научных знаний о библиотечном деле, выступающая в единстве двух ипостасей – собственно научной дисциплины и единой комплексной учебной дисциплины, изучение которой открывается разделом общего библиотековедения» [4, с. 44].

Еще одна точка зрения на понятие «библиотековедения» выражается в определении его не в качестве научной дисциплины, а как практической области исследований библиотечного дела. Такая установка диктуется ссылкой на отсутствие в данной области строгих законов.

Основные подходы к понятию «библиотековедения» в отечественных исследованиях:

- общественная наука о закономерностях библиотечного дела;
- гуманитарная наука о библиотечной деятельности;
- практическая область исследований библиотечного дела;
- система научных знаний о библиотечном деле, в состав которой входит комплексная учебная дисциплина;
- система научных знаний, включающая библиотековедение и информационную науку (В. В. Скворцов, А. В. Соколов и др.);
- область документологии (Ю. Н. Столяров).

Неоднозначно трактуется характер взаимоотношения дисциплин, изучающих различные стороны библиотечной деятельности: библиотековедения и книговедения; библиотековедения и библиографоведения; библиотековедения и информатики и др.

Наиболее дискуссионными являются вопросы об «объекте» и «предмете» библиотековедения. До середины XX в. эти понятия нередко отождествлялись, между ними не проводили разграничений. Основатели теоретического библиотековедения в России – Л. Б. Хавкина, Я. В. Ривкин и др. – в качестве объекта рассматривали библиотеку, а предмета – закономерности функционирования и развития библиотеки, а также методы библиотечной работы. Различное понимание функций библиотек

в системе «общество – культура» выражалось в многообразии точек зрения на объект и предмет библиотековедения. Книговеды и библиографы за объект библиотековедения принимали книгу, за предмет – библиотечную практику. Представители педагогического направления в качестве объекта рассматривали читателя, а в качестве предмета – воспитательное воздействие книги и библиотеки на читателя.

В советский период под объектом библиотечной науки большая часть исследователей понимала библиотеку и ее компоненты. Предмет библиотековедения определялся: а) как изучение принципов организации «общественного пользования книгами» (И. Г. Марков, Ф. И. Каратыгин, сотрудники кафедры библиотековедения Московского библиотечного института и др.) и методов библиотечного воспитательного процесса (Т. В. Крюгер, И. А. Месеняшин); б) как исследование содержания и форм общественного пользования произведениями печати и другими носителями информации через посредство библиотек в интересах строительства коммунистического общества (коллектив Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). Как отмечает А. Н. Ванеев, в этот период задача библиотечной теории ограничивалась исследованием библиотеки, вне поля зрения библиотечных исследователей оставалась проблема изучения связей библиотеки с социальной и культурной жизнью общества [3, с. 188–192].

В постсоветский период плюрализм в определении объекта библиотечной науки объясняется новыми формами теоретических исследований: парадигмами, концептуальными моделями. В качестве объекта научного библиотековедения современные исследователи, придерживающиеся разных методологических подходов, рассматривают: библиотечный процесс (А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко) [5, с. 42–49]; систему «книга – библиотека – читатель», различным образом выделяя в ней основной компонент.

На «читателя» акцентирует внимание Н. С. Карташов. В качестве центрального компонента рассматривают «библиотеку» как социальный институт Л. И. Беляева и Ю. А. Гриханов. А. Я. Черняк определяет отношения в рамках системы «книга – библиотека – читатель» как равноправные. В рамках документационной парадигмы Ю. Н. Столяров дополняет эту трехчленную структуру объекта четвертым компонентом – материально-технической базой, выделяя в качестве центрального компонента не «книгу» как таковую, а «документ». С позиций информационной парадигмы В. В. Скворцов за объект библиотековедения принимает библиотеку как целостную систему трех взаимосвязанных компонентов: информации в виде публикаций, читателя, библиотекаря [3, с. 247–253].

Остроту обсуждения вопросов об объекте и предмете библиотековедения можно было бы снять, принимая во внимание, что в истории развития библиотечной науки ее объект и предмет модифицировались согласно задачам развития общества (культуры, науки и техники), отражая особенности национальных моделей библиотечного дела. Вклад в прояснение данного вопроса вносит фундаментальная монография по истории библиотечного дела Б. Ф. Володина «Всемирная история библиотек» (СПб, 2004).

По сути, становление, история развития теории библиотековедения и его современное состояние характеризуются изменением предметных областей основных разделов библиотековедения. Трансформации объекта и предмета теорий библиотековедения зависят от изменения целей и задач исследования, и соответственно, функций, выполняемых библиотекой в культуре; междисциплинарных взаимодействий в структуре науки; а также новых технологий хранения информации и технологий обслуживания читателей.

На ранних этапах развития библиотечного дела структура библиотековедения включала два основных раздела: 1) формирование и сохранность книжного фонда, 2) библиотечное обслуживание. Интенсивное развитие науки в XVIII–XIX вв. увеличило масштабы издательской деятельности, что потребовало специализации в организации библиотек и способствовало развитию общей и специальных теорий библиотековедения.

Начиная с конца XIX и на всем протяжении XX в. развитие библиотечных теорий шло под влиянием общих тенденций развития социально-гуманитарных наук, испытывающих в результате междисциплинарных взаимодействий с естественными и техническими науками процессы интеграции и дифференциации предметных областей.

В структуру библиотековедения как научной дисциплины исследователи указанного периода включают:

- общетеоретические основания библиотековедения;
- теорию формирования библиотечных информационных массивов;
- теорию библиотечных информационно-поисковых систем;
- теорию библиотечного обслуживания читателей;
- теорию управления библиотечным делом;
- историю библиотечного дела и библиотековедческой мысли.

Как учебный предмет библиотековедение объединяет в своем составе следующие разделы: общее библиотековедение; библиотечный фонд; библиотечный каталог; библиотечное обслуживание; библиотечное дело; экономику; библиотечный ме-

неджмент; историю библиотечного дела; технические средства библиотечной работы [4, с. 41].

В 70–80-е гг. XX в. в СССР активно проводятся исследования в области сравнительного библиотековедения с целью обобщения отечественного и зарубежного опыта развития библиотечного дела. Согласно Н. С. Карташову, уровень развития российского сравнительного библиотековедения не отвечает требованиям строгого научного анализа, по сути, его теорию еще предстоит создать. Сравнительный анализ различных национальных моделей библиотековедения позволит выявить общее и особенное в современных теориях отечественного и зарубежного библиотековедения; сформулировать критерии классических, неклассических и постнеклассических исследований. Помимо общей теории библиотековедения в структуре современных библиотечных наук формируются новые концептуальные подходы к исследованию различных сторон библиотечной деятельности (частные теории): социология библиотечного дела, библиотечная психология, библиотечная педагогика, библиотечная этика, библиотечная статистика и др. Данная область исследований нуждается в систематизации.

К сожалению, в освещении общей и частных теорий библиотековедения в отечественных научных изданиях и учебных пособиях преобладает науковедческий подход, отражающий идеологические принципы советской модели. Не достигли степени теоретического обобщения гуманитарные теории библиотековедения. В этой области требуется свежий взгляд на возможности библиотеки в сохранении национальной памяти. Такой подход, опирающийся на принципы философской рефлексии и герменевтики, ставит задачу переосмыслить роль книги в культуре и в развитии человека.

В целом, обсуждение современных теорий библиотековедения позволяет вскрыть ряд проблем, решение которых за пределами предметной области библиотековедения и требует философского анализа с привлечением широкого культурологического контекста.

Анализ отечественных библиотековедческих исследований позволяет выявить следующие методологические проблемы:

- отсутствие четких критериев классификации и типологизации теоретических исследований в области библиотековедения;
- сведение вопроса о специфике теорий библиотековедения к анализу объекта и предмета библиотековедения, либо к анализу законов и принципов материалистической диалектики, не раскрывающих предмета исследования библиотековедения;
- неразработанность категориального аппарата теорий библиотековедения, относящихся к различным уровням исследования;

- смешение понятий «методология» и «методика библиотечных исследований»;
- недооценка методологических принципов гуманитарных наук в библиотечных исследованиях.

Анализ библиотечных исследований позволяет высказать три критических замечания:

1. Нерешенность выше указанных проблем не позволяет представить библиотечное знание как развитую область знания, включающую теории разных уровней исследования: фундаментальные и прикладные, дисциплинарные и междисциплинарные, общие и частные.

2. Переоценка идеологической функции в деятельности библиотек различного уровня в советский период служила основанием для отнесения предметной области библиотечного знания к социальным наукам. Такая практика ограничивала гуманитарные библиотечные исследования.

3. Философский анализ структуры и принципов типологизации социально-гуманитарных теорий будет способствовать пониманию общих тенденций развития теорий библиотечного знания в структуре социально-гуманитарных наук.

2. Принципы типологизации теорий библиотечного знания с позиций социально-гуманитарных научных теорий

Понятие «гуманитарные теории» (от «human» – человек) позволяет определить их предмет как изучение человека, формирование и развитие которого обусловлено развитием общества и культуры. Предметом социальных теорий является исследование закономерностей развития общества и социальных институтов: политических, экономических, правовых.

Своеобразие социальных и гуманитарных наук выражается в специфике: их предмета, целей исследования, оснований теории, применяемой методологии, функций социальных и гуманитарных теорий в научном познании и в современной культуре.

Научная теория в социальных и гуманитарных науках – это форма исследования, включающая логически организованную систему понятий, обобщающая опытное знание о действительности на основе концептуальных моделей (идеальных типов), придающая действительности смысл и созвучная ей. Она содержит знания, описывающие и объясняющие группу явлений, и систематизирует закономерности этой группы [6, с. 87].

Важная особенность социальных и гуманитарных теорий – их связь с «ценностными императивами» и философскими подходами, которая проявляется в основаниях и в методологии теоретических исследований. Для теорий социальных и гуманитарных наук недостаточно вскрыть механизмы со-

циальных, психологических, лингвистических и других процессов, выявить законы развития исследуемой области, необходима рефлексия «идеала» (идеального типа, образа должного). Истина в гуманитарном знании обращена к сфере духовного развития человека, требует «вживания» в тексты и смыслы.

Своеобразие предмета гуманитарных и социальных теорий выражается в характере законов. Так, описываемые ими процессы и закономерности соизмеримы с человеком, из них неустранимо проявление субъективных факторов. Это придает законам социальных и гуманитарных теорий форму законов-тенденций.

Специфика гуманитарных и социальных теорий состоит в применении методов исследования. Методологические стандарты социальных теорий близки требованиям естественных наук, опираются на математические модели, используют количественные показатели, ориентируются на обобщения и систематизацию. Методы гуманитарных теорий используют осмысление, понимание, диалог. В целом, разделение гуманитарных и социальных теорий не имеет четких критериев, хотя полемика по этому вопросу продолжается до сих пор [7, с. 3–54].

Социальная (гуманитарная) теория содержит систематическое представление о некотором объекте исследования, методологические принципы построения теории, понятийный аппарат, совокупность интерпретаций исследуемых явлений и фактов, предсказания и выводы. Теории содержат неэксплицируемое личностное знание, выражающее авторскую позицию, и часто носят название автора (например, теория психологических типов К. Г. Юнга, теория психологической установки Д. Н. Узнадзе; теория универсальной грамматики Н. Хомского; экономические теории А. Смита, К. Маркса и т. п.).

По сравнению с теорией и концепцией парадигма рассматривается как более широкая область теоретического обобщения социальных и гуманитарных феноменов. В отличие от теории, парадигма не имеет авторства, представляет абстрактную концептуальную модель постановки научных и практических проблем, разделяемую научным сообществом, и содержит способы их решения. В гносеологическом отношении она отражает взаимодействие различных типов знания и порождающих их практик.

Парадигма выступает как некая методологическая программа исследования, может быть соотносена с дисциплинарным или междисциплинарным уровнем научного исследования. Совокупность содержащихся в ней методологических принципов и способов интерпретации отражает стиль научного мышления (тип рациональности – классической, неклассической, постнеклассической).

Следует отметить, что структура теоретических построений в гуманитарной области не имеет единственного решения, но может быть соотнесена с моделями типологизации: парадигмами, направлениями, научными подходами (информационная парадигма библиотековедения; сравнительное языкознание, сравнительное библиотековедение), научными школами (баденская школа неокантианства, львовско-варшавская аналитическая лингвистическая школа). В социально-гуманитарных теоретических исследованиях, осуществляемых в рамках общенаучных методологических подходов (системного, деятельностного, синергетического, эволюционного и др.), ученые проецируют принципы общенаучной методологии на предметную область теории, дополнив их методами, специфичными для области исследования.

Структура теорий социальных и гуманитарных наук включает следующие компоненты:

- исходные основания теории (факты, фундаментальные понятия, принципы, законы, структуры рациональных установок и т. п.);
- понятийный аппарат (характеризует «сетку отношений» между понятиями теории как целостной замкнутой системы);
- язык теории (определяет эффективность исследования, стиль научного мышления, систематизирует знания и является средством научной коммуникации; в зависимости от предмета исследования может включать, наряду с понятиями обыденного языка и специальной терминологией, математический аппарат – в экономических, лингвистических и других теориях);
- идеализированные объекты и концептуальные схемы (выражают образ реальности – социальной, языковой и т. п., основополагающие идеи или идеальные типы, типологии и классификации);
- логику теории и принципы интерпретации (совокупность способов обоснования и интерпретации, нацеленные на прояснение структуры высказываний и изменение знания; неэксплицируемое личностное знание);
- метатеоретические основания теории (философские принципы; идеалы и нормы исследования; научная картина мира – социально-гуманитарная, языковая и т. п.; цели и ценности, выражающие проблематику теории; тип рациональности).
- прагматику теории (совокупность законов и утверждений, выведенных в качестве следствий из основоположений данной теории, методы проверки истинности гипотез).

Методологический анализ теорий библиотековедения, так же как и теорий социально-гуманитарных наук, осуществляется путем выявления

в содержании, методологии и основаниях анализируемых теорий принципов классической, неклассической или постнеклассической рациональности.

Классические теории социальных и гуманитарных наук характеризуются: двухуровневой структурой исследуемого объекта, включающей смысловое ядро теории и контекст; иерархической структурой бинарных оппозиций (материальное – духовное, единичное – общее); разделением предмета исследования и методологических принципов анализа; всевластием рационализма как объяснительной процедурой; недостаточной разработанностью концептуальных схем и понятийного аппарата теорий. Классические социальные и гуманитарные теории опираются на принципы: субъект-объектного познания; единства исторического и логического; объективности; рациональности; механистического детерминизма; финализма истины.

В соответствии с принципом механистического детерминизма, ученые не проводили различия между «естественным» и «искусственным», используя механические аналогии в качестве концептуальных схем («человек – машина», «общество – совокупность механически действующих социальных атомов» и др.).

Неклассические теории 2-й половины XIX – 1-й половины XX в. характеризуются: возросшей сложностью объекта исследования, плюрализмом методологических подходов, инвариантностью теоретических построений, междисциплинарностью, отказом от универсальной истины. Стиль мышления неклассических теорий опирается на следующие принципы: активность познающего субъекта; относительность предмета и метода познания; верификация и фальсификация.

Познание ориентировано не на постижение универсальных законов и установление абсолютной истины, а на истину в ее становлении – самопознание. В этой связи повышается ценность образования, принципов творческого проникновения в смыслы культуры, целостности жизни. Исследователь руководствуется произвольным выбором объективных или субъективных критериев. Понятие объективности научных принципов и законов становится проблематичным, акцент смещается с исследования мира на анализ текстов, языка (принцип Сепира-Уорфа в гуманитарных науках о единстве человеческого бытия и языковых средств его выражения).

Постнеклассические социально-гуманитарные теории возникают во 2-й половине XX в. на стыке социально-гуманитарных теорий с элементами естественно-научных фундаментальных исследований и технологий (когнитивистика, теория коммуникации, социальная информатика, информационная парадигма библиотековедения и др.). Они характеризуются трансляцией достижений информационно-

кибернетической революции в сферу гуманитарного дискурса; переориентацией познания с постижения сущего на конструирование возможного; в исследовании предмета – переходом от идеологии к культуре; в методологии – применением системного моделирования.

Среди принципов постнеклассической методологии исследователи выделяют: комплексный характер исследований, конвергенцию фундаментальных и прикладных теорий; «мультипарадигмальность» методологии, преобладание междисциплинарных и трансдисциплинарных принципов построения знаний; усложнение иерархического строения уровней теории и их взаимосвязей; преобладание сетевого дискурса научных коммуникаций.

Постнеклассические социально-гуманитарные теории – комплексные научные исследования, предметом которых являются сложные теоретические модели, характеризующиеся интерактивностью, целостностью, системностью, саморазвитием, многопредметностью, воплощенной в объекте. Познание объекта предполагает применение философской методологии как интегратора системы научных знаний и координатора научных теорий, используемых при построении целостной структурно-функциональной модели познаваемого общего объекта.

Уровни интегративного процесса включают уровень синтеза, выражающийся в образовании новой научной теории при пересечении двух и более дисциплин (например, теория библиотечных информационно-поисковых систем представляет интеграцию теоретических положений общего библиотековедения, теории библиографоведения, информатики). Уровень междисциплинарного исследования объекта предполагает перевод знаний об объекте с одного языка на другой, сопоставление информации об объекте, полученной в каждой из предметных областей.

Назначение трансдисциплинарного уровня (термин Т. Б. Боттоморе) – выработка общих принципов и методов исследования для группы научных теорий. На общенаучном уровне осуществляется поиск эффективных решений для областей знания в пределах определенной исторической парадигмы (например, принципы компаративистики для сравнительного анализа моделей библиотековедения, культурологических процессов; системный и синергетический подходы для комплексного анализа сложных систем, в частности, современного библиотечного дела в системе культуры). Философский уровень позволяет вписать предмет познания каждой из теорий в целостную картину мира [8, с. 27–28].

Научные теории, изучающие человека, общество и культуру, сегодня носят комплексный ха-

рактер и нуждаются в систематизации. Современная классификация социальных и гуманитарных теорий осуществляется по различным критериям:

- предмету исследования – социальные теории; гуманитарные теории; теории смешанного типа;
- целям исследования – фундаментальные, прикладные, теоретические, эмпирические, практические исследования;
- характеру исследовательских процедур – дисциплинарные и междисциплинарные теории; теории, опирающиеся на принципы общей методологии и философии (последние относятся к развитым формам теоретического знания и характеризуются системной организацией внутренне взаимосвязанных компонентов теории, образом исследуемой реальности, наличием в категориальном аппарате базовых понятий («центральной схемы»), набором понятий, связанных «сеткой отношений», базовыми утверждениями) [9, с. 210];
- специфике когнитивных средств, применяемых к предмету исследования – теории-обозначения; теории-объяснения и теории-систематизации. Теории-обозначения задают систему определений своего предмета (например, в психологических теориях: «психика – это деятельность структур отражения»). Теории-объяснения опираются на методологические принципы раскрытия сущности исследуемого объекта. Теории-объяснения и теории-систематизации призваны дать всестороннее исследование предмета на основе базовых механизмов;
- типу преобладающих концептуальных схем – общие теории (социология, политология, общее библиотековедение) и теории среднего ранга (социология библиотечного дела, библиотечное право, библиотечная психология, библиотечная этика);
- специфике методологических подходов (моделей), характеризующих общенаучный уровень рефлексии, рассматривают теории в рамках информационного, системного, синергетического подходов (парадигм);
- типу рациональности (стилю научного мышления) – классические теории, неклассические теории, постнеклассические теории.

В методологическом отношении теории библиотековедения могут быть типологически соотнесены с моделями классических, неклассических и постнеклассических социально-гуманитарных теорий [10, с. 188–212]. Типологические особенности каждой из указанных моделей выражаются в преобладании определенных принципов и компонентов, входящих в структуру теории, в особой роли

философских оснований для неклассических и постнеклассических теорий, в междисциплинарном характере постнеклассических теорий в результате их интеграции с информационными технологиями.

Типологизация библиотековедческих теорий возможна по различным критериям: целям исследования (фундаментальные, прикладные, теоретические, эмпирические исследования); уровням исследования (философские, общенаучные, междисциплинарные, частнонаучные теории); специфике методологических подходов (библиотековедческие исследования с позиций социологического, гуманитарного, науковедческого, системного, информационного подходов); формам исследования (теория, концепция, учение, парадигма); функциональному принципу (исследования библиотечных фондов, библиотечных каталогов, работы с читателем, функционирования библиотек и библиотечных систем).

Анализ принципов типологизации теорий библиотековедения с позиций социально-гуманитарных наук показал следующее:

1. Методологический анализ, строение и систематизация теорий библиотековедения подчиняются общим принципам исследования и систематизации социально-гуманитарных теорий.

2. Современное библиотековедение как область научных исследований характеризуется многопредметностью и, соответственно, многообразием методологических подходов, междисциплинарностью (интеграцией теорий библиотековедения и социально-гуманитарных теорий), конвергентным характером теорий (применением методов математического моделирования и информационных технологий в исследованиях библиотечной деятельности).

3. Структура теорий библиотековедения определяется спецификой предметной области, типологией теоретического исследования (общая или частная теория, парадигма, подход), типом рациональности.

4. Типологизация теорий библиотековедения может быть осуществлена по различным основаниям: предмету, целям исследования, специфике методологических подходов, типу рациональности, характеру исследовательских процедур, функциональному принципу.

3. Тенденции становления информационно-технологической и гуманитарной парадигм современного библиотековедения

Процессы информатизации библиотечной системы в России, так же как и в странах Европейского Союза, США и других, имеют общие черты и осуществляются под лозунгом создания информационного общества. Последнее определяется как «общество, основанное на информации» и как «об-

щество знания». Отличительные черты общества знаний: усиление роли информации и знаний во всех сферах жизни общества; создание глобального информационного пространства для эффективного информационного взаимодействия людей, удовлетворения их потребностей в информационных услугах; обеспечение широкого доступа к мировым информационным ресурсам. Библиотекам в процессе создания информационного общества отведена роль института, обеспечивающего информационную грамотность потребителей информационных услуг [1, с. 299].

Информатизация библиотечных систем регионального и глобального масштабов состоит не только в модернизации библиотечной системы и традиционных форм обслуживания, требующих от библиотекаря компьютерной грамотности и знания принципов организации информационно-поисковых систем. Перевод публикаций и других документов на информационные носители, формирование библиотечных информационных массивов обеспечивают глобальный и сравнительно быстрый доступ к информационным ресурсам библиотек. Однако отождествление понятий «информация» – «знание» идеологами информатизации скрывает суть модернизации библиотечных систем.

Информационные технологии как результат электронной (информационной) революции «инициировали в значительной степени не только продолжение уже начавшейся технизации посредством знания, но и обширную технизацию самих знаний» [11, с. 297]. В результате глобальной информатизации библиотека встраивается в новый «порядок знания», организационная структура которого, согласно Х. Шпиннеру, включает академический, архивно-библиотечный, конституционно-правовой, экономический, технологический, бюрократический и другие виды знания. Суть библиотечной информатизации состоит в технизации знания и усилении контроля за его распространением и использованием.

В связи с разработкой библиотечных основ информационного общества в зарубежном и отечественном библиотековедении создаются информационные теории библиотековедения. Их общие черты: использование схожих методологических принципов, понятийного аппарата, общих теоретических схем. Информационные теории можно рассмотреть в рамках становления информационной парадигмы библиотековедения. Среди российских исследователей вклад в разработку информационной парадигмы библиотековедения внесли В. В. Скворцов, А. В. Соколов, Ю. Н. Столяров, Р. С. Гиляревский, В. С. Сидоренко и др.

Основные компоненты структуры парадигмы (или «дисциплинарной матрицы», по Т. Куну): символические обобщения, логические формулы;

метафизические части парадигмы, ключевые понятия; ценности, выражающие идеалы и нормы исследования; образцы решения стандартных задач.

В информационной парадигме библиотековедения в качестве методологических оснований используются принципы общей теории систем, теории информации, теории деятельности и библиотековедения для исследования информационных взаимодействий в системе общественной практики.

В качестве объекта информационной парадигмы библиотековедения рассматривается система документальной коммуникации общества. Основные компоненты системного объекта: документ (информация) – библиотекарь (информационный консультант) – пользователь – материально-техническая база. Некоторые исследователи включают дополнительный компонент – информационную среду.

Категориальный аппарат информационной парадигмы библиотековедения отражает структурные взаимосвязи библиотечной системы и специфику информационных процессов в организации библиотечного обслуживания: информация, коммуникация, система, отношение, связь, организация, цель, регуляция, обратная связь, управление, информационный консультант, пользователь, материально-техническая база, информационная среда и др.

Предмет библиотековедения определяется как библиотековедческое изучение системы документальной коммуникации (А. В. Соколов), исследование общих законов информационного обслуживания (А. И. Манкевич, Т. Н. Колтыпина).

А. В. Соколов, А. И. Манкевич и Т. Н. Колтыпина, анализируя взаимосвязи библиотековедения, библиографоведения и информатики, высказываются за включение библиотековедческих теорий в социальную информатику, предметом которой станет открытие общих закономерностей информационного обслуживания как основы создания научной теории библиотечно-библиографической деятельности [3, с. 409].

Р. С. Гиляревский, О. С. Чубарьян, О. П. Коршунов, В. С. Сидоренко рассматривают информатику и библиотековедение как самостоятельные научные дисциплины с рядом общих комплексных проблем и тенденций развития (каталогизация и информационный поиск, формы организации библиотечных фондов и хранение информации, потребности науки и производства в информационном обслуживании) [3, с. 386–395; с. 427–433]. У информатики и библиотековедческих дисциплин есть общие методологические принципы исследования системного и информационного подходов. При этом взгляды на формы и методы взаимодействия библиотековедения и информатики у специалистов расходятся. В рамках информационной парадигмы осуществляются исследования, связанные с медиатизацией библиотек, разработкой тео-

рии управления библиотечным делом в условиях информатизации библиотечной системы и др.

Информационная парадигма библиотековедения влияет на модернизацию библиотечной системы в России и зарубежных странах. Информатизация научных библиотечных фондов в области естественных и технических наук расширяет возможность доступа исследователей к требуемой информации. К сожалению, приверженцы информационной парадигмы уклоняются от анализа иных форм работы с читателем, кроме обеспечения информационного доступа к ресурсам; не учитывают особенности библиотек различного назначения; игнорируют своеобразие гуманитарной литературы, не допускающей замены книги ее информационным дубликатом. Сведение всего многообразия взаимосвязей читателя и библиотеки к единственной функции «пользователя» является проявлением технократизма, превращает читателя в «актера» сетевых ресурсов.

Расширение и углубление гуманитарных библиотековедческих исследований позволит уравновесить технизацию знания и библиотечной деятельности. Ю. Л. Мелентьева, критикуя подход к анализу объекта библиотековедения, разрабатываемый Ю. Н. Столяровым в парадигме документологии, предлагает рассматривать в качестве объекта «эволюцию библиотеки во времени и пространстве». Согласно Мелентьевой, такой угол зрения, ориентированный на изучение внутренней структуры функционально взаимосвязанных компонентов библиотеки и ее внешних связей с другими общественными институтами, расширит область исследований и углубит предмет библиотековедения.

Исследования взаимодействия библиотеки и культуры, библиотеки и общества, проблемы сохранения мирового библиотечного наследия с позиций гуманитарной парадигмы открывают перед библиотековедением новые горизонты. Исследования библиотеки как «всемирного метатекста и как части общего культурного пространства позволят определить место библиотеки в социуме, в русской и мировой культуре, истории, универсуме знаний <...>, определить понятие “русской библиотечной культуры”, “отечественной и всемирной библиотечной мысли”» [3, с. 251–252].

С позиций гуманитарной парадигмы анализируют современные тенденции развития библиотековедения Л. Н. Гусева и Е. В. Смолина (в концепции понимающей парадигмы мышления). Т. Б. Маркова в анализе методологических проблем библиотеки как центра книгохранения отмечает, что оригинальные идеи о новых формах библиотечной деятельности можно почерпнуть, помимо академических изданий, из художественной литературы, исторических описаний, философии.

Так, Х. Л. Борхес рассматривал библиотеку как место хранения книжных сокровищ и место встречи читателя, автора и книги, место для проведения научных дискуссий и размышлений. Универсальную библиотеку как средоточие света и знания он сопоставлял с образом Вселенной, видя в ней подобие «магического кабинета», в котором «заколдованы лучшие души человечества, чтобы выйти из немоты» [12, с. 290].

Предмет исследования гуманитарной парадигмы библиотековедения на сегодняшний день четко не обозначен. На наш взгляд, он состоит в изучении библиотечной деятельности как центра хранения памяти культуры, разработки способов систематизации знаний и трансляции культурных ценностей в обществе. В качестве объекта можно представить динамическую модель, включающую в единую национальную библиотечную систему библиотеки различного уровня и назначения. Целью такой интеграции будет развитие национального самосознания и сохранение памяти социума.

Академик Д. С. Лихачев подчеркивал, что библиотека занимает в культуре центральное место; общество может сохраниться и без университетов, но не без библиотеки как центра хранения памяти культуры. Память культуры запечатлена на материальных носителях, прежде всего в книгах. Приобщение человека к культуре осуществляется через чтение. Важное значение приобретают методы работы с книгой (источником знания), расширяющие человеческое познание и сознание, развивающие мышление.

Теории библиотековедения, как правило, не рассматривают книгу в качестве собственного предмета исследования, относя ее к предмету книговедения. Но и в теории книговедения феномен и типология книги, методы чтения не получили адекватного изучения. О. С. Чубарьян, анализируя взаимосвязь библиотековедения с другими науками, отмечает тесное взаимодействие библиотековедения и книговедения в изучении проблем «книга и общество», «книга и человек», исследовании общих закономерностей развития книжного дела, общественной роли книги в ее историческом аспекте. Такое сотрудничество укрепляет теоретическую основу библиотековедения [3, с. 389].

Способам постижения книжных сокровищ посвящены прекрасные исследования и художественные произведения, но, к сожалению, они не стали предметом теоретических обобщений. Приведем некоторые фрагменты о методах правильного чтения книги.

Так, английский эстетик XIX в. Джон Рёскин посвятил свои произведения просвещению английской нации. «Причина, побудившая меня рассмотреть все эти важные вопросы при исследовании методов чтения, кроется в том, что чем больше

я всматриваюсь в наши национальные ошибки и несчастья, тем больше прихожу к заключению, что они – результат нашего ребяческого литературного невежества и необразованности в деле самых простых приемов мышления» [13, с. 42–43]. Метод чтения, суть которого раскрывает Дж. Рёскин, состоит в сосредоточенном медитативном всматривании в слово, стремлении постичь мысль автора, в процессе которого в человеке развивается чувствознание, познавательная способность, проявляющаяся в утончении и расширении сознания.

В аллегорической форме Дж. Рёскин так описывает этот процесс: «...слова являются той скалой, которую вам приходится разбивать и дробить, чтобы добраться до самой сути. Кирками служат ваши усилия, ум и знание, плавильной же печью является ваша душа. Не рассчитывайте добраться до значения ценной мысли автора без этих орудий и без этого огня; часто вам понадобится самый тонкий острый резец и самое терпеливое плавление, прежде чем вы в состоянии будете добыть хоть одну крупницу чистого металла. <...> В силу именно противопоставления букв звукам в смысле знаков, изучение книг и называется литературой, а человек, занимающийся ею, – литератором, человеком книги или слова» [13, с. 14–15].

Значительный вклад в исследование сути книжных сокровищ и их роли в развитии мышления внесли выдающиеся русские философы, представители русского космизма: В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. К. и Е. И. Рерихи. Русский религиозный философ и математик П. А. Флоренский рассматривал книгу как источник тонких энергий, таящихся в слове. Мысль выражается в слове. Слово, по свидетельству П. А. Флоренского, – «организм, имеющий тонкую структуру», включающую в свой состав физико-химический компонент, соответствующий телу; психологический компонент, соответствующий душе; и оккультный, соответствующий астральному телу. Являясь отображением человека и человечества, слово хранит неисчерпаемые энергии, обладает способностью порождать, способно к проявлению синергии. Через слово, в котором «бьется ритмический пульс вопросов и ответов», происходит углубление мысли в себя [14, с. 270–272].

В «Учении Живой Этики», записанном Н. К. и Е. И. Рерихами, говорится о благотворном воздействии великих книг и произведений искусства на человека. Мысль, претворяясь в произведение искусства, превращает его в притягательный магнит. Такое произведение может собирать энергию, способствуя ее обмену и накоплению [15, с. 121].

Приведенные краткие изречения о многозначности книги, читателя и библиотеки обращены к исследователям, работающим в направлении гуманитаризации библиотековедческих дисциплин.

Степень теоретических обобщений гуманитарной парадигмы библиотековедения требует серьезной программы исследования библиотеки как центра систематизации знаний (в особенности это относится к научным библиотекам), трансляции культурных ценностей, сохранения памяти культуры.

Подводя итог анализу современных тенденций развития библиотековедения, можно отметить следующее:

1. Разработка новых направлений теоретических исследований в рамках информационной и гуманитарной парадигм библиотековедения повысит статус библиотеки в обществе.

2. Сегодня российская библиотека помимо функций обеспечения компьютерной грамотности и информационного обслуживания читателей может, используя новые формы работы с читателем, стать центром духовного просвещения, взять на себя заботу о сохранении национальной памяти. Реализация этих задач требует изменения политики государства в отношении библиотеки, осознания ее роли в приумножении национального достояния.

3. Популяризация принципов искусства мышления, методов чтения и другие новые формы библиотечной деятельности могут стать не только предметом теории, но и воплотиться в практике библиотечного дела.

Литература

1. Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек. – 2-е изд., доп. – СПб. : Профессия, 2004. – 352 с.
2. Библиотековедение. Общий курс : учеб. для библ. фак. ин-тов культуры / под ред. К. И. Абрамова, Н. С. Карташова. – М. : Кн. палата, 1988. – 224 с.
3. Общее библиотековедение. Часть 1. Теоретические основы : хрестоматия / под ред. А. Н. Ванеева. – М. :

- Либерея. – Бибинформ, 2007. – (Серия «Библиотекарь и время. XXI век»; вып. № 57). – 532 с.
4. Карташов Н. С., Скворцов В. В. Общее библиотековедение : учебник : в 2 ч. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1996.
 5. Ванеев А. Н., Крейденко В. С. Об объекте и предмете библиотековедческих исследований // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения (по материалам журнала «Библиосфера»). – Новосибирск, 2010. – С. 42–49.
 6. Павлов А. В. Логика и методология науки. Современное гуманитарное познание и его перспективы : учеб. пособие. – М. : Флинта, 2010. – 341 с.
 7. Котенко В. П. Общие вопросы социальных и гуманитарных наук // Философские проблемы социальных и гуманитарных наук. – СПб., 2008. – С. 3–54.
 8. Каган М. С. Взаимоотношение искусств, наук и философии как историко-культурная проблема // Гуманитарий : ежегодник. – СПб., 1995. – № 1. – С. 14–28.
 9. Юревич А. В. Структура теорий в социогуманитарных науках // Наука глазами гуманитария. – М., 2005. – С. 202–228.
 10. Елькина Е. Е. Социальные и гуманитарные теории // Научные теории и конвергентные технологии. – СПб., 2011. – С. 188–212.
 11. Горохов В. Г. Каков же должен быть новый «порядок знания» в Восточной Европе? // Ежегодник Российско-Германского колледжа, 1999–2000. – М., 2000. – С. 270–303.
 12. Маркова Т. Б. Методологические проблемы развития библиотеки как центра книгохранения // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения. – С. 289–302.
 13. Рёскин Дж. Сезам и лилии. – М. : Кн. дело, 1900. – 82 с.
 14. Флоренский П. А. Сочинения. В 3 т. Т. 2. У водоразделов мысли. – М. : Правда, 1990. – 447 с.
 15. Учение Живой Этики. В 4 т. Т. 4. Надземное. – Новосибирск : Изд. центр РОССАЗИЯ Сиб. Рериховского о-ва, 2008. – 776 с.

Материал поступил в редакцию 02.04.2013 г.

Сведения об авторе: Елькина Елена Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент,
тел.: (812) 346-47-83, e-mail: filgf@yandex.ru

УДК 002.2(091)(438)
ББК 76.103(4Пол)

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА КАК ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ¹

© Д. В. Карнаухов, 2013

*Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28*

Рассматривается проблема эволюции польской исторической книги позднего Средневековья и эпохи Возрождения. Автор исследует рукописные и старопечатные книги наиболее известных польских историков – Яна Длугоша, Матвея Меховия, Мартина Кромера, Марчина и Иоахима Бельского, Мачея Стрыйковского – написанные в это время на латинском и польском языках.

Ключевые слова: Польша, эпоха Возрождения, историческая книга, интеллектуальная культура, польский язык, латынь, историография, хроника.

The article is dedicated to the problem of evolution of Polish history book in the late Middle Ages and Renaissance. The author studied manuscripts and old-printed books of most famous Polish historians – Jan Długosz, Mathias Mechovius, Martin Kromer, Marcin and Joachim Bielski, Maciej Strykowski, Alexander Guagnini – written at the time in Latin and Polish.

Key words: Poland, the Renaissance, history book, intellectual culture, Polish, Latin, historiography, chronicles.

Историческая книга являлась мощным инструментом формирования культурного и политического самосознания европейских просвещенных элит на рубеже Средневековья и Нового времени, поскольку именно через описание истории передавался бесценный цивилизационный опыт античности, обосновывалось право на власть правящих династий, подчеркивалась роль церкви, а также решались многие другие важные вопросы.

Понять значение исторической книги для интеллектуальной культуры Старого Света можно анализируя видоизменение формы и содержания исторических произведений в эпоху Возрождения, которая сыграла ключевую роль в формировании культурной идентичности европейцев.

Общей тенденцией в развитии европейской историографии в это время становится постепенный отказ историков от концепции провиденциализма. На смену жестко детерминированной религиозными догмами «божественной истории», по выражению польского исследователя Х. Д. Войтыски, приходит «горизонтальная, динамичная, человеческая интерпретация исторических событий», что, помимо прочего, нашло выражение в критическом отношении к библейскому историографическому канону [1, с. 39].

Хотя Св. Писание в это время и не было отвергнуто в качестве ключевого исторического ис-

точника, тем не менее его постулаты нередко подвергались критике. Кроме того, наряду с библейскими текстами при создании исторических трудов все чаще использовались сочинения авторитетных античных авторов.

Характерная черта интеллектуальной культуры эпохи Возрождения – двуязычность. Наряду с латинским языком, господствующим в эпоху Средневековья и обновленным авторами XV и XVI в. в соответствии со стандартами «золотой», классической латыни античности, все большую роль в различных сферах общественной жизни начинают играть национальные языки народов Европы. Эти тенденции затронули литературное творчество, драматургию, публицистику, образование и науку, а также историографию.

Большая часть исторических сочинений в эпоху Возрождения создавалась на латыни. По выражению Б. Отвиновской, этот язык выполнял функции «соединения народов и времен, их научных и литературных традиций» [2, с. 180]. Именно на латыни велось обучение в европейских университетах, а также, благодаря интенсивному развитию книгопечатания, получили широкое распространение «эталонные» труды выдающихся писателей древности и средневековья – Геродота, Птолемея, Плиния, Ливия, Тацита, Страбона, Иордана, Павла Дякона и многих др.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического развития ФГБОУ ВПО НГПУ на 2012–2016 гг.

Особенности культурной роли латинского языка послужили основанием для ряда исследователей охарактеризовать его в качестве важнейшего «инструмента общественной коммуникации, используемого элитами» [3, с. 8].

Латинский язык делал исторические произведения доступными интеллектуалам разных стран, вне зависимости от их национальной принадлежности. Тем самым шел активный обмен опытом между историками, представлявшими национальные школы, и в разных странах Европы историческое знание развивалось в рамках общих тенденций.

В свою очередь национальные языки в условиях столь очевидной «элитарной» ориентированности латыни выполняли совершенно иные задачи. В научной литературе широко распространено мнение о существовании в эпоху Возрождения антагонизма между «мертвой» латынью и «живыми» языками современных народов Европы. Мнение основано на акцентировании негативной роли «стилизации» неолатинских текстов Ренессанса, их «подгонки» под образцы классической латыни.

Сторонники теории антагонизма пришли к выводу, что неолатинская традиция по определению не могла отразить в полной мере особенностей современной жизни [2, с. 122–123]. Едва ли эти аргументы в полной мере применимы к ренессансной исторической литературе, описывавшей прошлое, и творчеству историков Ренессанса, использовавших сочинения выдающихся писателей античной эпохи в качестве источников при создании своих трудов.

Отметим очевидную неспособность национальных языков составить достойную конкуренцию латыни, что не только делало неизбежным двуязычие, но также было причиной более медленного развития сегмента исторической литературы, создававшейся на национальном языке, по сравнению с латиноязычными сочинениями аналогичной тематики.

Тогда как для узкого круга интеллектуалов, профессионально занимавшихся историографией, выбор латыни полностью оправдывал себя, совершенно иным было отношение широких слоев населения, стремившихся расширить представления об истории своей страны и цивилизационном развитии всего человечества. Именно созданный ими спрос на доступную для понимания историческую литературу, поддерживавшийся стремительным в условиях бурно развивавшегося книгопечатания удешевлением книги как источника информации, стимулировал появление исторических сочинений и публикации книг исторической тематики на национальных языках народов Европы.

Каждая отдельно взятая национальная традиция по-своему специфицировала латинскую исто-

риографию. Особенным было, прежде всего, содержание исторических произведений. При сохранении ориентации на единые интеллектуальные стандарты историографической деятельности авторы, представлявшие конкретные страны, стремились уделить больше внимания освещению национальной и региональной истории.

Польские историки лишь к началу XVI в. в полной мере восприняли ценности гуманистической интеллектуальной культуры, т. е. несколько позже своих итальянских, немецких и французских коллег. На протяжении нескольких столетий развития латинской историографии в Польше средневековые методы описания прошлого сосуществовали с новыми подходами. В значительной степени отказ от изживших себя методов стал следствием критики и крайне нелестных для поляков оценок устаревших концепций истории Польши со стороны ведущих европейских интеллектуалов XV в., в числе которых итальянские гуманисты Эней Сильвий Пикколомини и Флавио Биондо.

Исторические произведения на латинском языке в XV–XVI вв. в Польше написаны Яном Длугошем, Матвеем Меховием, Бернардом Ваповским, Мартином Кромером и др. Допустимо также отнести к этой традиции и некоторых натурализовавшихся в Польше иностранцев, в трудах которых нашли отражение вопросы польской истории, например, уроженца Эльзаса Иодокуса Людовика Деция и итальянца Александра Гваньини.

Наибольший вклад в развитие польской латиноязычной историографии внес Ян Длугош (Jan Długosz, 1415–1480 гг.). Большинство современных исследователей не склонны причислять его к ренессансным историкам по причине ориентации на средневековую манеру изложения материала и игнорирования гуманистических подходов к объяснению прошлого [4, с. 75]. Тем не менее именно труд Длугоша «Польская история» (лат. *Historia polonica*, название по первому печатному изданию 1615 г.) послужил основой развития польской гуманистической историографии. Этому автору удалось создать универсальное историческое произведение, связавшее две эпохи в развитии исторической мысли своей страны – Средневековье и Ренессанс, обобщить накопившийся к тому времени опыт развития знаний о прошлом и дополнить его собственными представлениями.

Труд Длугоша содержал описание преимущественно польской истории «от сотворения мира» до середины XV в. и был разделен на 12 книг, каждая из которых посвящалась определенному периоду. Исключением является лишь 1-я книга, представляющая собой историко-географический очерк, включающий описание древнейшей истории человечества, концепцию происхождения славянских народов, а также подробную характери-

стику ареала их расселения. В 1-й книге Длугош не ограничивается описанием территории одной только Польши, а уделяет внимание также русским и литовским землям, которые в современную ему эпоху были либо включены в состав польского государства, либо находились под политическим контролем польской короны.

Судьба «Польской истории» Длугоша оказалась крайне непростой. Несмотря на огромную информационную ценность и позитивные отзывы современников, широкий доступ к этому сочинению долгое время был ограничен. Изначально созданная в рукописной форме хроника так и не была опубликована, хотя уровень развития книгопечатания в Польше позволял это сделать уже в начале XVI в.

Более того, первая же попытка издания труда Длугоша, предпринятая в 1615 г. в провинциальном городке Добромиль, оказалась неудачной – тираж изданных типографским способом первых шести книг анналов Длугоша арестовали, а публикацию остальных книг и вовсе запретили королевским постановлением. В результате, представленные в этом сочинении ценнейшие исторические материалы не были доступны широкой публике, и польскими историками XVI в. использовались лишь его немногочисленные списки.

Одним из первых плодов историографической деятельности Длугоша смог воспользоваться Матвей Меховий (Matia de Mechow, 1457–1523 гг.). Вклад Меховия в развитие историографии состоял в написании двух сочинений – историко-географического «Трактата о двух Сарматиях» (Tractatus de duabus Sarmatiis, 1517 г.) и «Польской хроники» (Chronica Polonorum, 1519/1521 г.). Обе эти работы были опубликованы, благодаря чему получили широкую известность не только в Польше, но и в других странах Европы.

«Трактат о двух Сарматиях» написан Меховием с целью ознакомления просвещенной публики европейских стран с прежде малоизвестными землями Восточной Европы. Важно отметить, что в это время, знаменовавшееся открытием американского континента и началом активной колонизации Азии и Африки, интеллектуалы Старого Света испытывали огромный интерес к любым компетентным реляциям, позволявшим получить представление о географии и истории отдаленных регионов.

Меховию удалось удовлетворить эти потребности лишь частично. Трактат был написан в спешке, содержал множество ошибок и противоречивых умозаключений, поскольку его автор далеко не всегда заботился о верификации излагаемого материала. Источниками «Трактата о двух Сарматиях» стали анналы Длугоша, труды античных писателей, свидетельства современников – купцов и дипломатов, совершавших путешествия по зем-

лям Восточной Европы, а также пленных, захваченных в войнах с Московским государством и татарами.

Принципиальное отличие Меховия от Длугоша и прочих средневековых авторов заключается в том, что при написании своего труда он занял позицию критического наблюдателя. Первая краковская публикация «Трактата о двух Сарматиях» 1517 г. представляла собой небольшую брошюру объемом в 67 страниц, изданную в формате четверть-фолио. Текст сочинения был разделен на книги, трактаты и главы (капитулы).

Первая книга включала описание азиатской части Сарматии, а также этногенетические гипотезы автора и состояла из 3-х трактатов. В 1-м и 3-м уделяется особое внимание татарскому народу – его происхождению, истории завоеваний европейских стран и отношений государственных образований татар с христианскими государствами, а также их религии и культуре. Меховий первым из европейских авторов дифференцирует татарский суперэтнос и дает характеристику племенам перекопских, казанских и ногайских татар. Он указывает на этническое родство татар и турков и в связи с этим кратко описывает историю могущественной Турецкой империи.

Во 2-м трактате 1-й книги содержится очерк истории народов некогда населявших Сарматии – готов, аланов, вандалов, севов, а также предпринята попытка объяснить происхождения славян (главным образом чехов и поляков). Для изучения данного вопроса автором «Трактата о двух Сарматиях» привлечены труды Иосифа Флавия, Птолемея, Плиния, Светония и Тацита, реляции которых польский ученый дополнил собственными умозаключениями.

Именно 2-й трактат сочинения более всего уязвим для критики, поскольку Меховию не удалось рассмотреть происхождение славян концептуально, т. е. последовательно изложить и систематизировать имевшиеся в его распоряжении свидетельства древних писателей. В результате, вместо цельной картины ранней этнической истории региона здесь мы обнаруживаем мало связанные друг с другом суждения и догадки, способные запутать даже искушенного читателя.

Вторая книга состоит из 2-х трактатов и содержит сведения о географическом положении и истории земель европейской Сарматии, к которой помимо Польши отнесены Русь, Литва, Московия, а также земли, «захваченные князем московским» (ducem Moskovie subiugatis) – Скифия, Пермь, Башкирия, Югра и Карелия. В отличие от 1-й книги, здесь сведения по географии региона преобладают над историческими экскурсами.

Исторически Русь соотносится Меховием с ареалом древней Роксолании (Russia, olim Roxolania),

известной по сочинениям античных и средневековых писателей. Территория Руси ограничивается «рекой Танаис» (Дон), «Меотским озером» (Азовское море) и Крымом на востоке, Карпатами и Днестром на юге, польскими землями на западе и литовскими – на севере. Весьма подробно польский ученый описывает природные богатства Руси, а также особенности православного религиозного обряда.

Меховий практически не уделяет внимания в своем сочинении ранней истории восточнославянских земель – периоду существования Киевской Руси и суверенных русских княжеств, однако делает акцент на сюжете подчинения русских земель Литве князем Витовтом и его преемниками. Таким образом, политическая история европейской Сарматии в 1-м трактате 2-й книги представлена лишь как история взаимоотношений двух влиятельных государств – Литвы и Польши.

Второй трактат 2-й книги полностью посвящается «Московии». Исторического очерка здесь также нет. Акцент при описании владений московского князя сделан на обширности территорий, особенностях ландшафта и речной системы, разнообразии и этническом составе населения. Приведены также подробные описания городов, государственного устройства и военной организации московского государства.

«Трактат о двух Сарматиях» получил широкую известность в странах Европы благодаря многочисленным переизданиям, а также переводам на немецкий, итальянский, польский и голландский языки [5, с. 36]. Это сделало труд Меховия важнейшим и на долгое время единственным источником информации о восточных регионах Европы. Подобная безальтернативность во многом формировала культурно-исторический стереотип Сарматии, который на протяжении столетий сказывался на характере восприятия Польши и России общественным мнением стран Европы.

Что не менее важно, Меховию удалось не только проинформировать европейских интеллектуалов о положении этого региона, но и сделать это с выгодных его стране идеологических позиций: Польша и союзная ей Литва были представлены как очаг цивилизации на востоке Европы. Тем самым в глазах европейцев оправдывалось расширение их территории путем присоединения «варварских» земель, а также обосновывалась необходимость проведения войн с татарами и Московским государством.

«Польская хроника», второе латиноязычное историческое сочинение Меховия, с содержательной точки зрения не было оригинальным и представляло собой выборочную компиляцию анналов Длугоша. Тем не менее культурно-просветительское значение этого труда трудно переоценить, так как

«Польская хроника» стала первой печатной книгой, посвященной национальной истории Польши.

Важно отметить и то, что в данном сочинении Меховий применил ренессансные подходы к описанию прошлого. По мнению А. Джюбы, именно он первым из польских историков «скрупулезно следовал принципам научной историографии, <...> пошел дальше своих средневековых предшественников, критикуя в своей хронике часть цитируемых источников и обращаясь к собственному опыту и наблюдениям» [6, с. 196].

«Польская хроника» дважды публиковалась в Кракове в 1519 и 1521 гг., а в 1582 г. переиздана в Базеле в сборнике трудов польских историков «*Polonicae historiae corpus*». Первое краковское издание подверглось цензурному запрету, и его тираж был конфискован. Второе издание 1521 г. отличалось от первого незначительными изменениями в заключительных главах, посвященных эпохе правления королей Яна Ольбрахта и Александра. Публикация хроники представляла собой солидный фолиант общим объемом в 392 страницы и содержала гравюры с изображениями польских королей. Текст сочинения разделен автором на четыре книги, каждая из которых, в свою очередь, подразделялась на главы.

Первая книга «Польской хроники» посвящена древнейшему периоду польской истории. Здесь Меховий представляет эпонимическую легенду о взаимоотношениях прародителей славянских народов Леха и Чеха, пересказывает позаимствованную у средневековых польских историков мифологическую версию возникновения династии Пястов, описывает правление польских языческих князей, а также уделяет внимание истории соседних народов и их взаимоотношениям с поляками. Представлено описание географии Польши и сопредельных стран. Некоторые сведения, касающиеся ранней этнокультурной истории региона, приводятся со ссылкой на мнения авторитетных ученых писателей древности и современной Меховию эпохи – Птолемея, Светония, Евтропия, Флавия Вописка, Павла Диакона, Исидора, Блонда и др.

Вторая книга охватывает период от эпохи правления первого польского христианского князя Мешко до года смерти короля Болеслава II в 1139 г. Здесь очевидно использование хроники Длугоша. Заимствование проявляется в том числе на уровне структуры текста хроники – 2-я книга сочинения Меховия заканчивается описанием тех же самых событий, что и 4-я книга в анналах Длугоша.

Третья книга также является выборочной компиляцией сочинения Длугоша (строго соответствует 5, 6 и 7 книгам его анналов). Освещается период с 1140 по 1294 гг. Четвертая книга занимает почти половину хроники. Она посвящена истории Польши в XIV и XV вв. Лишь заключительные

главы (с 69 по 85) 4-й книги, в которых описаны события последних трех десятилетий XV в. и первых лет XVI в. (до 1506 г.), – результатам самостоятельной работы Меховия с источниками, поскольку этот период не был описан в анналах Длугоша.

Одновременно с «Польской хроникой» Меховия в 1521 г. в Кракове опубликовано еще одно латиноязычное описание польской истории, автором которого был секретарь польского короля Сигизмунда I – Иодокус Людовик Деций (Jodocus Ludovicus Decius, Dietz, 1485–1545 гг.).

Хроника Деция, в отличие от труда Меховия, представляла собой краткое сочинение (в формате фолио она насчитывала лишь 119 страниц) и состояла из трех книг, каждая из которых имела свой титул и была посвящена описанию определенного периода польской истории (общего названия хроника не имела). Обращают на себя внимание литературные достоинства сочинения Деция – оно написано на превосходной гуманистической латыни и стилем изложения в выгодную сторону отличалось от трудов польских историков.

Первая книга «О древностях поляков» (*De vetustatibus Polonorum*) описывала польскую историю с древнейших времен до момента прихода к власти ягеллонской династии. Изложенные здесь исторические сведения не отличаются содержательной новизной, однако интерпретации автора заслуживают внимания, поскольку дают возможность выявить особенности восприятия польской истории с позиции внешнего наблюдателя. Наиболее интересны в этой связи самые первые разделы «*De vetustatibus Polonorum*», в которых Деций описывает раннюю этническую историю славян, дополняя тем самым этногенетические концепции Длугоша и Меховия собственной гипотезой, учитывающей достижения ренессансной исторической мысли Германии.

Во второй книге «О династии Ягеллонов» (*De Jagellonum familia*) Деций на основе имевшихся в его распоряжении польских хроник кратко описывает правление первых королей ягеллонской династии – Владислава, Казимира, Яна Ольбрахта и Александра. Третья книга «О временах правления Сигизмунда» (*De Sigismundi regis temporibus*) посвящена характеристике современной Децию ситуации в Польше (до 1516 г.). Здесь польский король, на службе у которого состоял автор, представлен как образец идеального ренессансного монарха.

Появление первых печатных латинских исторических книг в Польше значительно усилило роль историографии в сфере государственной политики и пропаганды. Несмотря на то, что первые польские исторические сочинения написаны пусть и при поддержке властей, но тем не менее по част-

ной инициативе, высшие государственные деятели Польского королевства постепенно пришли к выводу о необходимости создания «официальной» концепции национальной истории. Для реализации этого замысла в 1522 г. учреждена должность королевского историографа, которую занял один из самых авторитетных польских ученых того времени Бернард Ваповский (Bernard Wapowski, Varovius, 1450–1535 гг.).

Историческая хроника написана Б. Ваповским по заказу властей. Работа над ней закончена к 1535 г., однако внезапная смерть автора помешала осуществить публикацию. Еще в XVI в. часть рукописи этого произведения, посвященная доягеллонскому периоду польской истории, исчезла при загадочных обстоятельствах. До наших дней сохранилась лишь заключительная часть этого сочинения (описание ягеллонской эпохи).

Хроника Б. Ваповского написана в гуманистическом духе, в лучших традициях ренессансной риторической историографии. Однако «заказной» характер этого сочинения значительно снижает его научную ценность. Ваповский восхваляет политику польских королей, находясь под влиянием идеологических концепций того времени. В его оценках нет объективности, интерпретация историческим событиям дана односторонне, исключительно с «патриотической» точки зрения. Эта конъюнктурная концепция польской истории стала одним из первых образов прямого обоснования с помощью исторических примеров актуальных политических задач, положила начало созданию в Польше национальной исторической мифологии.

С середины XVI столетия латинская историография утрачивает монопольное положение в Польше, поскольку начинается активное развитие польскоязычной историографии.

В условиях обострившейся конкуренции с историческими публикациями на польском языке латиноязычная историография выгодно отличалась своим более высоким интеллектуальным уровнем изложения материала и техническим совершенством в написании исторических произведений. Вместе с тем появление польскоязычных исторических трудов во многом трансформировало латиноязычную историографию, заставило польских историков, писавших на латыни, обратиться к поиску новой интеллектуальной ниши и специфицировать читательскую аудиторию своих произведений.

С этой задачей блестяще справился выдающийся польский историк Мартин Кромер (Martin Cromer; 1512–1589 гг.), которому удалось создать исторический труд полностью соответствующий европейским стандартам гуманистической историографии и тем самым поддержать престиж польской исторической школы за рубежом.

Главным достижением Кромера в области историографии было написание хроники «О происхождении и деяниях поляков в тридцати книгах» (*De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX*). Этот труд, впервые опубликованный в Базеле в 1555 г., впоследствии трижды корректировался автором и переиздавался (в 1558, 1568, 1589 гг.). Хроника Кромера переведена на немецкий (1562 г.) и польский (1611 г.) языки.

Интерес к этому произведению был велик настолько, что широкое распространение получили составленные на его основе сокращенные описания польской истории, среди которых выделяются латиноязычный компендиум Яна Хербурга (*Chronica sive Historiae Polonicae*, 1571 г.) и польскоязычное сочинение Павла Демитровича (*Compendium abo Krotkie opisanie z Kroniki Marcina Kromera*, 1625 г.).

Труд Кромера представлял собой солидное по объему произведение – первое издание в формате фолио насчитывало более 700 страниц. Текст сочинения был разделен на 30 книг. Первой книге предшествовал список историков, труды которых цитирует автор (*autores in hoc opere citati*), что было совершенно новым явлением для польской исторической литературы того времени. Список первой редакции трактата включал 50 имен и 2 неперсонализированных источника («русские» и «литовские» анналы), тогда как в редакции 1589 г. фигурировали уже 58 источников.

Примечательно, что наряду с иностранными авторами разного времени Кромер упомянул лишь тех польских историков, которые писали по латыни, в том числе «монаха Галла» (ныне известен как Галл Аноним – автор первой польской средневековой хроники), «польского анонима» (*Anonymus Polonus* – неизвестный автор так называемой великопольской хроники конца XIII в.), Винцентия Кадлубка (автор исторической хроники, созданной на рубеже XII и XIII вв.), а также представленных нами выше Длугоша, Деция, Меховия и Ваповского. При этом была проигнорирована польскоязычная хроника М. Бельского, а также зарубежные источники, опубликованные на национальных языках.

Структура сочинения Кромера оставалась неизменной во всех четырех редакциях. Корректировались лишь отдельные разделы, причем чаще всего – первая книга, в которой автор, подобно своим предшественникам, предпринимает попытку решить вопрос происхождения народов Восточной Европы и описывает их взаимоотношения на ранних стадиях этногенеза. В последующих книгах изменения были не столь значительны. В них на основе трудов польских историков, последовательно излагалась история Польши, а также Руси, Литвы, Венгрии и Пруссии (во фрагментах, по-

священных международным отношениям). Хроника дополнена отдельным сочинением – описанием современной Кромеру эпохи, созданным еще в 1548 г., где излагалась история правления Сигизмунда I в форме «речи» на похоронах этого монарха (*Oratio in funere ... Sigismundi*).

Сочинение Кромера получило самые позитивные отзывы в Польше и европейских странах. Автор был удостоен похвалы со стороны польского Сената, выдающиеся ученые того времени как в личной переписке с ним, так и в своих произведениях подчеркивали достоинства стиля и содержания его трактата, который на многие десятилетия стал образцом латинской научной литературы, а также способствовал популяризации истории Польши за рубежом [4, с. 92–102].

Одной из причин усиления интереса европейцев к истории Польши во второй половине XVI в. стал рост могущества польского государства и его влияния на международной арене, чему в немалой степени способствовали успехи польской короны в Ливонской войне и создание Речи Посполитой – огромного по европейским меркам государства, объединившего польские и литовские земли. В связи с этим возросла потребность в новых ученых трудах, описывающих историю и современное состояние не только Польши, но и других стран на востоке европейского континента, способных заменить уже изрядно устаревшие сочинения первой половины XVI столетия, к которым относился «Трактат о двух Сарматиях» Меховия.

Автором сочинения, удовлетворившего такого рода потребности, стал натурализовавшийся в Польше итальянец Александр Гваньини (*Alexander Guagninus*; 1534–1614). В составе польской армии принял участие в Ливонской войне и в течение 18 лет командовал гарнизоном приграничной витебской крепости. Эти обстоятельства позволили Гваньини не только получить представление о польско-литовском государстве, но и собрать немало ценных сведений о Руси, Московии, Пруссии и других восточноевропейских землях.

В 1578 г. в Кракове Гваньини опубликовал ученый трактат «Описание Европейской Сарматии» (*Sarmatiae Europaeae Descriptio*). Впоследствии трактат неоднократно переиздавался, а также (полностью или частично) был переведен на немецкий, итальянский, польский и чешский языки. Авторские права на это произведение оспаривались польским историком Мачеем Стрыйковским (*Maciej Strzykowski*), который также служил в Витебске и был подчиненным Гваньини. Стрыйковский обвинял своего командира в краже принадлежавшей ему рукописи «Описания Европейской Сарматии», однако факт плагиата не был достоверно доказан, в связи с чем проблема авторства этого сочинения и по сей день вызывает споры исследователей.

Трактат Гваньини был небольшим по объему произведением (первое издание в формате фолио насчитывало около 200 страниц), но при этом имел сложную структуру: состоял из этногеографического описания древней Сарматии, компендиума польской хроники с несколькими приложениями, географического описания польских земель, описания истории и географического положения Литвы, описания провинций Пруссии и Ливонии, а также описания земель, принадлежавших Москве и Татарии.

В разделах, посвященных Польше и Литве, содержались исторические очерки в виде жизнеописаний королей и князей. Прочие регионы представлены лишь в их современном состоянии – автор трактата описывает города, местности, природные условия, этнический состав населения, а также политическое устройство. Гваньини уделяет особое внимание Пруссии, Ливонии и Московии, поскольку эти страны оказались в сфере интересов Речи Посполитой в ходе Ливонской войны – либо были включены в ее состав, либо представляли интерес как неприятели.

При описании Московского государства Гваньини подробно характеризует эпоху правления Ивана Грозного, обобщает свидетельства очевидцев о жестоких нравах царя. В значительной степени благодаря именно этому сочинению в общественном сознании европейцев закрепился характерный стереотип Московии и ее политической системы, способствовавший формированию в целом негативного восприятия российской государственности в странах Запада.

Исторические книги, издававшиеся в эпоху Возрождения на польском языке, мы можем условно разделить на две основные группы – публикации переводов латиноязычных исторических сочинений и оригинальные исторические труды, изначально создававшиеся на национальном языке.

Практика переводов исторических сочинений с латыни на польский язык не получила широкого распространения. Лишь два латиноязычных произведения польских историков XVI в. были опубликованы в переводе на польский язык – сочинения Меховия, Кромера и Гвагнини.

Автором польского перевода «Трактата о двух Сарматиях» Меховия, опубликованного в Кракове трижды – в 1535, 1541 и 1545 гг., – был Анжей Глябр из Кобылина (Andrzej Głabr z Kobyliny) [5, с. 34–36]. Следует также упомянуть о попытке перевести на польский язык «Польскую хронику» Меховия (*Chronica Polonorum*, 1521), предпринятую Станиславом Хвальчевским. Однако перевод Хвальчевского был сделан лишь с отдельных фрагментов хроники и при жизни переводчика не был опубликован [7]. Хроника Кромера была переведена на польский язык Марчином Блазовскими

(Marcin Błażowski) и опубликована в краковской типографии Миколая Лёба в 1611 г. под титулом «О достижениях, истории и всех прочих польских королевских делах» (*O sprawach, dziejach y wszystkich inszych potocznościach koronnych polskich*).

Особого внимания исследователей заслуживает публикация в 1611 г. М. Лёбом под титулом «Хроника Европейской Сарматии» (*Kronika Sarmacyey Europejskiej*) польскоязычной редакции первоначально опубликованного на латыни сочинения Гваньини. На титульном листе использовавшегося нами экземпляра из собрания «Кабинета старопечатных книг» Библиотеки Варшавского университета (*Gabinet Starych Druków Biblioteki Uniwersytetu Warszawskiego*) содержится указание на то, что данное сочинение было в 1578 г. издано автором на латыни, а в состав польскоязычного издания включены новые разделы, которых в латинской редакции этого труда не было. Таким образом, польская редакция «Хроники Европейской Сарматии» была значительно полнее латинской и лишь частично может быть признана переводом, а большей частью – пространной компиляцией, включавшей наряду с материалами латинской редакции труда Гваньини, фрагменты польскоязычных сочинений Мачея Стрыйковского, а также Марчина и Иоахима Бельских [8, с. 19–20].

Что любопытно, на титульном листе экземпляра из университетского собрания вовсе не упоминается автор перевода сочинения Гваньини на польский язык Марчин Пашковский (Marcin Paszkowski). Можем признать это дефектом титульного листа, на который в свое время обратил внимание польский библиограф К. Эстрайхер, сравнивший несколько сохранившихся до наших дней экземпляров краковского издания хроники Гваньини, титульный лист которых содержал указание на то, что она была «переложена» Пашковским с латинского на польский язык «стараниями автора» (*przez Marcina Paszkowskiego za staraniem Autorowym z Łacińskiego na Polskie przelożona*) [9, с. 481].

Первым оригинальным (непереводным) польскоязычным историческим трудом, удостоенным публикации, стала «Хроника всего света» Марчина Бельского, которая издавалась трижды – в 1551, 1554 и 1564 гг. Структура и содержание «Хроники всего света» изменялись автором от издания к изданию.

В первом издании формально не выделялись книги или главы – материал был разделен по хронологическому либо территориально-географическому принципу, а также специфицировался тематическими заголовками и выносными глоссами. Вводная часть хроники включала «Космографию», далее следовал «Очерк всемирной истории», а также самостоятельные хроники Венгрии, Чехии и Польши.

«Космография», «то есть разделение земли согласно степеням и иным знакам в небесных сферах», представляла собой описание трех «частей света» – Азии, Африки и Европы. Очерк «Истории мира» был разделен Бельским на шесть «веков» и четыре монархии в соответствии с широко распространенными в его время представлениями о цивилизационном развитии человечества и представлял собой совокупность выстроенных в хронологическом порядке характеристик ключевых событий из истории государств Востока и Запада в древности и Средневековье, христианства и магометанства, включал обзор истории папства, а также разные по объему рассказы, посвященные отдельным странам и населявшим их народам. В частности, Бельский уделил внимание французам, евреям, готам, вандалам, булгарам, итальянцам, немцам, испанцам, татарам и туркам. Венгерская и чешская хроники по объему значительно превосходили очерки истории вышеупомянутых народов, но уступали описанию польской истории, которое занимает почти половину текста первой редакции «Хроники всего света».

Текст второй редакции разделен Бельским на четыре книги, а те, в свою очередь, – на разделы. Первая книга состоит из 43 разделов и посвящена дохристианской эпохе. В ней описаны первые пять «веков» истории человечества. Вторая книга состоит из 20 разделов и включает очерки истории христианских и магометанских государств – от Древнего Рима до Османской империи. В состав третьей книги Бельский включил «Космографию» из вводного раздела первой редакции хроники, которая была дополнена описаниями венгерской, чешской и польской истории, а также некоторыми новыми главами.

В первых двух книгах текст первой редакции несколько дополнен, но в целом сохраняется ориентация на содержание первого издания. Совершенно новый материал мы находим лишь в четвертой книге, посвященной великим географическим открытиям – плаванию Христофора Колумба и другим первооткрывателям заморских территорий.

Третья редакция «Хроники всего света» по сравнению с первыми двумя редакциями значительно дополнена новым материалом, причем изменения осуществлялись как за счет добавления новых массивов информации, так и за счет переработки ранее написанных разделов. Число книг увеличено с четырех (во второй редакции) до десяти. Первые две книги были сохранены в неизменном виде. Большая часть материала была разделена на книги не по хронологическому, а по географическому принципу – отдельные книги посвящены истории Турции, Венгрии, Чехии, Польши, «московского или русского народа, согласно

описанию Зигмунта Херберштына», а также Реформации.

В рамках отдельной книги излагался географический очерк – «Космография». В заключительную десятую книгу хроники были включены фрагменты различной тематики – рассказы «Об островах морских вновь открытых, которые могут быть названы Новым Светом», большая часть которых была перенесена из второго издания хроники, а также очерки «О евреях», «О рае», «Об аде» и «О воскрешении и судном дне».

Культурное значение публикации «Хроники всего света» состояло прежде всего в том, что именно через посредничество этой книги широкие круги просвещенной публики (не только Польского королевства, но и сопредельных с Польшей стран, в которых был широко распространен польский язык), имели возможность познакомиться с многовековым опытом цивилизационного развития человечества. Не случайно, что именно «Хроники всего света» становятся одним из первых исторических сочинений, переведенных на русский язык уже во второй половине XVI в. [10].

Наряду с Марчином Бельским польский язык для написания своего исторического сочинения использовал еще один выдающийся польский автор – Мачей Стрыйковский. Его главный исторический труд «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (*Kronika Polska, Litewska, Zmudska i wszystkich Rusi*) опубликован в 1582 г. в Кривеце (Кёнигсберге). Само название сочинения Стрыйковского указывает на стремление его автора отразить историю многонационального восточноевропейского региона, что в определенной степени контрастировало с господствующей в его время «полоноцентрической» тенденцией в развитии польской историографии.

Хроника Стрыйковского представляла собой солидный по объему труд (издан в формате фолио, насчитывал порядка 800 страниц) и была разделена автором на 25 книг, каждая из которых посвящена описанию конкретной этнополитической общности на том или ином этапе развития.

По сложившейся традиции, первая книга посвящена описанию древнейшей истории человечества – здесь представлены сведения о генеалогии потомков ветхозаветного Ноя, которым приписывалось основание собственных народов и государств. Сведения, позаимствованные из парабиблейских источников, Стрыйковский дополнил данными античных писателей и собственными выводами, основанными преимущественно на спекулятивном этимологизировании, поиске аналогий в названиях древних и современных народов и населенных ими местностей.

В последующих книгах сочинения Стрыйковского представлено описание соседей Польши по

региону – литовцев, восточных славян, пруссов, жмуди, лифляндцев и др. Больше всего внимания уделено Литве и Руси.

Очерк русской истории до момента поглощения русских княжеств Литвой занимает три книги хроники – 4-ю, 5-ю и, частично, 6-ю, – которые позволяют получить представление о начальной этнополитической истории русских земель и взаимоотношениях русских княжеств с Польшей и другими соседними государствами. Московскому государству отдельного раздела хроники не посвящено, информация о нем представлена в нескольких книгах, начиная с 21-й, в которых описывались события XV и XVI вв.

Следует отметить, что именно хроника Стрыйковского становится наиболее полным источником сведений об истории стран Восточной Европы. Наряду с «Хроникой всего света» М. Бельского она получила широкую известность в среде восточнославянских книжников, использовалась ими в качестве компендиума знаний в области истории взаимоотношений Польши с народами, вошедшими в состав многонациональной Речи Посполитой.

Труд Стрыйковского послужил одним из главных источников при создании польскоязычной «Польской хроники» Иоахима Бельского. Последняя была опубликована в 1597 г. и позиционировалась в качестве расширенной версии очерка истории Польши, включенного в состав «Хроники всего света» Марчина Бельского. «Польская хроника» представляла собой фолиант объемом 804 страницы и была разделена на шесть книг, которые в свою очередь состояли из глав, посвященных периоду правления тех или иных польских монархов. Изложение было доведено до эпохи правления польского короля Стефана Батория.

Предпринятый нами обзор развития польской исторической книги эпохи Возрождения позволяет сделать ряд выводов о значении этого элемента национальной интеллектуальной культуры.

С одной стороны, во многом благодаря латинскому языку и единым подходам к изучению прошлого, польская историческая книга приобрела популярность далеко за пределами Польши, став неотъемлемой частью общеевропейской историографии. Латынь позволяла польским интеллектуалам напрямую, без посредничества переводчиков, использовать в своей работе труды античных и средневековых авторов, а также выдающихся мыслителей современной им эпохи.

Кроме того, благодаря этому историографическая деятельность польских историков подвергалась строгой оценке и нередко заслуженно критиковалась зарубежными коллегами, что в немалой степени способствовало корректировке методологии изучения прошлого, самосовершенствованию

польских авторов, и служило стимулом для профессионального роста, повышения качества исторических сочинений и технического мастерства при их написании.

Латиноязычные исторические книги не только принесли пользу Польше, но также расширили представления европейцев о Восточной Европе. Благодаря таким знаниям именно в эпоху Возрождения, вследствие интенсификации информационного обмена, вызванного распространением книгопечатания, сложились ключевые устойчивые комплексы восприятия истории и культуры стран и народов этого региона. Польским интеллектуалам удалось блестяще воспользоваться возможностями этой информационной революции и представить европейскому читателю сведения о своей стране и ее отношениях с восточноевропейскими государствами и народами в выгодном свете.

С другой стороны, переводные и оригинальные исторические книги на польском языке позволили просвещенной публике ренессансной Польши, не владевшей латынью, получить представление об эволюции цивилизации в целом, соседних странах и народах, а также истории своего собственного народа на национальном языке, заложили фундамент польской учености, открыли путь для развития исторических знаний нового типа, востребованных в период бурного развития наук в последующие эпохи.

Литература

1. *Wojtyńska H. D.* Rola Odrodzenia i Reformacji w rozwoju koncepcji historii i jej metody // *Zeszyty Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego*. – 1979. – N 4. – S. 37–42.
2. *Otwinowska B.* Język, naród, kultura: Antecedencje i motywy renesansowej myśli o języku. – Wrocław e. a., 1974. – 288 s.
3. *Łacina jako język elit*. – Warszawa, 2004. – 516 s.
4. *Barycz H.* Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: *Studia nad historiografią w XVI–XVIII w.* – Wrocław, 1981. – 308 s.
5. *Карнаухов Д. В.* Публикации «Трактата о двух Сарматиях» Мачея Меховского и развитие научных знаний о восточноевропейских землях в эпоху Возрождения // *Вспомогательные исторические дисциплины : тез. докл. и сообщ. XIII науч. конф.*, Москва, 1–2 февр. 2001 г. – М. : РГГУ, 2001. – С. 34–36.
6. *Dziuba A.* Proza historyczno-naukowa Macieja z Miechowa (1457–1523) // *Łacińska proza naukowa*. – Gniezno, 2001. – S. 190–197.
7. *Kronika polska Stanisława Chwalczewskiego, starosty kobryńskiego, dziedzica raskowskiego, pisana 1549 roku* [Т. 2]. – Warszawa, 1829. – 182 s.
8. *Карнаухов Д. В.* История русских земель в «Описании Европейской Сарматии» и «Хронике Европейской Сарматии» Александра Гваньини // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология*. – 2006. – Т. 5, вып. 1 (доп.). – С. 15–20.
9. *Estreicher K.* Bibliografia Polska. T. 17. – Kraków, 1899.

10. Казакова Н. А. Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марцина Бельского // Архео-графический ежегодник за 1980 г. – М., 1981. – С. 92–96.

Материал поступил в редакцию 05.03.2013 г.

Сведения об авторе: *Карнаухов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения, тел.: (383) 244-03-90, e-mail: dvkarn@mail.ru*

УДК 001.891:50
ББК 78.606.1+20

О ВОЗРАСТЕ АКТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В БИОЛОГИИ, НАУКАХ ОБ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ И ЭКОЛОГИИ

© Ю. В. Мохначева, Т. Н. Харыбина, 2013

*Библиотека по естественным наукам РАН (отдел в Пушчинском научном центре РАН),
142290, Московская обл., г. Пушкино, ул. Институтская, д. 3*

Изложены результаты цитат-анализа ссылок, включенных в российские публикации по биологии, наукам об окружающей среде и экологии за период 2002–2011 гг. Анализировался российский документо-поток, отраженный в базе данных (БД) «Web of Science» (WoS). Представлены данные о «периодах полужизни» публикаций по исследуемым областям, а также выявлены временные пики, на которые приходится наибольшее количество ссылок из публикаций за исследуемый период.

Ключевые слова: «периоды полужизни» публикаций, возраст актуальной информации, цитат-анализ, старение информации.

This article presents the results of a citation analysis of references included in Russian publications on biology, environmental sciences and ecology during the 2002–2011 period. The Russian flow of documentation reflected in the «Web of Science» was analyzed. The article provides data obtained by the authors on the «half-life» of publications for the fields studied. Citation peaks showing the maximum amount of cited literature for the period studied are revealed.

Key words: «half-life» of publications, age of actual information, a citation-analysis, aging of information.

Научная литература подвержена очень быстрому информационному старению. «Старение источников НТИ¹» есть снижение их спроса и цитируемости с течением времени, так как их информационная ценность падает с появлением новых публикаций, содержащих НТИ о новых достижениях науки и техники. Однако источники НТИ полностью не устаревают, так как они сохраняют историческую ценность» [6, с. 44]. Многие ученые в области информатики занимаются проблемами старения информации [1–8]. Значимость изучения старения научных публикаций сформулирована Б. Бруксом [2]. На скорость ее старения влияет множество факторов. Специалисты в области информатики отмечают, что степень старения научной информации неодинакова для разных научных дисциплин [1, 3, 4, 6].

В 1960 г. Р. Бартон и Р. Кеблер предложили показатель, названный «периодом полужизни» публикаций, по аналогии со скоростью распада радиоактивных веществ [8]. Период полужизни публикаций ученые определили как время, в течение которого была опубликована половина всей используемой в настоящее время литературы по какой-либо отрасли или предмету. Например, если этот период равен пяти, то это значит, что 50%

всех процитированных в текущем году по данному предмету работ не старше пяти лет. Вот какие результаты получили Р. Бартон и Р. Кеблер: для публикаций по физике – 4,6 лет, физиологии – 7,2, химии – 8,1, ботанике – 10,0, математике – 10,5, геологии – 11,8 лет [2, 4].

Как отмечалось выше, особенности старения информации в каждой научной области всецело зависят от тенденций развития каждой из них. В связи с этим нами была предпринята попытка оценить возраст актуальной информации в области биологии, экологии и наук об окружающей среде с помощью такого библиометрического метода, как цитат-анализ.

Методы исследования

В качестве информационной базы выбран ресурс компании «Thomson Reuters» – «Web of Science» (WoS). Объект исследования – российский документо-поток по биологии, наукам об окружающей среде и экологии за последнее десятилетие (2002–2011 гг.). Метод исследования – цитатный анализ публикаций. Работа производилась в несколько этапов. Сначала по WoS в режиме общего поиска выявлялись публикации по адресу (в нашем случае – «Russia») за каждый год исследуемого периода. Далее с помощью «Analyse results» (опция –

¹ НТИ – научно-техническая информация.

«Research Areas») производился отбор публикаций по необходимым нам научным направлениям. Заметим, что в WoS имеется еще один классификатор – «Web of Science Categories». Выбор «Research Areas» объясняется тем, что данный классификатор берет за основу тематику статьи, в то время как в «Web of Science Categories» – тематику журнала.

Для того чтобы объединить тематики в более широкие области, мы отфильтровывали публикации одновременно по нескольким исследовательским областям в соответствии с классификатором другого ресурса компании «Thomson Reuters» – «Essential Science Indicators» (ESI). Этот классификатор, по нашему мнению, наиболее оптимален для проведения исследований документопотоков по исследуемым нами областям знания.

Результаты отбора публикаций по научным направлениям:

- «Agricultural sciences» (сельскохозяйственные науки) – публикации по исследовательской области agriculture².
- «Biology & biochemistry» (биология и биохимия) – biochemistry molecular biology, biophysics, cell biology, developmental biology, evolutionary biology, evolutionary biology, marine freshwater biology.
- «Environment/ecology» (науки об окружающей среде/экология) – biodiversity conservation, environmental sciences ecology, marine freshwater biology, meteorology atmospheric sciences, water resources.
- «Genetics»³ (генетика) – genetics heredity.
- «Microbiology» (микробиология) – biotechnology applied microbiology, microbiology, mycology, virology.
- «Plant & animal science» (науки о растениях и животных) – entomology, fisheries, forestry, parasitology, plant sciences, zoology.

Если публикация относилась к двум и более научным направлениям, то она анализировалась для каждого из них.

После того как были сформированы массивы публикаций по перечисленным выше областям знания за исследуемый период, все библиографические ссылки, содержащиеся в них, были выгружены в отдельные электронные таблицы с разбиением по полям. Далее производилось ранжирование по годам с последующим статистическим подсчетом частотного распределения ссылок.

² Тематические области представлены в английском варианте написания в соответствии с БД «Thomson Reuters».

³ В ESI – «Molecular Biology & Genetics». Однако в данном разделе мы учитывали публикации только по генетике и наследственности («Genetics Heredity»). Публикации по молекулярной биологии учитывались в «Biology & Biochemistry».

Согласно году издания публикаций, ссылки ранжировались по принципу года давности относительно публикации их процитировавшей: 1-й, 2-й, 3-й ... 10-й. Например: статьи, опубликованные в 2008 г., содержали ссылки на публикации 2007 г. (1-й год давности), 2006 г. (2-й год давности) и т. д.

Результаты

В ходе произведенного исследования было проанализировано: 59 513 ссылок, содержащихся в российских публикациях по сельскому хозяйству; биологии и биохимии – 657 843; науках об окружающей среде и экологии – 278 716; генетике – 116 485; микробиологии, биотехнологии и вирусологии – 154 196; науках о растениях и животных – 197 684 ссылки соответственно.

Более половины всех ссылок на публикации первых 10 лет давности содержались в исследуемых массивах по таким направлениям как: генетика – 63%; микробиология, биотехнология и вирусология – 60%; биология, биохимия – 58%; науки об окружающей среде, экология – 52%. В публикациях в области сельского хозяйства и наук о растениях и животных содержалось по 43% ссылок возрастом первых 10 лет, что говорит о более длительном периоде актуальной информации.

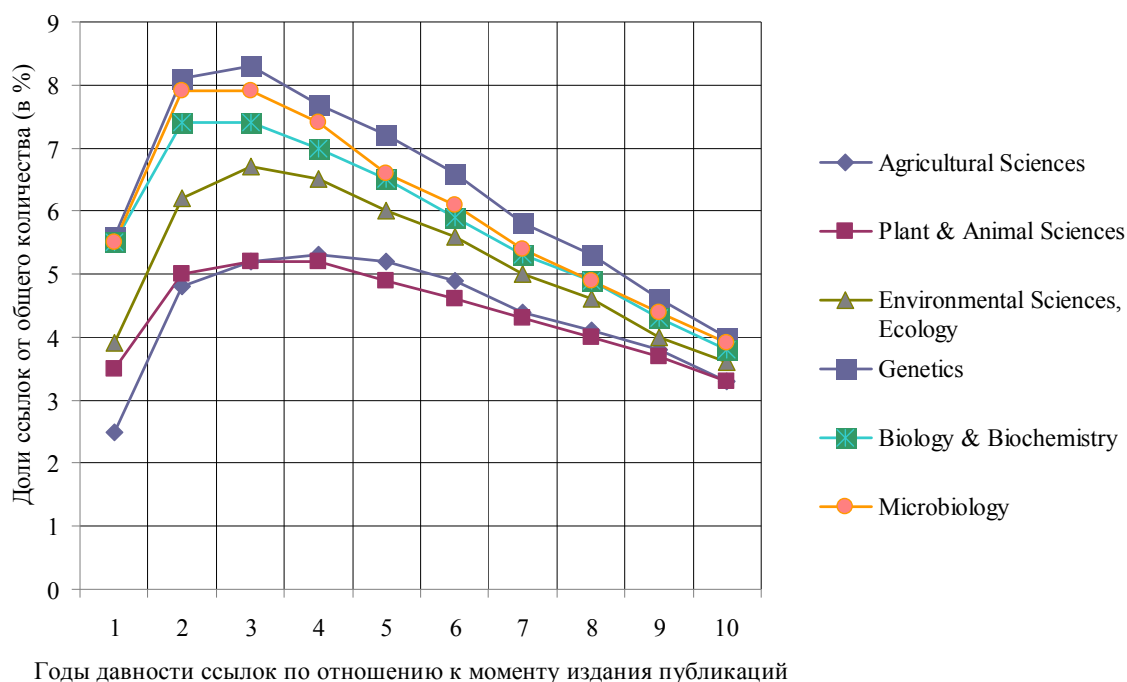
Наиболее старые ссылки, приводимые в публикациях по исследуемым направлениям, датировались XII–XIII вв. и встречались во всех рассматриваемых нами документопотоках.

Согласно теории «полужизни» публикаций [3, 8], мы получили следующие данные: период «полужизни» статей в области сельскохозяйственных наук составляет 12 лет; наук о растениях и животных – 11; экологии и наук об окружающей среде – 9; биологии и биохимии – 8; микробиологии, биотехнологии и вирусологии – 8; генетики – 7 лет.

Временные интервальные пики, на которые приходится наибольшее количество ссылок из публикаций за исследуемый период представлены на рисунке, с. 61.

Как видно из рисунка, возраст публикаций в два–три года наиболее востребован в таких научных областях: как генетика; микробиология, биотехнология и вирусология; биология, биохимия. В области экологии и наук об окружающей среде – это 2-й – 4-й годы давности. В области наук о растениях и животных – 2-й – 5-й, а в области сельского хозяйства – 3-й – 5-й.

Стоит также отметить, что стартовые точки цитирования публикаций последних лет во всех научных областях сильно отличаются. Так, доля публикаций возрастом в один год для таких научных направлений как: биология и биохимия; микробиология, биотехнология и вирусология; генетика составляет 5,5% от общего количества ссылок.

Временные интервальные пики процитированной литературы в публикациях по биологии, наукам об окружающей среде и экологии (по данным цитат-анализа российских публикаций за 2002–2011 гг., отраженных в БД WoS)

В области же сельского хозяйства спрос на такие публикации составляет 2,5% от общего количества, в областях наук о растениях и животных, экологии – 3,5 и 3,9% соответственно.

Заключение

Исследования, проводимые для оценки скорости старения информации, помогают выявлять документы, содержащие наиболее актуальные научные данные. Кроме того, с помощью сведений о возрасте наиболее актуальной информации в различных научных областях можно прогнозировать интенсивность цитируемости публикаций во времени. Эти данные необходимы как потребителям научной информации, так и работникам информационных служб, осуществляющих информационное обеспечение и сопровождение научных исследований.

Литература

1. Арутюнов В. В. О возрасте востребованной геологической научно-технической продукции // Науч.-техн.

информ. Сер. 1, Орг. и методика информ. работы. – 2001. – № 2. – С. 22–25.

2. Брукс Б. Старение научной информации // Проблемы информатики. – М., 1973. – С. 74–102.
3. Гиляревский Р. С. Основы информатики : курс лекций. – М. : Экзамен, 2003. – 319 с.
4. Климов Ю. Н. Закономерности старения научной информации // Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России. – 2003. – № 3. – С. 15–18.
5. Климов Ю. Н. Научометрическое исследование отечественной библиографии по наноструктурам и нанотехнологиям // Межотраслевая информ. служба. – 2007. – № 4. – С. 47–55.
6. Климов Ю. Н. Старение научно-технической информации // Межотраслевая информационная служба. – 2009. – № 2. – С. 44–57.
7. Мотылев В. М. Старение научно-технической литературы. – Л. : Наука, 1986. – 159 с.
8. Burton R. E., Kebler R. W. The «half-life» of some scientific and technical literatures // American Documentation. – 1960. – № 1. – P. 98–109.

Материал поступил в редакцию 11.02.2013 г.

Сведения об авторах: Мохначева Юлия Валерьевна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующего сектором, тел.: (496) 773-04-15, e-mail: j-v-m@yandex.ru,
Харыбина Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник, заведующий отделом, заслуженный работник культуры РФ, тел.: (496) 773-37-84, e-mail: natsl@vega.protres.ru

УДК 001.891
ББК 78.606.1

ИНДЕКСЫ ЦИТИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЯ РЕПЕРТУАРА НАУЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ

© Н. Ю. Берёзкина, О. Н. Сикорская, Г. С. Хренова, 2013

*Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси,
Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 15*

Рассматриваются результаты научных исследований, проведенных Центральной научной библиотекой Национальной академии наук (ЦНБ НАН) Беларуси с использованием баз данных (БД) «Web of Science» (WoS) и «Scopus»: степень отражения статей белорусских авторов, в том числе публикаций, получивших поддержку различных фондов, цитируемость и др., их использование для оценки научной деятельности и качественного состава научных информационных ресурсов, доступ к которым предоставляет ЦНБ НАН Беларуси.

Ключевые слова: индексы цитирования, научная деятельность, научные информационные ресурсы, публикации, цитирование.

The results of scientific research conducted by the Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus based on the use of the «Web of Science» and «Scopus» databases, the degree of reflection of the Belarus authors' articles, as well as the publications supported by various foundations, citation data, etc., and their use for evaluating scientific activity and the quality of scientific information resources access to which is provide by the Central Science Library of the National Academy of Sciences.

Key words: citation indexes, research activity, scientific information resources, publications, citation.

Научное исследование «Мониторинг научно-технического интеграционного процесса России и Белоруссии», проведенное ЦНБ НАН Беларуси совместно с Библиотекой по естественным наукам Российской академии наук (БЕН РАН) при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда, позволило проанализировать не только цитируемость научных работ белорусских и российских ученых в исследованиях других авторов, но и степень отражения их публикаций в БД WoS (и, соответственно, количество статей в так называемых рейтинговых журналах).

Для изучения цитируемости работ ученых и специалистов Республики Беларусь прежде всего был сформирован массив публикаций белорусских авторов, отраженных в базах данных WoS с 1993 по 2006 г., – 16 119 статей (в среднем 850 статей в год).

Сотрудникам НАН Беларуси принадлежит 8810 публикаций (54,7% от общего количества статей белорусских авторов в WoS), Белорусского государственного университета (БГУ) – 3908 (24,2%), Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (БГУИР) – 658

(4,1%), Белорусского национального технического университета (БНТУ) – 335 (2,1%), Белорусского технологического университета – 333 (2,1%) и др.

Наибольшее количество статей белорусских авторов, представленных в БД WoS, имеет отношение к физико-техническим наукам (12 371 публикация за 1993–2006 гг., в среднем 884 в год), химии (3716, в среднем 265 в год), биологии (2418, в среднем 173 в год), медицине (1776, в среднем 127 в год). Многие публикации по своему содержанию связаны с различными направлениями наук (например, физика и химия, химия и биология), поэтому количество статей, распределенных по отраслевому признаку, не совпадает с общим количеством статей. Активно разрабатываются белорусскими исследователями проблемы прикладной физики (1449 публикаций), физики конденсированных сред (1344), многопрофильного материаловедения (1330), оптики (1157), физической химии (983), спектроскопии (608), биохимии и молекулярной биологии (655).

Сравнительный анализ развития отдельных отраслей знаний в зависимости от общего количества публикаций ученых в общемировом научном потоке показал, что лидируют публикации по меди-

цине (30%), физике и технике (26%), биологии и окружающей среде (18,8%), химии (12%). Распределение научных публикаций белорусских авторов по отраслям знаний несколько отличается от мировых тенденций: на первом месте – работы по физике и технике (52%), что в процентном отношении в два раза больше, чем в общемировом потоке публикаций. Затем следует химия (16%), биология и окружающая среда (10%). Медицина, лидирующая в общемировом научном потоке, среди работ белорусских авторов составляет только 8% и занимает 4-е место. Однако следует иметь в виду, что работы по общим проблемам медицины, экологии включаются в БД «Social Sciences Citation Index».

Степень отражения публикаций сотрудников НАН Беларуси в БД WoS в 1993–2006 гг. – в среднем 10% (от 7,8 до 13,9%). Статьи ученых отделений физики, математики, информатики; физико-технических наук; химических наук и наук о Земле; биологических наук; медицинских наук – составляют в среднем 14%. Публикации сотрудников отделения аграрных наук в WoS практически не отражаются; работы по гуманитарным наукам учитываются в БД «Social Sciences Citation Index» и «Arts&Humanities Citation Index».

По количеству публикаций сотрудников НАН Беларуси, указанных в БД WoS за 1993–2006 гг., лидирует Институт физики – 1354 статьи, затем следуют Объединенный институт физики твердого тела и полупроводников – 1188, Институт биоорганической химии (ИБОХ) – 807, Институт молекулярной и атомной физики – 705, Институт математики – 651, Институт физико-органической химии – 549.

Один из важных критериев оценки значимости научных публикаций – их цитируемость (общее число ссылок, среднее количество ссылок на статью). В 1993–2006 гг. работы белорусских исследователей цитировались 53 326 раз (в среднем 3800 ссылок ежегодно). Хотя количество публикаций, отраженных в БД WoS, в разные годы рассматриваемого периода существенно не изменялось, можно отметить значительное увеличение количества ссылок на работы белорусских авторов: от 817 в 1995 г. до 7719 в 2006 г. (более чем в девять раз). Это свидетельствует об актуальности научных исследований, проводимых учеными Беларуси, повышении интереса к белорусской науке. Кстати, еще в 1973–1988 гг. в «Red-Hot 100 Soviet Scientists» (100 наиболее цитируемых советских авторов) входил академик А. Ахрем, директор ИБОХ Академии наук БССР, занимавший 54-е место по цитируемости своих работ [1, с. 208].

В 2006–2010 гг., по данным WoS, на работы белорусских ученых сделано 49 746 ссылок (в среднем 9949,2 ссылки в год – 27,2 ссылки в день),

в том числе в 2008–2010 гг. – 29,4 ссылки в день). Согласно «Scopus», статьи авторов из Беларуси в 2006–2010 гг. цитировались 50 981 раз (в среднем 10 196,2 ссылки в год – 27,9 ссылки в день).

Анализ распределения ссылок на публикации по организациям показал, что большинство статей принадлежит сотрудникам НАН Беларуси – 51,3% от общего количества статей белорусских авторов в WoS и 55% в «Scopus»; БГУ – 33,6 и 29,6%; БГУИР – 3,2 и 4%; БНТУ – 2,9% в WoS и 1,1% в «Scopus».

За 2011–2012 гг. WoS пополнилась 2669 работами белорусских авторов, которые были процитированы 7801 раз. Среднее цитирование каждой статьи в этот период составляет 2,92 ссылки в день.

В настоящее время цитируемость входит в число основных показателей, характеризующих деятельность бюджетных научных организаций НАН Беларуси. Данные о цитировании работ белорусских ученых приводятся в выступлениях на общих собраниях НАН Беларуси, других мероприятиях, в интервью, используются при аттестации институтов Академии наук Беларуси, включаются в «Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси», буклеты о деятельности Академии наук и др.

По итогам конкурса НАН Беларуси 2010 г., проведенного в целях развития преимущественно наукоемких и инновационных разработок, поддержки международного сотрудничества в области высокотехнологичных производств, поощрения научной активности ученых и активизации современных средств коммуникационной активности организаций НАН Беларуси, были вручены три премии в номинации «самый цитируемый автор». Данные подготовлены сотрудниками ЦНБ НАН Беларуси.

Оценивая информационные возможности библиотек, чаще всего указывают количество БД, к которым они обеспечивают доступ. Создание электронного каталога «A-to-Z» на платформе EBSCO-Host позволило собрать воедино все информационные ресурсы, доступные пользователям ЦНБ НАН Беларуси в режиме онлайн. Однако считать главным критерием оценки информационного обслуживания количественные показатели неправомерно, ибо это может привести к накоплению огромного количества информационных ресурсов, которые не будут пользоваться спросом.

В «Перечне информационных ресурсов», размещенном на сайте ЦНБ НАН Беларуси, представлено около 20 важнейших зарубежных БД, в том числе «ScienceDirect», «Scopus», WoS, «ProQuest: Dissertations & Theses», «ProQuest Central», «EBSCO Complete, Springer».

Центральная научная библиотека Национальной академии наук Беларуси, получившая с 2006 г. доступ к полной коллекции «Elsevier» (Freedom

Collection), занимает 2-е место из 120 организаций России и Беларуси (на первом месте – Московский государственный университет им. М. Ломоносова) по степени использования информационных ресурсов этого издательства. В 2010 г. в Центре Интернет-доступа зафиксировано почти 162 тыс. обращений к ресурсам издательства «Elsevier». За год пользователями библиотеки загружено более 97 тыс. полных текстов статей из «ScienceDirect». Читатели библиотеки активно используют БД «Springer-LINK», «ProQuest: Dissertations & Theses», «American Chemical Society», WoS и др.

Попробуем оценить качественный состав информационных ресурсов, доступ к которым обеспечивает ЦНБ НАН Беларуси, используя показатели цитируемости. Для определения продуктивности научного журнала и его научной популярности (цитирования профессиональным сообществом) применяются библиометрические показатели, например, Impact Factor (импакт-фактор, ИФ), или показатель воздействия. Импакт-фактор в БД «Journal Citation Reports» (JCR) рассчитывается как количество ссылок, которые журнал получил в текущем году на статьи, опубликованные в нем за два предшествующих года, деленное на количество статей, опубликованных в нем за те же два года.

Импакт-фактор рассчитывается только для тех журналов, которые входят в БД JCR и WoS компании Thomson Reuters. Из 100 периодических изданий, имеющих наиболее высокий ИФ согласно JCR, ЦНБ НАН Беларуси предоставляет доступ к 87% журналов. К числу самых цитируемых изданий относятся отраслевые издания (медико-биологические науки, химия): «Ca-A Cancer Journal for Clinicians» (87,925), «Acta Crystallographica. Section A» (49,926), «New England Journal of Medicine» (47,050), «Nature Reviews Molecular Cell Biology» (42,198), а также журналы общенаучного характера, такие, как «Nature» (34,480) и «Science» (ИФ 29,747). Все они доступны пользователям библиотеки. В числе отсутствующих – в основном непрофильные для фондов библиотеки издания (например, по медицине и психологии).

По отраслевому принципу из 100 наиболее рейтинговых периодических изданий ЦНБ НАН Беларуси обеспечивает доступ к 86% журналов по биохимии и молекулярной биологии, 75% журналов по физике, 76% по многопрофильному материаловедению, 71% по физической химии, 62% по прикладной физике и др.

В 1978 г. Библиотека Академии наук БССР совместно с сектором науковедения Института физики провела под руководством доктора социологических наук Г. А. Несветаилова исследование с целью совершенствования подписки на зарубежные периодические издания по пяти отраслям наук (математика, физика, химия, биология, науки о Зе-

мле). Сопоставление с «ядром» журналов, обрабатываемых в «Science Citation Index», показало, что в 1976 г. библиотеки системы Академии наук получали 70% ведущих физических журналов мира, 66% математических, 60% химических, 38% биологических [2, с. 5]. Из первых 100 ведущих журналов мира Беларусь не получала только 13, причем все эти журналы медицинского профиля.

Из 100 журналов, входящих в топ-100 JCR, работы белорусских ученых представлены только в 14 изданиях. Это обусловлено тем, что подавляющее большинство журналов относится к медико-биологическим наукам, а наиболее цитируемыми публикациями белорусских ученых являются работы по физико-техническим наукам, которые составляют только 14%. Более 50% журналов, имеющих высокий ИФ, в топ-100 JCR по физике и топ-100 JCR по прикладной физике содержат публикации авторов из Беларуси. Больше всего публикаций белорусских физиков представлено в журналах «Physical Review. B» (127), «Technical Physics» (112), «Quantum Electronics» (104), «Technical Physics Letters» (100).

Альтернативой ИФ, основанному на данных JCR, является индикатор SJR (SCImago Journal Rank), разработанный «Scopus» совместно с исследовательской группой «SCImago». БД «Scopus» издательства «Elsevier» охватывает свыше 22 тыс. научных журналов от 4 тыс. крупных научных издательств мира, включая более 300 российских журналов. Рейтинг журналов SJR оценивает научный престиж работ ученых, исходя из количества весомых цитат на каждый документ. Журнал наделяется собственным «престижем», или статусом, другие журналы, цитируя опубликованные в них материалы. Фактически это означает, что цитата из источника с относительно высоким показателем SJR имеет большую ценность, чем цитата из источника с более низким показателем SJR.

В ЦНБ НАН Беларуси предоставляется доступ к 97% журналов, ранжированных по индикатору SJR. Заметим что, в рейтинге SJR по количеству документов (имеются в виду публикации в «престижных» журналах) Беларусь занимает 54-е место среди 235 стран.

Другой показатель многоаспектного рейтинга научных журналов создан «Scopus» в сотрудничестве с Центром научно-технологических исследований SWTS (научно-исследовательский институт при Лейденском университете). Показатель SNIP (Source Normalized Impact per Paper – стандартное влияние источника на статью) позволяет сравнивать журналы различной тематики, принимая во внимание частоту, с которой авторы цитируют другие источники, скорость развития влияния цитаты и степени охвата литературы данного направления БД.

Из списка 100 наиболее престижных журналов по индикатору SNIP в ЦНБ НАН Беларуси доступны более 70%. Возглавляют список журналы «Ca-A Cancer Journal for Clinicians» (SNIP 33,470), «Acta Crystallographica. Section A» (31,030), «Reviews of Modern Physics» (27,420), «ACM Computing Surveys» (23,450). Среди 100 самых рейтинговых журналов представлены издания по медицине и химии, физике и компьютерным технологиям.

С 2005 г. в России реализуется проект по созданию Российского индекса цитирования (РИНЦ), который служит важным инструментом оценки уровня научных журналов. Необходимым условием включения журнала в «Перечень рецензируемых научных журналов» ВАК России является индексирование издания в РИНЦ.

Анализ рейтинга 100 ведущих российских научных журналов (ИФ РИНЦ 2009 г.) показал, что ЦНБ НАН Беларуси предоставляет доступ к 78% журналов. Остальные журналы являются в основном непрофильными для библиотеки и относятся к таким направлениям, как: некоторые вопросы медицины (педиатрия, нефрология и др.), сейсмология, педагогика, психология, экономика сельского хозяйства и др.

Из 100 журналов, отнесенных РИНЦ к физическим наукам, библиотека предоставляет доступ к 80% изданий. Отсутствуют так называемые журналы локального значения, издаваемые региональными высшими учебными заведениями и научными центрами России (например, «Вестник Самарского отраслевого НИИ радио», «Вестник Тверского государственного университета. Сер. Прикладная математика», «Вестник Кыргызско-Российского славянского университета»).

В 2010 г. совместный проект ЦНБ НАН Беларуси и БЕН РАН – «Разработка системы библиометрических индикаторов для оценки вклада раз-

личных фондов в совместные научные исследования России и Беларуси» – получил финансовую поддержку Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда. В рамках научной работы проводилось определение исследовательской активности ученых Беларуси с использованием следующих индикаторов: общее число публикаций, общее число публикаций белорусских авторов, выполненных при поддержке различных фондов.

В 2010 г. авторами из НАН Беларуси опубликовано в рамках исследований, выполненных при финансовой поддержке различных организаций, 162 статьи, содержащие 4741 ссылку на работы других исследователей (в том числе 2521 ссылка на статьи в реферируемых журналах). Из списка журналов (88 названий), встречающихся чаще всего (10 и более ссылок) в пристатейной библиографии ученых, в ЦНБ НАН Беларуси доступны 78,4%. Наиболее активно авторы из организаций НАН Беларуси цитируют публикации из журналов «Physical Review» (серии «А», «В», «С», «D», «Е») и «Physical Review Letters».

На основании анализа полученных данных можно сделать вывод, что ЦНБ НАН Беларуси обеспечивает доступ своим пользователям к так называемому ядру наиболее цитируемых журналов.

Литература

1. *Garfield E.* The Russians are coming! Part. 1: The Red-Hot 100 Soviet Scientists, 1973–1988 // *Essays of an Information Scientist: Journalology, KeyWords Plus, and other essays.* – Philadelphia, PA, 1990. – Vol. 13. – P. 202–215.
2. *Несветайлов Г. А.* Комплектование фонда иностранной литературы с использованием Указателя цитируемости журналов // *Науч. и техн. б-ки СССР.* – 1980. – № 6. – С. 3–7.

Материал поступил в редакцию 26.12.2012 г.

Сведения об авторах: *Берёзкина Наталья Юрьевна* – кандидат исторических наук, директор, тел./факс: 375(017) 284-14-28, e-mail: natalyb@kolas.basnet.by,
Сикорская Оксана Николаевна – заведующий отделом комплектования литературы, тел.: 375(017) 284-10-02, e-mail: ok@kolas.basnet.by,
Хренова Галина Семеновна – заведующий отделом международных связей, тел./факс: 375(017) 284-14-63, e-mail: gkhrenova@kolas.basnet.by

Вышли в свет

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Монография

Плешакова, М. А. Визуальный ряд на сайтах научных библиотек: начало системного формирования / М. А. Плешакова, О. Л. Лаврик ; Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. Н. И. Гендина. – Новосибирск, 2013. – 284 с.

Монография посвящена проблемам формирования и использования визуального ряда на библиотечных сайтах как знаковой системы. В работе представлены и обобщены новые эмпирические данные, характеризующие современный уровень развития визуального ряда. Подробно изучены визуальные образы для выражения понятий различными видами знаков и выработаны принципы формирования и развития визуального ряда библиотечного сайта.

Монография рассчитана на библиотечных специалистов, а также студентов библиотечно-информационных факультетов.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ПО ЭКОЛОГИИ

Путилина, В. С. Сорбционные процессы при загрязнении подземных вод тяжелыми металлами и радиоактивными элементами. Медь : аналит. обзор / В. С. Путилина, И. В. Галицкая, Т. И. Юганова ; Федер. гос. бюджет. учреждение науки Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, Федер. гос. бюджет. учреждение науки Ин-т геоэкологии им. Е. М. Сергеева Рос. акад. наук. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2013. – 95 с., 1 л ил. – (Сер. Экология. Вып. 100).

Второй выпуск серии «Сорбционные процессы при загрязнении подземных вод тяжелыми металлами и радиоактивными элементами» посвящен изучению адсорбционного/десорбционного поведения меди как одного из наиболее часто встречающихся тяжелых металлов в зонах антропогенного загрязнения. Процессы адсорбции/десорбции вносят существенный вклад в загрязнение окружающей среды, и их изучение является одной из основных задач геоэкологических исследований.

Представлены механизмы удерживания меди в почвах и горных породах в зависимости от природы поглотителя и различных условий окружающей среды. Изучено влияние характеристик твердой и жидкой фаз на геохимическое поведение меди в системе «вода – порода». Приводятся коэффициенты корреляции и уравнения регрессии, связывающие рассмотренные характеристики с параметрами изотерм адсорбции или с коэффициентом распределения.

Рассмотрены условия выщелачивания меди в местах складирования бытовых отходов, а также на участках использования органических отходов в качестве удобрений.

Одной из практических задач аналитического обзора является получение информации для моделирования поведения меди в системе «вода – порода» в условиях антропогенного загрязнения.

Обзор рассчитан на специалистов, занимающихся изучением и моделированием процессов загрязнения тяжелыми металлами зоны аэрации и подземных вод.

Дискуссии

УДК 01(470)
ББК 78.54(2Рос)

«ГОЛЛАНДСКАЯ БОЛЕЗНЬ» РОССИЙСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

© В. П. Леонов, 2013

*Библиотека Российской академии наук
199034, г. Санкт-Петербург, Биржевая линия, 1*

Анализируются основные проблемы отечественной библиографии.

Ключевые слова: библиографические ресурсы, библиографические услуги, российская библиография, зарубежные источники информации.

The main problems of home bibliography are analyzed.

Key words: bibliographic resources, bibliographic services, Russian bibliography, foreign sources of information.

Прогресс общества в значительной степени связан с совершенствованием информационной инфраструктуры. Информационные технологии (ИТ) кардинально изменили процессы формирования библиографических ресурсов. Внедряясь в библиотечную деятельность, ИТ создают предпосылки для появления новых библиотечно-библиографических услуг и библиографической продукции, повышения их качества и совместимости в масштабе совокупных мировых информационных ресурсов.

Уникальность Российской библиографии заключается в высокой степени насыщенности разнообразными информационными ресурсами в сочетании с развитым сектором науки и образования. По самым скромным подсчетам, совокупный фонд только крупнейших библиотек России насчитывает более 160 млн единиц хранения. Вместе с тем богатство информационных ресурсов не всегда благо для инновационного развития библиографической деятельности. Основная проблема современной российской библиографии связана с тем, что накопление ресурсов осуществляется преимущественно путем заимствования уже готовых ресурсных массивов извне, из зарубежных информационных источников.

В экономической литературе подобное явление обозначается непривычным для слуха термином «ресурсное проклятие» (resource curse). «Ресурсное проклятие» – это неблагоприятное воздействие богатства природных ресурсов на экономический рост, частный случай общей концепции так называемой голландской болезни. «Голландская болезнь» (Dutch disease) – более широкое понятие, чем «ресурсное проклятие», поскольку источником

дополнительных средств может быть не только увеличение добычи или изменение конъюнктуры рынка природных ресурсов, но и иностранные кредиты или иностранная помощь [подробнее см. 1].

В Большом экономическом словаре приводится следующее определение понятия «голландская болезнь»: «деиндустриализация экономики в результате открытия нового источника природного ресурса. Ее начали называть голландской болезнью, так как она проявилась в Голландии, после того как были открыты газовые месторождения в Северном море» [2].

Речь идет о ситуации, когда в целом показатели экономического развития страны выглядят чрезвычайно благоприятно, но радужная картина скрывает глубокие диспропорции. Для «голландской болезни» характерны два симптома: 1) увеличение добычи и экспорта сырья; 2) уменьшение объема отечественного промышленного производства. При этом второй симптом неразрывно связан с первым. Другими словами, «голландская болезнь» – такое состояние экономики, при котором экспорт сырья гасит развитие национальной экономики.

Причинами «голландской болезни» являются открытость экономики и относительно высокая обеспеченность природными ресурсами. Страны, отвечающие этим условиям, испытали ее течение, «причем они поражались симптомами болезни независимо от уровня развития и национальных особенностей экономики: от Австралии и самой Голландии <...> до Гвианы и Замбии... В итоге оказалось, что страны с бедными природными ресурсами превосходят по темпам экономического развития страны с богатыми природными ресурсами» [3].

«Ресурсное проклятие» связано с проблемой распределения финансовых средств между владельцами ресурсов для создания новых технологий. По нашим наблюдениям, симптомы «голландской болезни» и «ресурсного проклятия» как ее разновидности поразили не только экономику, они проникли и в отечественную библиотечно-информационную деятельность. Сегодня в библиотеках и научных центрах финансы используются преимущественно не для внесения соответствующих изменений в научную деятельность профильных институтов (что повысило бы их статус в информационном обществе), а для воспроизводства и применения уже существующих зарубежных информационных разработок.

Характерный пример – интернет-проект «Встреча на границах» (Meeting of frontiers; <http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfsplash.html>). В 1999 г. сотрудники Библиотеки конгресса при консультации американских и российских ученых создали сайт, к которому подключились Российская национальная библиотека (РНБ), Российская государственная библиотека (РГБ) и Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН). В соответствии с договором, американцы предоставили российским коллегам необходимое технологическое оборудование, приобретенное на средства Библиотеки конгресса, что позволило начать оцифровку особо ценных материалов. Из федерального бюджета, т. е. от конгресса, Библиотека только в 2007 г. получила 600 млн долларов, а от частных фондов – около 25–30 млн долларов [4].

«Правда основной массив документов все же доступен лишь на сайте Библиотеки конгресса (кто платит, тот и музыку заказывает...). Впрочем, существует специальная оговорка, по которой российские участники проекта могут запретить американцам выставлять копии определенных документов в сети (правда, Библиотека конгресса все равно получает TIFF-файлы таких документов для собственного архива и внутреннего пользования). К тому же российские организации, оказывавшие содействие в оцифровке своих коллекций, получали от американцев специальные гранты (как в виде финансовых средств, так и технического обеспечения)» [5].

«На уровне получения цифровых изображений для использования в интерактивной библиотеке “Встреча на границах” является проектом приобретений. Это значит, что Библиотека конгресса будет покупать цифровые изображения у российских учреждений, обладающих оригиналами... Они послужат “архивной копией” Библиотеки и будут сохранены на других носителях. Данные диски будут собственностью Библиотеки конгресса» [6].

Добавим к сказанному, что список участников «Встречи на границах» с российской стороны, по-

мимо РНБ, РГБ (редкие книги, рукописи, карты, фотоматериалы), включает Государственный архив Новосибирской области, Кемеровский областной краеведческий музей, Новосибирский государственный краеведческий музей, Омский государственный историко-краеведческий музей, Томский государственный университет, Томский областной краеведческий музей, Музей истории г. Иркутска, Иркутский государственный университет, Красноярский краевой краеведческий музей, Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. Такое внимание к сибирскому региону не осталось незамеченным в работах отечественных исследователей [7–10].

Другой пример – базы данных компании «East View Information Services» (<http://www.eastview.com>), базирующейся в Миннеаполисе (США). Компания существует с 1989 г. и имеет представительства в России и на Украине. Главная сфера деятельности – предоставление русскоязычных электронных ресурсов по общественным и гуманитарным наукам. Некоторые издания Академии наук Российской Федерации или периодика Украины, других стран СНГ и Балтии представлены в эксклюзивном порядке. Общее количество источников – 5 тыс. единиц. Период охвата, как правило, с середины 1990-х до настоящего времени. Основу информационного ресурса составляют журналы институтов РАН, независимые научные издания, а также «толстые» журналы.

Таким образом, совокупный информационный ресурс России формируется преимущественно на основе приобретения, копирования и «ассимиляции» информационных продуктов – как контента, так и программного обеспечения, выполненных на зарубежные средства.

Складывается «парадоксальная ситуация», – отмечает С. В. Соловьёв из университета г. Тулуза (Франция), в прошлом – научный сотрудник Санкт-Петербургского Института информатики и автоматизации РАН, – серьезность которой во много раз усугубляется развитием Интернета <...> налицо рост объема оцифрованной информации, для доступа к которой не обойтись без многочисленных “обязательных посредников” в виде программных систем, технических устройств и т. п., что резко отличает эту информацию от обычной печатной продукции. При этом программные средства, как и технические устройства, имеют ограниченное время жизни, редко превосходящее десяток лет, а под влиянием технического прогресса и экономических императивов они меняются и того чаще» [11, с. 543].

Приобретение информационного продукта на уровне лицензионного доступа означает, что периодическое обновление его составляющих постоянно будет требовать новых финансовых вложений. Таким образом, библиотека, приобретающая

доступ, попадает в зависимость от фирмы-производителя информационного ресурса.

Еще один важный аспект: в то время как электронные продукты активно рекламируются компьютерными фирмами, журналистами, политиками, библиотеки, как правило, не контролируют приобретение ресурсов, определяя свои требования к ним (это требует их сложной и длительной оценки), а только реагируют на предложение.

Взяв за основу модель В. Д. Матвеевко, рассмотрим четыре типичных проявления «голландской болезни» в российской библиографии:

1. *Вытеснение отечественных инноваций.* Что такое инновация в библиографии сегодня? В обычном понимании это симбиоз библиографических ресурсов и информационных технологий. Процессы внедрения и использования инноваций в самых разнообразных формах входят в повседневную жизнь людей, становятся массовым явлением. В этом смысле инновации ускоряют не историю, а нашу повседневную реальность. В результате погони за новизной становится затруднительным использовать в Интернете персональный компьютер старше 3–4-летнего возраста, что также свидетельствует об эфемерном характере электронных ресурсов [11, с. 544].

В российской библиографии сформировался замкнутый круг: избыток информационных ресурсов порождает феномен ресурсозависимости.

Производство информации, в отличие от производства материальных товаров, требует значительных затрат. При этом копирование информационного продукта обходится обычно намного дешевле его производства. Информационное взаимодействие позволяет получить новое знание ценой значительно меньших затрат по сравнению с затратами труда, энергии, времени на его прямое генерирование. Ценность же информационных ресурсов основана на временной сущности, т. е. наибольшей величины она достигает, как правило, в момент возникновения (создания) и значительно уменьшается в связи с тиражированием.

На этом фоне возникает имитация инноваций, что влечет за собой отставание в создании собственных инновационных продуктов для развития технобиблиографии. Такая ситуация не дает отечественной библиографии выйти на международные информационные рынки. Восполнение пробела с выходом на рынки в ряде случаев происходит с помощью зарубежных разработок [12]. Существующее финансирование информационной деятельности не позволяет отечественной библиографии стать лидером в инновациях. Даже если ресурсный сектор располагает достаточными средствами для инвестиций, возникают трудности в их сбережении в связи с ростом изменчивости обменного курса.

Сам факт перевода информации на компьютерные носители, подчеркивает С. В. Соловьёв, приводит к тому, что на ее дальнейшую судьбу начинают влиять экономические, социальные и политические факторы, воздействие которых на традиционные ресурсы иное или вообще незначительно. «При этом информация о стоимости обслуживания интернет-публикаций, сайтов, компьютерных и программных систем <...> является крайне труднодоступной. Остается только надеяться, что в ближайшем будущем появятся действительно академические по своей многосторонности и объективности исследования сравнительной стоимости коммерческого и так называемого свободного программного обеспечения» [11, с. 548–549].

Кроме того, заимствованные западные технологии не всегда эффективны, поскольку существующие в России нормы, стандарты и правила не соответствуют этим технологиям.

2. *Изменчивость цен на информационные ресурсы.* Эволюция форматов, кодировок и материальных носителей принуждает библиографов и информационных специалистов постоянно осуществлять конверсию документов, переходить от старых форматов к новым. В библиографии происходят качественные изменения, связанные с поиском наиболее экономичных и эффективных путей использования полученного знания при наличии массового спроса. Общее правило таково: чем меньшему числу потенциальных потребителей может понадобиться информационный ресурс, тем он дороже. Вместе с тем «разброс» в цене однотипных – по содержанию и качеству – информационных ресурсов может быть десятикратным. В результате, колебания цен на информационные ресурсы отражаются на стоимости услуг.

3. *Реструктуризация профессии.* Спрос на электронную библиографическую информацию порождает профессиональные услуги одностороннего типа, т. е. на так называемые автоматизированные библиографические услуги, оказываемые на основе применения компьютерной техники и использования информационных баз данных. Сегодня новые технологии не вторгаются в библиографическую деятельность, а занимают выделенные им «ячейки», ибо на них имеется спрос.

Востребованность информации, представленной в электронной форме, растет из года в год [13]. Вместе с тем вопрос библиографирования электронных изданий остается нерешенным, что отрицательно сказывается на обслуживании пользователей библиотек.

В результате инвестиции (не только федерального, но и особенно регионального уровня) на развитие научных исследований постоянно снижаются. Высококвалифицированный труд библиографа-универсала, владеющего методами библиографического

поиска и использующего все разнообразие библиографических поисковых ресурсов, становится невостребованным. В таких условиях в системе подготовки специалистов акцент делается на подготовке специалистов, умеющих работать с электронными ресурсами, и повышении компьютерной грамотности тех, кто получил образование в «доэлектронные» времена.

Несомненно, сегодня в рамках уже существующих учебных программ следует учитывать проблематику электронных ресурсов, в то же время односторонность в подготовке библиографов может обернуться утратой универсальности библиографической профессии. Эффективные модели, аккумулирующие многолетний опыт библиографов-профессионалов, оказались вне системы библиотечного образования.

4. *Снижение качества образования.* Реструктуризация профессии ведет к кризису библиографического образования. Источники дополнительного дохода уменьшают спрос на высокопрофессиональную подготовку и снижают качество образования. Так «ресурсное проклятие» формирует ошибочную уверенность в завтрашнем дне.

Мы перечислили только некоторые типичные проявления «голландской болезни» в российской библиографии. Существуют ли пути ее преодоления? Принципиальная возможность перейти на инновационное развитие есть. Для этого необходимо направить существенную часть дохода от реализации информационной продукции не в ее воспроизводство, а в сферу науки и образования – туда, где основой становится инновационное развитие. Главная из них состоит в том, что период, когда в науке и образовании были «лишние» средства, миновал. Кроме того, у лиц, занимающихся вопросами организации науки, вполне вероятно, имеются другие точки зрения, каким образом перестроить результативность инновационной деятельности.

Академик РАН из Новосибирска А. Э. Конторович (Институт нефтегазовой технологии и геофизики) считает, что «надо думать не о сырьевом проклятии или счастье, а развивать перерабатывающие отрасли как можно быстрее <...> На этом нам надо сосредоточиться, перестроить свою экономику, чтобы она была эффективной» [14, с. 12].

Дальнейшее обсуждение темы видится в участии в ней не только библиографоведов и информационных технологов, но и широкого круга спе-

циалистов-практиков. При этом одних дискуссий и констатации синдромов «голландской болезни» недостаточно. Болезнь носит глобальный характер. Последствия ее будут зависеть от принимаемых государственных и технических решений. Необходимо действовать!

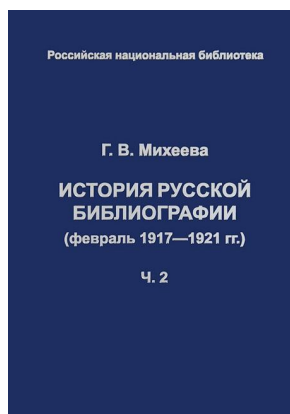
Литература

1. Матвеев В. Д. Выбор технологий и экономический рост в ресурсозависимой экономике // Экон. наука соврем. России. – 2012. – № 1. – С. 30–48.
2. Голландская болезнь // Большой экономический словарь. – М., 2004. – С. 94.
3. Голландская болезнь // Экономический словарь: [сайт]. – URL: <http://dictionary-economics.ru/Г> (дата обращения: 20.06.2012).
4. Биллингтон Дж. Книжная культура – великая русская традиция // Арт-Менеджер. – 2007. – № 2. – С. 77.
5. Vornet M. «Встреча на границах» // Компьютер. вестн. – 2003. – № 21. – URL: <http://www.kv.by/archive/index/2003210601.htm> (дата обращения: 20.06.2012).
6. Международный библиотечный проект «Встреча на границах» / Г. Василенко, М. Е. Шварцман, И. Ю. Куприянов, В. Чебанов. – URL: <http://www.nbuv.gov.ua/articles/crimea/2000/tom2/section2/Doc159.HTML> (дата обращения: 20.06.2012).
7. Приходько Н. Н. Фронтирная теория в геополитике на востоке России // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 298. – С. 98–102.
8. Соболева Т. Н., Бобров Д. С. Современная российская историография концепции фронта // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2001. – № 4–1. – С. 189–193.
9. Зуляр Ю. А. Русологи, пришедшие с холода: критика одной интерпретации индустриализации Сибири // J. of Institutional studies. (Журн. институционал. исслед.). – 2011. – Т. 3, № 1. – С. 116–132.
10. Троякова Т. Г. Американские исследования Дальнего Востока России // Вестн. Дальневост. отд-ния Рос. акад. наук. – 2006. – № 2. – С. 125–134.
11. Соловьев С. В. Всемирная библиотека и культура одnodневок // Новое лит. обозрение. – 2005. – № 74. – С. 543–550.
12. Михайлова Н. И. Информационное обеспечение книжного рынка: направления модернизации (на примере Москвы) // Библиография. – 2005. – № 1. – С. 3–9.
13. Двинский С. Электронные книги вытесняют бумажные // Как издать свою электронную книгу: [сайт]. – URL: <http://www.izdat-knigu.ru/elektronnye-knigi-vytesnyayut-bemajnye> (дата обращения: 20.06.2012).
14. Уже не фантастика? // Поиск. – 2012. – № 44. – С. 12.

Материал поступил в редакцию 24.10.2012 г.

Рецензии

УДК 01(091)(470)
ББК 78.53(2Рос)

Михеева Г. В. История русской библиографии (февраль 1917–1921 гг.). Ч. 2 / Рос. нац. б-ка. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2012. — 622 с.

МОНОГРАФИЯ, КОТОРУЮ НЕОБХОДИМО ПРОЧИТАТЬ ВСЕМ БИБЛИОГРАФОВЕДАМ

Вышел в свет второй том уникальной работы профессора Галины Васильевны Михеевой – «История русской библиографии (февраль 1917–1921 гг.)» (далее – «История...»).

Автор «Истории...» впервые вводит в научный оборот большой массив забытого/неизвестного ранее материала. Монография – результат не только бережного отношения к историческому наследию, но и стремления выявить временные связи, увеличить объем профессиональной памяти, включить ее в современную, такую нелегкую для библиотек жизнь.

Первый том монографического исследования Г. В. Михеевой появился в 2006 г. В нем досконально, со всеми существенными деталями, проанализирована деятельность книжной палаты в Петербурге 1917–1920 гг. и в начальный Московский период (1920–1921 гг.). Подробно рассмотрена общая текущая библиография. Досконально отражена общая ретроспективная библиография со всеми своими направлениями. Пожалуй, ни одно из ее направлений, существовавших в первое послереволюционное пятилетие, не осталось без внимания автора.

Большой интерес представляет рассмотренное автором «Истории...» библиографирование белогвардейской и эмигрантской печати в тот период. Отдельные разделы посвящены наиболее развитым в рассматриваемый отрезок времени краеведческой библиографии и библиографии детской литературы.

Во втором томе монографии рассматривается различная отраслево-научно-информационная (от истории до военной науки и военного дела) и рекомендательная библиография (от состояния рекомендательной библиографии к 1917 г. до деятельности Главполитпросвета (середина 1920–1921 гг.)). Большое место уделено становлению библиографии в Красной армии в 1918–1921 гг. (Раздел 2, гл. 5).

Рассмотрены и другие важные вопросы истории русской библиографии с февраля 1917 по 1921 г.: специальные разделы посвящены развитию библиографической периодики, теории и методике библиографии, преподаванию библиографии, становлению и развитию справочно-библиографического обслуживания.

Энциклопедическую по глубине и охвату материала монографию Г. В. Михеевой сопровождает приложение, включающее важнейшие документы по теме работы.

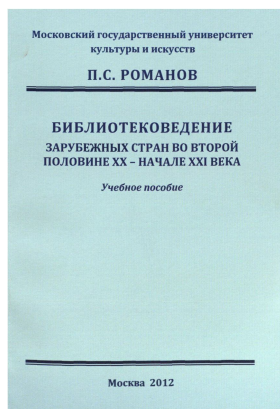
Достойным дополнением к работе (о чем мы, к сожалению, подчас забываем) служит список деятелей отечественной библиографии того периода – своеобразная «книга памяти» преданным своей профессии людям.

Еще одно важное достоинство рассматриваемой нами монографии в том, что она является образцово-показательным изданием для тех, кто готовит в родственных нам областях знания подобные по смыслу исторические работы: отбор анализируемых первоисточников, систематизация содержащегося в них материала, общая структура работы и другие моменты. Чтобы написать такую монографию, надо разыскать и изучить не одну тысячу первоисточников. Автор с этой сложной задачей справился отлично, и мы имеем возможность сегодня держать в руках чудесную книгу, пронизанную лучами любви к профессии библиографоведа...

Мы считаем, что «Историю...» надо прочитать всем без исключения библиографоведам. Для них эта книга должна стать настольной. Но монографию Г. В. Михеевой полезно прочитать и лицам, занимающимся историей культуры, литературы, книги, библиотечного дела, историей России. В общем, всем людям, которые считают себя культурными.

*В. С. Крейденко, доктор педагогических наук,
профессор кафедры библиотековедения
и теории чтения СПбГУКИ*

УДК 021(73)
ББК 78.34(7Сое)

Романов П. С. Библиотечноеведение зарубежных стран во второй половине XX – начале XXI века : учеб. пособие. – М. : Хлебпродинформ, 2012. – 122 с.

РУССКИЙ УЧЕНЫЙ ОБ АМЕРИКАНСКОМ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИИ

Состояние американского библиотечного дела постоянно находится в поле зрения российских ученых и даже политиков. Руководитель Коммунистической партии и основатель советского государства В. И. Ленин (1870–1924 гг.) тщательно изучал отчеты Нью-Йоркской публичной библиотеки начала XX в. и считал необходимым организационно строить советское библиотечное дело по американскому образцу. Постоянно анализировали успехи и недостатки библиотечного дела в Америке: О. С. Чубарьян (1908–1976 гг.), Б. П. Каневский (1922–1991 гг.), Н. С. Карташов (1928–2011 гг.), В. В. Скворцов (1939–2005 гг.), И. Ю. Багрова (род. в 1926 г.). Имена этих специалистов хорошо известны и в Соединенных Штатах Америки.

Среди современных ученых, которые продолжили возникшую традицию, выделяется П. С. Романов (род. в 1952 г.). В 2006 г. он выпустил «Аннотированный библиографический список англоязычных диссертаций по библиотечному делу (по материалам США и Канады)» и защитил диссертацию «Аналитическая характеристика документного потока англоязычных диссертаций в области библиотечного дела (по материалам США и Канады)», в которой проанализировал более 3 тыс. англоязычных диссертаций. Впоследствии увидели свет и другие книги П. С. Романова по данной тематике¹. В 2012 г. опубликована его

монография «Библиотечноеведение зарубежных стран во второй половине XX – начале XXI века»². В ней США рассматриваются как флагман западного библиотечного дела и внимание уделяется преимущественно состоянию библиотечного дела именно там.

Из всего спектра общепрофессиональных проблем П. С. Романов сосредоточивается на главных:

- определении статуса библиотечного дела как научной дисциплины;
- использовании идей индийского библиотечного учения Р. Раманатана;
- пессимистическом взгляде на библиотечное дело как науку;
- концепции связи философии и библиотечного дела;
- метамоделей библиотечного дела;
- социологического представления библиотечного дела;
- применении в библиотечном деле системного подхода;
- концепции метабиблиотечного дела, разработанной Джозефом Нитеки;
- эволюции представлений о предмете и объекте библиотечного дела.

П. С. Романовым избраны те направления, которые представляют наибольший интерес для российского библиотечного дела. Если бы обобщающий труд подобного рода был создан в самих Соединенных Штатах, выбор наиболее существенных проблем наверняка выглядел бы иначе, структурированы они тоже были бы по-иному.

Как же оценивает русский исследователь выделенные направления?

Романов П. С. Зарубежные библиотеки: финансовый менеджмент : науч.-метод. пособие. – М. : Либерея-Бибинформ, 2009. – 128 с.

Романов П. С. Экономика и управление библиотечно-информационной деятельностью за рубежом. – М. : ЦНСХБ Россельхозакадемии, 2010. – 357 с.

² *Романов П. С. Библиотечноеведение зарубежных стран во второй половине XX – начале XXI века : учеб. пособие. – М. : Хлебпродинформ, 2012. – 122 с.*

¹ Романов П. С. Аналитическая характеристика документного потока англоязычных диссертаций в области библиотечного дела (по материалам США и Канады) : дис. ... канд. пед. наук. – М., 2006. – 220 с.

Романов П. С. Аннотированный библиографический список англоязычных диссертаций по библиотечному делу (1903–2004 гг.) / Моск. гос. ун-т культуры и искусств, Каф. библиотечного дела. – М., 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Романов П. С. Эффективность работы зарубежных библиотек: методы расчета и оценка. – М. : ЦНСХБ Россельхозакадемии, 2008. – 262 с.

Определение статуса библиотековедения как научной дисциплины

В книге П. С. Романова демонстрируется большой разброс позиций американских специалистов по вопросу статуса библиотековедения. На одном полюсе – утверждение, что библиотековедение невозможно отнести к какой-либо отрасли науки (наиболее яркий представитель этой точки зрения – Д. И. Вандервельф), на другом – что библиотековедение вполне самостоятельная отрасль науки, заслуживающая особого места в ряду профессиональной деятельности (Н. Д. Блисс). Библиометрический анализ библиотечной деятельности (С. Смит) позволил обозначить содержание и границы фронта научных исследований в области библиотечного дела. Кроме того, есть специалисты, которые полагают, что как наука библиотековедение существует, но находится в зачаточном состоянии (Ч. Уильямсон).

Некоторые позиции наших заокеанских коллег вызывают недоумение. П. С. Романов приводит в пример творчество М. Гормана, который утверждает, что у библиотековедения теоретической базы нет и, более того, создать ее невозможно в принципе. После этого он (М. Горман) начинает демонстрировать такую теоретическую базу (управление информацией, библиотечно-информационные услуги, интеллектуальная свобода при конфиденциальности доступа к информации и др.). Нам в этом видится некое научное кокетство, довольно распространенное в западной научной литературе. Возможно, оно понятно нашим зарубежным коллегам, но наших читателей несколько обескураживает.

Взгляды Ш. Ранганатана при разработке фундаментальных основ библиотековедения

Упомянутый выше М. Горман полагал, что основы библиотековедения заложил выдающийся индийский библиотеквед Шиали Рамамрита Ранганатан (1892–1972 гг.). При всем уважении к этой личности (в 2012 г. на широкомасштабной XIX Международной конференции «Крым-2012 “Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса”» был широко отмечен его 120-летний юбилей. В частности выступал с докладом «Признание Шиали Ранганатаном понятия “документ”» и автор этих строк) все же приходится признать, что такое утверждение грешит очень сильным преувеличением.

Наших американских коллег больше всего очаровывают широко известные «пять законов библиотечного дела» Ш. Ранганатана, хотя, строго говоря, на ранг научных законов они претендовать не могут. Их можно квалифицировать как очень хорошие профессиональные девизы, призывы, максимы, требования и т. д., но от законов требуется, чтобы они отражали такое общее, из которого невозможны исключения. К тому же эти постулаты Ш. Ранганатан сформулировал в предельно популярной форме для целей обучения студентов самого начального уровня. Тем не менее его эффектные и запоминающиеся афо-

ризмы в силу своей доходчивости получили широкую международную известность, а некоторые американские библиотековеды использовали их как отправную точку для собственных размышлений и предложений.

Библиотековеды-пессимисты

Российские библиотековеды относятся к своей дисциплине с большим пиететом. Они стремятся всячески доказать ее научный статус, сомневаться в котором считают неэтичным, хотя на самом деле, если говорить честно, внутренне убеждены в этом далеко не все.

В отличие от нас, и П. С. Романов это отлично демонстрирует, иные наши американские коллеги относятся к библиотековедению с изрядным скептицизмом. Складывается даже ощущение, что такой нигилизм считается в Америке хорошим тоном. Так, Джим Звадлоу, директор публичной библиотеки Liberty (Нью-Йорк) убежден, что лишь немногие библиотечные работники ощущают потребность в теоретических изысканиях по библиотечному делу и что в оценке научного состояния библиотековедения имеет место путаница и неразбериха. Этот тезис нужен Дж. Звадлоу для того, чтобы привлечь внимание к необходимости упорядочить наконец теоретические представления. П. С. Романов относится к работам библиотековедов-пессимистов сочувственно и с пониманием.

Другие теоретики опасаются, что библиотека как социальный институт пришла в своем развитии к последнему пределу, утратила целевую установку деятельности, и поэтому, отвечая на вопрос о создании научных основ или отказе от них, уповают на классическую философию.

Взаимосвязь философии и библиотековедения

П. С. Романов освещает взаимосвязь философии и библиотековедения начиная с диссертации Эрнеста Р. Брайсона «Теория библиотековедения» (1970 г.). Ценность этой диссертации, среди прочего, П. С. Романов видит в том, что автор попытался синтезировать и проанализировать все имеющиеся в Северной Америке определения библиотековедения в качестве отрасли науки и представил эту отрасль как социальную в сущности. Итоги проведенной работы П. С. Романов оценивает как незавершенные и полагает, что Джеймс М. Уайтхед в диссертации «Смысл библиотековедения: восприятие накопленного опыта и комментарии к нему с точки зрения общего гуманистического подхода и с позиций общей философии» (1981 г.) продвинулся значительно дальше.

Он отметил, что с конца 1940-х гг. американские исследователи поставили вопрос о необходимости философского осмысления библиотековедения и сделали в этом отношении много полезного. Некоторые авторы, с точки зрения П. С. Романова, даже чересчур увлеклись экскурсом в философию. Так, Герберт К. Райт пришел к выводу об идентичности статуса библиотековедения и философии: существа человека и существа информации. Российские библиотековеды,

резонно замечает П. С. Романов, полагают, что американцы преувеличивают проблему «философия и библиотеки», фактически ведя речь о целях, задачах библиотек, их общественной роли, предназначении и т. д., что «ни малейшего отношения к собственно философии не имеет». В российском библиотековедении эти вопросы давным-давно рассматриваются в русле общего библиотековедения, что позволяет обходиться без претенциозных наименований.

Заметим, что мода на выражение «философия библиотечного дела» все-таки проникла в последние годы на российское библиотечное поле, но фактически под этим понимается разработка социальной миссии библиотеки.

Мы считаем, что без философских постулатов развитие библиотековедения, конечно, невозможно, но философия в строгом смысле слова – всего лишь методологическая основа общетеоретических библиотковедческих построений.

Влияние теории Т. Куна на современное зарубежное библиотековедение

Среди различных философских направлений зарубежного библиотековедения П. С. Романов особо выделяет положения американского физика-философа Томаса Куна (1922–1996 гг.), которые послужили гносеологической базой дальнейших разработок статуса библиотековедения как научной дисциплины. П. С. Романов рассматривает труды авторов (Ричард Апостол, Майкл Харрис, Стэн Ханна, Ф. Микс, Джозеф З. Нитеки и др.), которые приложили учение Т. Куна к библиотековедению как науке.

Принимая постулаты известного философа о том, что наука (любая) не может претендовать на кумуляцию знаний, понятие «истины» весьма относительно, каждый завершающий этап революционного развития науки завершается несопоставимостью конкурирующих научных концепций, такие библиотековеды получают новую методологическую платформу для обоснования или опровержения научного статуса библиотековедения. В итоге этот вопрос остается открытым.

Модель комплексной структуры библиотековедения

Несмотря на ширококвещательные заявления о том, что библиотековедение опирается на классические труды естествоведов Птолемея, Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона, Фарадея, Максвелла, комплексные структуры теории библиотечного дела пока еще весьма далеки от совершенства. Модель МакГрафа, например, выстраивается преимущественно на всем, что связано с функционированием библиотечного фонда, но не вписывает в библиотечную деятельность, например, библиотечный персонал, пользователей и самих библиотекарей, организующих и ведущих эту деятельность.

Одновременно составной частью библиотечного дела автор считает издательскую деятельность (как источник пополнения библиотечных фондов), хотя эта деятельность существует автономно от библио-

течной. Сходны конструкции, созданные Майклом Баклэндом, Чарлзом Курраном. Думается, что, несмотря на подводимую под обосновываемые рассуждения сложную методологическую базу, результаты теоретических построений еще имеют значительные резервы для совершенствования.

Метамодель библиотековедения

В течение последнего 15-летия, как замечает П. С. Романов, зарубежные библиотековеды стали активно обращаться к теме соотношения библиотековедения и близкородственных ей дисциплин. Наиболее близкими считаются философия и информатика. В российском библиотековедении эта проблема тоже обсуждается довольно бурно, но мы убеждены, что библиотековедение образует единую научную специальность вкупе с библиографоведением и книговедением.

Такой подход признан у нас на государственном уровне, и кандидатам и докторам наук присуждают ученые степени именно по такой единой специальности. В связи с этим автор данных строк, много лет возглавляющий диссертационный совет и читающий аспирантам лекции, выпустил для них курс с соответствующим названием³.

Сейчас дискутируется вопрос: в какую более общую науку вписывается наша специальность? Ученые склоняются к тому, что скорее всего оно представляет собой часть или социологии (более конкретно: раздела, изучающего коммуникации, основанные на документах), культурологии или информационных наук. В этом отношении российское библиотековедение начинает сближаться с американским, где понятие «Library and Information Science» возникло еще в середине минувшего века и получило признание среди американских специалистов. Близки и концепции связи библиотековедения с социальной эпистемологией, как ее понимал Дж. Х. Шира, а теперь развивает эту концепцию Луччано Флориди, вписывающий в метамодель еще общую теорию информации.

Социальная эпистемология и библиотековедение

Социально-эпистемологическая концепция библиотековедения, выдвинутая в 1952 г. Дж. Х. Широу и М. И. Игэн и затем подхваченная многими американскими библиотековедами, была хорошо известна в СССР. Основные труды этого направления В. В. Скворцов перевел на русский язык, к анализу неоднократно обращались Н. С. Карташов, Р. С. Гиляревский, И. В. Лукашов.

В оценке рассматриваемой концепции П. С. Романов разделяет точку зрения своего учителя В. В. Скворцова: социальная эпистемология вправе претендовать лишь на то, чтобы выступать в качестве хотя и важного, но всего лишь одного из многих элементов,

³ Столяров Ю. Н. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность : полный курс лекций для аспирантов и соискателей по типовой программе канд. минимума. – Орел, 2007. – 266 с.

составляющих библиотекосведение. Мы, в свою очередь, считаем это заключение объективным.

Общая теория систем в зарубежном библиотекосведении

Как отмечает П. С. Романов, системные исследования библиотечных проблем с помощью системного подхода появились в американском библиотекосведении в конце 1960-х. Толчком для них послужили труды Филиппа М. Морзе. Развивал этот подход известный и в нашей стране своими трудами по документологии У. Б. Рейворд, а также другие исследователи.

Преимущество системных моделей состоит в их новизне, попытке представить библиотеку и ее внешнее окружение как единство, целостность. Вместе с тем системные модели еще далеки от совершенства, по крайней мере с точки зрения автора этих строк, поскольку включают в себя либо несоразмерные по масштабу, либо пересекающиеся объекты, которые к тому же иногда представляются вместе с процессами, что нарушает логические правила образования понятий.

Достоинства системных моделей позволяют тем не менее перейти к системному анализу библиотечной деятельности и, в частности, установить экономическую эффективность структурного подразделения и библиотеки в целом. П. С. Романов уделяет в своей книге разбор данного направления американского библиотекосведения большое внимание, детально анализируя различные нюансы применяемых нашими зарубежными коллегами методов и ссылаясь на десятки трудов своих заокеанских коллег.

Особо выделяет П. С. Романов Элвина М. Шредера, научное творчество которого в области как библиотекосведения, так и информатики он считает «недооцененным в международном и североамериканском библиотекосведении». В своей диссертации Шредер проанализировал более 700 англоязычных определений информационной и библиотечной науки почти за сто лет – с 1900 по 1981 г. В итоге он пришел к выводу, что взгляды ученых по этому вопросу отличаются чрезвычайным разбросом позиций и слабостью логической базой.

Шредер тоже является автором системной модели движения библиотечно-информационного продукта. Модель представляет собой закольцованную цепочку: → генерирование [информации] → распространение → коллекция → организация → хранение → поиск → генерирование. Легко убедиться, что схема содержит изъяны.

Как и во многих других случаях, процессы перемешаны с объектами. Так, за процессом «распространения информации» следует объект – «коллекция» (в русском языке, надо полагать, речь идет о библиотечном фонде в целом; коллекции у нас понимаются как составная часть библиотечного фонда, обычно весьма незначительная), а потом снова процесс – «организация».

Главный минус модели Шредера состоит в том, что представленный им цикл замыкается сам на себя, тогда как реально он ориентирован на пользователя,

ради которого и создается. Нет в этом цикле и субъекта, приводящего в действие весь представленный механизм. Отсутствует материально-техническая база, без которой движение библиотечно-информационного продукта невозможно. Впрочем, это уже наше собственное мнение, П. С. Романов к Шредеру и другим авторам, выстраивавшим собственные схемы, – Элизабет Штайнер-Маккиа, Джордж Маккиа и др. – более снисходителен. Он детально излагает и в целом позитивно оценивает их теоретические конструкции.

Метабиблиотекосведение Дж. З. Нитеки

Отдельному рассмотрению со стороны П. С. Романова подверглись взгляды Джозефа З. Нитеки, изложенные в так называемой «Трилогии Нитеки». Автору свойственно расширительное, как ему представляется, понимание библиотекосведения. Главную его функцию он видит в добывании, обработке, сохранении и использовании записей о документе. Однако, во-первых, здесь смешаны представления о задачах науки и практики. Что-либо создавать, добывать, обрабатывать и т. д. – задача практики, а не теории.

Во-вторых, операции над вторичным документом – прерогатива библиографов, а не библиотечарей. В-третьих, сведение многообразных и разноплановых функций библиотеки как учреждения или социального института только к операциям над первичным документом – сужение, а не расширение области деятельности библиотеки.

Поэтому восторги иных наших заокеанских коллег идеями Джозефа З. Нитеки, отнесение его трудов к выдающимся произведениям в области библиотекосведения, о чем подробно сообщает П. С. Романов, представляются преувеличенными.

Эволюция предмета и объекта библиотекосведения

Один из кардинальных вопросов библиотекосведения состоит в адекватном определении круга интересующих его вопросов, а также границ его интересов, т. е. его предмета. Эта проблема обсуждается в западном библиотекосведении, как сообщает П. С. Романов, свыше полутора веков, со времен Мелвила Дьюи. Определение предмета библиотекосведения тесно связано с решением вопроса о том, является ли занятие библиотечным делом профессией или это способ времяпрепровождения.

Итог длительного обсуждения известен: еще в первой половине прошлого века библиотечные школы введены в состав университетов на правах факультетов, существуют единые для всей страны (имеются в виду США и Канада) вступительные экзамены, своевременное обновление программ, повышение требований к преподавательскому корпусу, обязательная сертификация учебных программ в Американской библиотечной ассоциации.

Однако реалии второй половины XX в., связанные с новыми социально-политическими и военными задачами, а главное, с бурным развитием информатизации, привели к нескончаемой дискуссии о статусе

библиотекведения как науки, его месте в системе наук, о структуре библиотекведения и тому подобных сущностных вопросах. Было понято, что в библиотекведении отсутствуют ученые-фундаменталисты, т. е. отдельная группа ученых, которые занимались бы чисто теоретическими вопросами библиотекведения (Дж. Звадлоу).

П. С. Романов правильно констатирует, что «признаки кризиса профессии на самом деле являются внешним проявлением глубоких преобразований, которые претерпевает профессия библиотекаря и библиотекведение в целом <...> Эти преобразования связаны с переходом от современной эры к эре пост-современной». Постсовременная эра характеризуется информационным хаосом, субъективизмом, относительностью, непредсказуемостью.

Зарубежные коллеги рассматривают несколько аспектов библиотечного дела, которые непрерывно изменяются. Методологической основой современных библиотекведческих построений служат главным образом позитивизм и постмодернизм. Используются также идеи герменевтики, дискурсного анализа, когнитивистики. Популярна точка зрения, что предметом

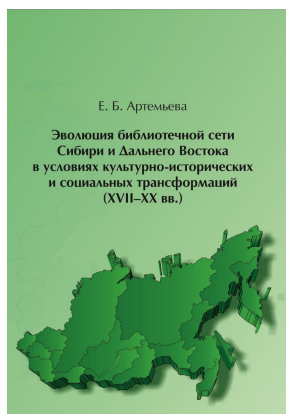
библиотекведения выступает информация. Однако 130 определений информации сводят на нет усилия связать библиотекведение с этим феноменом.

Более продуктивна позиция Э. М. Шредера считать объектом библиотекведения собственно библиотеку. Тогда изучение сущности библиотеки станет залогом успеха в разработке теоретических основ библиотечной деятельности. Заметим, что российские библиотекведы идут именно по этому пути.

Таким образом, П. С. Романов рассмотрел свыше 10 аспектов общебиблиотекведческих учений зарубежных библиотекведов. Произведенный ученым анализ достаточно полон и приносит несомненную пользу российским коллегам, а оценочная часть книги П. С. Романова, думается, может быть профессионально интересна и тем, кто дал русским библиотекведам повод для описания, анализа и оценки.

Ю. Н. Столяров, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Президент отделения «Библиотекведение» Международной академии информатизации при ООН

УДК 021(571)
ББК 78.34(25)

Артемьева Е. Б. Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX вв.) / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; науч. ред. И. А. Гузнер. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. – 424 с.

БИБЛИОТЕКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ДИАЛОГ ВО ВРЕМЕНИ

В 2012 г. вышла в свет монография Елены Борисовны Артемьевой, посвященная становлению и развитию библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока. Данный труд является законченным самостоятельным исследованием, результаты которого вносят весомый вклад в изучение теории и практики библиотечного дела.

В работе прослеживается формирование библиотечной сети на протяжении почти четырех столетий. На основе обширного потока публикаций и архивных

документов автор создает развернутую картину становления не только отдельных библиотек, но и ведомственных библиотечных сетей на фоне исторического развития региона.

Начинается исследование с обоснования появления первых библиотек в Сибири. Раскрыты особенности и ведущие направления их деятельности. Освещены малоизвестные библиотечной науке региона факты.

Елена Борисовна не просто приводит мнения известных ученых, исследователей, теоретиков и практиков библиотечного дела, а творчески их перерабатывает. Ее труд – не перечень существующих про-

блем, а их критическое осмысление. Благодаря глубокому изучению темы Е. Б. Артемьева достаточно обоснованно делает выводы о сущности изменений в библиотечном деле Сибири и Дальнего Востока России, отражает основной круг проблем, связанных с влиянием политической, экономической и культурной ситуации на этапы развития библиотечного дела региона.

Выводы, сформулированные в работе Е. Б. Артемьевой «Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX вв.)», обладают научной новизной и значимостью.

Исследование Е. Б. Артемьевой написано таким стилем, что читается оно не как научная монография, а почти как беллетристическое произведение, просто, понятно и занимательно. Очевидно, работа Е. Б. Артемьевой будет интересна не только для специалистов-библиотековедов, но и для всех тех, кто интересуется историей родного края – краеведов, учителей и просто читателей библиотек.

*Е. Н. Орлова, кандидат педагогических наук,
профессор кафедры книговедения и библиотечно-
информационной деятельности Хабаровского
государственного института искусств
и культуры*

Готовятся к изданию

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Монография

Махотина Н. В., Федотова О. П. Фонд литературы ограниченного распространения в научных библиотеках: базовые аспекты функционирования / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; науч. ред. Г. М. Вихрева. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2013. – 8,1 а. л. ; 60×84/16. – ISBN 978-5-94560-236-6 (в обл.).

Рассматриваются базовые институциональные детерминанты функционирования и трансформаций фонда литературы ограниченного распространения крупной научной библиотеки с позиций изменений, произошедших: в социально-культурных, законодательных и экономических реалиях осуществления библиотечной деятельности; структуре документопотока, поступающего в библиотеку, контингента и информационных потребностей пользователей. Особое внимание уделено понятийному аппарату.

Монография предназначена специалистам библиотек, студентам библиотечно-информационных специальностей высших и средних учебных заведений, а также обучающимся в системе повышения квалификации и непрерывного образования.

Сборники научных трудов

Труды ГПНТБ СО РАН / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. Б. С. Елепов. – Новосибирск, 2013. – Вып. 3. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях общественных кризисов XIX – начала XXI в. / отв. ред. А. Л. Посадсков. – 10 а. л. ; 60×84/16. – ISBN 978-5-94560-230-4 (в обл.).

Сборник посвящен вопросам истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока в условиях переломного времени, вызванного революционными потрясениями и трансформациями, сменой парадигм развития России XIX – начала XXI в. Российскому обществу, особенно в XX в., были свойственны периоды значительных отклонений от эволюционных процессов исторического движения, что неизменно сказывалось на состоянии книжной культуры. Особенно резкие перемены в книгоиздании, книгораспространении, массовом чтении в Сибирско-Дальневосточном регионе происходили в ходе замены общественно-экономических формаций. Сборник включает итоги исследований о закономерностях и осо-

бенностях внутренних перемен в указанные периоды, приобретении новых социокультурных функций книжной культурой региона.

Сборник предназначен для специалистов в области книговедения, библиотекведения, политологии и истории России.

Труды ГПНТБ СО РАН / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. Б. С. Елепов – Новосибирск, 2013. – Вып. 4. Научные библиотеки: взгляд в будущее / отв. ред. О. Л. Лаврик. – 15 а. л. ; 60×84/16. – ISBN 978-5-94560-238-0 (в обл.).

Сборник содержит материалы конференций, организованных ГПНТБ СО РАН по проблемам информационных технологий и электронных ресурсов в библиотеках, а также по истории, современному состоянию и будущему научных библиотек России. В нем отражены вопросы информационно-библиотечной деятельности и книговедения в регионе.

Сборник рассчитан на теоретиков и практиков библиотечного дела.

Труды ГПНТБ СО РАН / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. Б. С. Елепов – Новосибирск, 2013. – Вып. 5. Вклад ГПНТБ СО РАН в развитие отечественного библиотекведения, библиографоведения, книговедения и информатики / отв. ред.: О. Л. Лаврик, С. Н. Лютов. – 15 а. л. ; 60×84/16. – ISBN 978-5-94560-239-7 (в обл.).

Сборник содержит материалы научной сессии ГПНТБ СО РАН, прошедшей в феврале 2013 г. и посвященной итогам работы библиотеки над планами НИР и интеграционными проектами в 2010–2012 гг. Выпуск имеет следующие разделы: книжная культура Сибири и Дальнего Востока в контексте общественных кризисов XVIII–XXI вв.; русская и зарубежная книга в Сибири XVI–XX вв.: описание, изучение, введение в научный оборот с использованием цифровых технологий; библиотеки региона в системе современных социокультурных и научных коммуникаций; развитие программно-технологического комплекса информационно-библиотечной среды СО РАН; формирование электронной библиотеки как основного средства развития научных коммуникаций для информационного обеспечения научных исследований СО РАН.

Сборник рассчитан на теоретиков и практиков библиотечного дела.

Для заказа изданий обращаться по адресу:

630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, ГПНТБ СО РАН,
к. 506, редакционно-издательский отдел.

E-mail: rio@spsl.nsc.ru; riomarket@spsl.nsc.ru

Тел.: (383) 266-21-33

Факс: (383) 266-21-33

266-25-85

266-33-65 (с пометкой: «Для РИО»).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнале «Библиосфера» печатаются нигде ранее не публиковавшиеся материалы. Приветствуются оригинальные статьи, содержащие результаты научных исследований и разработок, новейший для страны опыт, аналитические обзоры по самым актуальным направлениям науки и практики в области книговедения, библиотекостроения и библиографоведения, информатики и т. д., оригинальные лекции по новым направлениям обучения в вузах и системе дополнительного профессионального образования, рецензии на изданные в регионе монографии, учебники, сборники трудов.
2. Статьи, в которых приводятся результаты работ, проведенных в учреждениях, следует сопровождать направлениями от соответствующих учреждений.
3. Рукописи рецензируются. Авторам высылаются только отрицательный отзыв.
4. Объем статьи не должен превышать 0,6 а. л., включая список литературы, таблицы и подрисовочные подписи, 5–6 рисунков или фотографий. Объем кратких сообщений – 0,2 а. л. текста и 2–3 рисунка или фотографии.
5. **Плата за публикацию статей и других материалов не взимается.**
6. Для заключения договора вам необходимо его распечатать (http://www.spsl.nsc.ru/download/archive/dogovor_bibliosfera.pdf), внести свои данные, подписать и отправить по адресу: 630200 г. Новосибирск, ул. Восход, 15, ГПНТБ СО РАН, ком. 407. Либо по электронной почте: zakaz@spsl.nsc.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

7. Присланный материал **должен** содержать: текст статьи, краткую аннотацию (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и английском языках), сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, место работы (полное наименование), должность, адрес организации, рабочий телефон, электронный адрес, желательна фотография автора.
8. В тексте **желательно** выделять введение, заключение, а основной текст разбивать на подразделы. Приветствуется авторское выделение курсивом и полужирным шрифтом наиболее важных фрагментов текста. Редакция будет весьма признательна, если авторы проставят к статье индексы УДК, ББК.
9. Текст **должен** быть в формате Microsoft Word, с расширением *.doc. Нумерация страниц не ставится. **Не следует применять** при оформлении текста стили, отличные от стиля «Обычный». Между инициалами в тексте статьи должен быть знак пробела. Фотографии должны быть выполнены в формате jpg (отдельным файлом) с разрешением не менее 300 dpi.
10. Ссылки на цитируемую литературу (или электронные публикации) обозначаются в тексте цифрами в квадратных скобках. В случае необходимости указать номер страницы (или диапазон страниц) цитируемого издания, рекомендуется использовать следующий формат: [1, с. 15–20]. Пристатейный список литературы **должен** быть оформлен в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 и приведен на отдельной странице.
11. Материал следует присылать по электронной почте на адрес ответственного за раздел, в котором Вы предполагаете опубликовать свою статью или информацию, или передавать на дискете.
12. Присланные материалы рецензируются. Редакция оставляет за собой право возвращать статью автору на доработку или не принимать ее к опубликованию. Датой поступления статьи в редакцию будет считаться дата поступления редакцией окончательного текста.
13. Статьи, оформленные без соблюдения приведенных правил, редакцией не принимаются.

Члены редколлегии, ответственные за разделы журнала:

Научные статьи:

Библиотековедение	д-р пед. наук Лариса Анатольевна Кожевникова	animr@spsl.nsc.ru
Книговедение	д-р ист. наук Александр Леонидович Посадсков	knigoved@spsl.nsc.ru
Информатика	канд. техн. наук Сергей Романович Баженов	bazhenov@spsl.nsc.ru
Обзоры	канд. пед. наук Ольга Павловна Федотова	kh@spsl.nsc.ru
Мастер-класс	канд. пед. наук Елена Борисовна Артемьева	artem@spsl.nsc.ru
Методология НИР	д-р пед. наук Владимир Семенович Крейденко	bvtch@mail.ru
Трибуна молодых	канд. пед. наук Наталья Степановна Редькина	to@spsl.nsc.ru
Научный архив	Галина Андреевна Лончакова	rk@spsl.nsc.ru
Книжные памятники.		
Реставрация и сохранность	канд. филол. наук Андрей Юрьевич Бородихин	borodichin@spsl.nsc.ru
Обмен опытом	канд. пед. наук Вера Григорьевна Свирюкова	vera@spsl.nsc.ru
Дискуссии	д-р пед. наук Ольга Львовна Лаврик	lisa@spsl.nsc.ru
Письма в редакцию,		
новости и объявления	канд. ист. наук Ирина Александровна Гузнер	guzner@spsl.nsc.ru
Приглашают коллеги.		
Информационные контакты	канд. пед. наук Дмитрий Миронович Цукерблат	opki@spsl.nsc.ru
Новые книги. Рецензии	канд. пед. наук Галина Михайловна Вихрева	vihreva@spsl.nsc.ru

Библиосфера

Научный журнал

№ 3 • Июль – сентябрь • 2013

Редактор *Г. К. Федосенко*

Дизайн и компьютерная верстка *Т. А. Калюжная*

Компьютерный набор *Л. Б. Шевченко*

Корректор *А. С. Бочкова*

Полиграфический участок:

Н. Ф. Починкова, художественный редактор, зам. директора ГПНТБ СО РАН
по издательско-полиграфической деятельности,
заслуженный работник культуры РФ

В. И. Мазалова, начальник участка

Сдано в набор 24.06.2013. Подписано в печать 23.08.2013.

Формат 60×84/8. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,2. Уч.-изд. л. 8,5.

Тираж 320 экз. Заказ № 199.

Учредитель-издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Государственная публичная научно-техническая библиотека

Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес издателя: 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15.

Адрес редакции:

630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, ГПНТБ СО РАН, к. 402.

Тел.: (383) 266-29-89, факс: (383) 266-29-89,

e-mail: lisa@spsl.nsc.ru, <http://www.spsl.nsc.ru/win/Bibliosfera/index.htm>

Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН.

630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15.